

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

ТипЛ

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_4

Выпуск 4, № 4 2018

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (Университет Западной Флориды, США)

Бурькин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г.Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

ThAL

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_4

Volume 4, Issue 4, 2018

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (University of West Florida, the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (St. Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru
e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 811.51
UDC 811.51

Бурыкин Алексей Алексеевич
Институт лингвистических исследований
Российская Академия Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Alexis A. Burykin
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russian Federation
albury@mail.ru

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ И ТЮРКО-ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В НОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ
ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ
NEW PERSPECTIVE OF TURKIC-MONGOLIAN AND TURKIC-
TUNGUS-MANCHU LEXICAL LINKS: THE ALTAIC THEORY
POSSIBILITIES FOR REVEALING ANCIENT LANGUAGE
CONTACTS

Аннотация

За полуторавековую историю алтаистики не возникало никаких противоречий при обсуждении вопросов общего происхождения языков, результатов языковых контактов и их дальнейших последствий, равно как и пласта заимствованных в разные ярусы языковых единиц. Исследования данного направления решали разные задачи в рамках алтайской теории, исходя из принятой идеи о родстве алтайских языков. Между тем, предпринимались попытки пересмотра этой идеи в рамках контралтаистики. В настоящей статье были решены четыре основных задачи. Во-первых, удалось объяснить не вполне регулярные фонетические соответствия в словах и провести прямые аналогии на общеалтайском уровне. Во-вторых, было показано, что большое количество «похожих» слов в тунгусо-маньчжурских и частично в монгольских и тюркских языках представляют собой старые заимствования, которые не вписываются в традиционные представления об ареальных связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В-третьих, был определён корпус лексики, которая может рассматриваться как продукт влияния исчезнувших монгольских или тюркских языков на тунгусо-маньчжурские языки и их лексический фонд. Наконец, удалось вновь подтвердить адекватность общеалтайской реконструкции и показать, что без анализа древних заимствований объяснение отдельных важных фактов истории тюркских языков в принципе невозможно.

Abstract

During 150 years history of Altaic studies, no contradictions arose while discussing the issues concerning the common origin of languages, language contact results and their further consequences, as well as the stratum of borrowed linguistic units into different levels of the

language. Such studies performed various tasks within the framework of Altaic theory dwelling on a traditional idea of the Altaic languages affinity. However, there were certain attempts to reconsider this idea within the framework of counter-Altaic theory. The present paper performed 4 tasks. First, it explained not quite regular phonetic correspondences in certain words and drew parallels at the common Altaic level. Second, it showed that a considerable amount of quite similar words in Tungus-Manchu and partly Mongolian and Turkic languages are old borrowings that do not fit into traditional assumptions about areal links of Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu languages. Third, it determined a corpus of lexical units that can be considered a result of the influence of already disappeared ancient Mongolian and Turkic languages on the lexical fund of Tungus-Manchu ones. Finally, it confirmed the validity of common Altaic reconstruction again and showed that without analyzing ancient borrowings, it is totally impossible to explain a number of important facts from the history of Turkic languages.

Ключевые слова: алтайская теория, тюркские языки, монгольские языки, ареальная коммуникация, реконструкция, фонетическое сходство, заимствования, исчезнувшие языки.

Keywords: Altaic theory, Turkic languages, Mongolian languages, Tungus-Manchu languages, areal communications, reconstruction, phonetic conformity, loan words, the disappeared languages.

doi: 10.22250/24107190_2018_4_4_5_26

1. Введение

За полуторавековую историю алтаистики не возникало никаких противоречий при обсуждении вопросов общего происхождения языков, результатов языковых контактов и их дальнейших последствий, равно как и пласта заимствованных в разные ярусы языковых единиц. Исходя из положения о генетическом родстве алтайских языков, проводился анализ общеалтайской лексики, внешне «вписывающейся» в систему фонетических соответствий между составляющими алтайскую семью тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими языками, а также корейским и японским (на более позднем этапе). Под этим же углом рассматривались разнообразные заимствования лексических единиц, происходившие в разных направлениях, фонетическая форма которых вполне предсказуемо отклонялась от регулярных фонетических соответствий. Все эти исследования решали разные, но связанные друг с другом задачи в рамках алтайской теории, исходя из принятой идеи о родстве алтайских языков. Отечественные приверженцы общего происхождения, то есть генетического родства алтайских языков Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, В. И. Цинциус и их зарубежные коллеги уделяли немало внимания заимствованиям в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, прекрасно осознавая, что именно на этом материале можно верифициро-

вать общеалтайскую реконструкцию, которую следует рассматривать как отдельный продукт исторической компаративистики для алтайских языков.

Выход в свет двух опытов сравнительной грамматики алтайских языков Г. Рамстедта [Рамстедт, 1957] и Н. Н. Поппе [Poppe, 1960, 1965] стал первым обобщением работы в области общеалтайской реконструкции. Сейчас, более полувека спустя, нам видны многие лакуны в групповых реконструкциях общетюркского, общемонгольского и общетунгусо-маньчжурского языковых состояний, на которых основывались создатели общеалтайской реконструкции, а также ненадежность многих представлений, на которых строилась названными авторами общеалтайская реконструкция. Тем не менее невозможно понять, по какой причине в алтаистической литературе скепсис в отношении родства алтайских языков стал занимать заметно большее место, нежели обоснование или хотя бы защита этого родства. По прошествии нескольких десятилетий можно откровенно признать – альтернатива алтайской теории так и не была найдена, отрицание генетического родства алтайских языков не помогло прояснить историю или тем более генетические связи тюркских или монгольских языков. Уже в 1970-е годы в «контралтаистике» стал заметен застой и дефицит позитивных идей, изучение ареальных связей тюркских и монгольских языков, а также выявление межгрупповых заимствований в отдельных группах алтайских языков не давало ничего, кроме увеличения объема лексических параллелей между алтайскими языками, причем таких параллелей, которые никогда и никем не признавались за факты обоснования родства алтайских языков. В самом деле, монгольские и якутские заимствования были прекрасно знакомы тунгусо-маньчжуроведам, взаимные заимствования вполне обоснованно составляли периферийный предмет внимания монголоведов и тюркологов, а изучение лексики такого языка, как чувашский, было возможно только при, с одной стороны, сравнении чувашских форм с теми, что имелись в других тюркских языках в общетюркском пласте, а с другой – одновременного отделения разнообразных заимствований, включая заимствования из других тюркских языков, а также из монгольских языков.

К 1980-м годам стало понятно, что несмотря на недоработки в области реконструкции архаического состояния алтайских языков, у алтайской теории нет альтернативы. Опровержение генетического родства алтайских языков не имело и не имеет серьезной перспективы, поскольку за столетний период отсутствуют положительные результаты в русле обоснования других родственных связей хотя бы какой-то одной группы алтайских языков. Что касается корейского и японского языков, то в настоящее время нет внятных альтернативных гипотез и для них. Реальные связи отдельных живых языков, представляющих те или иные группы алтайской семьи, и языков, на которых созданы ранние памятники письменности, могут бесконечно изучаться, но при этом полученные результаты будут иметь значение исключительно для рассмотрения лексики отдельных языков в диахронии. Для решения других задач они оказываются непригодными.

Как известно, Г. Рамстедт и Н. Н. Поппе основывали свои выводы для гласных на анализе движения тона в трёх позициях в слове: начальной (анлаут), конечной (аулаут) и серединной (инлаут). Для согласных был взят более широкий спектр позиций: анлаут, инлаут, аулаут, а также в пре-консонантной и постконсонантной позициях (т. е. был добавлен признак «одиначный согласный или консонанс»). Представляется однако, что было бы более логично уйти от поиска этих тривиальных соответствий и, наряду с материальными качественными соответствиями сегментных фонологических единиц, привлечь факты об эллипсисе согласных в тех же анлауте, инлауте и аулауте, а также элизии гласных из неначальных слогов. Именно эти черты так или иначе прослеживаются, согласно С. Е. Малову, в так называемых «новых» тюркских и монгольских языках Внутренней Монголии, тунгусо-маньчжурских языках на территории Приамурья и в современном корейском языке (ср. с орфографическими нормами корейского языка). Подробно результаты наших изысканий в данной области описаны в [Бурыкин, 1999, 2014, 2015]; здесь дадим лишь важнейшие выводы.

Сделанные дополнения и уточнения в общеалтайской реконструкции позволили выявить три типа соотношения лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня [Бурыкин, 2014, с. 25–26]:

1) письм.-монг. **mösun* ‘лёд’ ~ общетюрк. **büz* ‘лед’; письм.-монг. *xonin* ‘овца’ ~ общетюрк. **qoñ* ‘овца’;

2) письм.-монг. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ общетюрк. **jüz* ‘лицо’;

3) письм.-монг. *deresün* ‘камыш’ ~ древнетюрк. *Jiz* < **jēz* ‘тростник’.

Третья группа примеров демонстрирует, что в ряде случаев в архаическом состоянии тюркских языков гласный второго слога подвергался синкопе, затем из вторичных сочетаний согласных, возникших как результат синкопирования, эллиптировался первый согласный, разделяя судьбу первичных сочетаний.

Значение соответствий указанного типа для алтаистики невозможно переоценить. Прежде всего, с их помощью удалось во много раз увеличить количество явных сходжений в лексике общеалтайского происхождения, включая монголо-тюркскую лексику. Во-вторых, не будучи тривиальными или ожидаемыми, приведённые примеры, прозрачно указывают на генетическое родство языков; выявленные параллели при этом нельзя отнести к ареальным связям между тюркскими и монгольскими языками. Наконец, именно существование продемонстрированных параллелей является неопровержимым доказательством того, что соответствия типа тюрк. *altun* ~ монг. *altan* ‘золото’ с аналогичным консонантным кластером, вне всяческих сомнений, являются заимствованиями. Слова типа монг. *цэцэг* – тюрк. *sesäk* ‘цветок’, монг. *тахья* – тюрк. *taquq* ‘курица’ при наличии в других группах языков форм с кластерами в инлауте, ср. корейск. *та(л)к* ‘курица’ наглядно демонстрируют эту же тенденцию.

Известно, что в тюркских языках можно найти сравнительно немного согласных фонем, по которым отслеживаются нетривиальные соответствия в отдельно взятых языках – это межзубный /d̪/, переднеязычные /z/, /ʃ/, в некоторых случаях переднеязычный /s/, а также начальный среднеязычный /j/. Эта характерная черта тюркских языков даёт возможность морфологического обобщения – обобщения корней и аффиксов с перечисленными согласными, используя древнетюркский словарь или словарь Э. В. Севортяна [Севортян, 1974–2003]. Следующий логичный шаг – поиск проявлений этих же типов морфем в лексемах общеалтайского статуса и в заимствованиях «монгольские ← тюркские» и «тунгусо-маньчжурские ← тюркские». Решение этой задачи позволит реализовать целую серию возможностей. Во-первых, увеличится число тюркских заимствований, а их репертуар станет более разнообразным. Во-вторых, можно будет верифицировать саму общеалтайскую реконструкцию в том виде, в котором мы её предлагаем. В-третьих, анализ описанных параллелей в языковом материале при ряде условий мог бы вывести на поверхность характерные черты тюркских языков, послуживших источником упомянутых заимствований через указание на более ранние территории распространения этих языков. Наконец, появилась бы возможность оценить количество уже исчезнувших тюркских языков, которые оставили свой след в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках лишь в виде заимствований.

2. Монг. зэс, тюрк. *jez* ‘медь’ и его проявления в тунгусо-маньчжурских языках

Тюркские формы названия меди с архетипом *йэз были детально рассмотрены Э. В. Севортяном [Севортян, 1989, с. 168–169]. Автор согласился с точкой зрения о том, что монг. зэс является заимствованием из тюркских языков и обратил внимание на обратные заимствования данной лексической единицы тюркскими языками северо-восточного ареала, а также заимствование якут. *дьэс* ‘красная медь’, попавшего в эвенкийский язык, из монгольских языков.

Варианты названия меди п.-мо. *jes, jis, jed*, (калм. *зес*) были обойдены вниманием специалистов, несмотря на то, что именно они соотносятся с тюркским названием меди *jez*, и, что совершенно очевидно, являются заимствованиями из тюркских языков. Между тем, эти названия весьма интересны и имеют немалое значение для общей группировки названия этого металла в языках алтайской семьи. Однако остаётся открытым вопрос об архетипе тюркского названия меди, и о количестве примеров, которые можно выявить в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках среди различных названий меди. Варианты с /z/ – /d̪/ в абсолютном конце монгольских слов не позволяют с полной уверенностью заключить, что в ауслауте находился фрикативный /z/ и наводят на мысль о том, что слова могли заканчиваться и на интердентальный смычный /d̪/.

Один из вариантов названия меди в тунгусо-маньчжурских языках (удэгейский, орокский, нанайский, маньчжурский), не попавших в центр

внимания исследователей – это уд. *тэуси* ‘1) медь, латунь; 2) бронза’ и его производное *тэусимэ* ‘1) медный, латунный; 2) бронзовый’; орок. *тэвус*, *тэвуси* ‘1. медь; 2. медный’; нан. *тэусае* ‘медь’, ма. *тэјсун* ~ *тэјшун* ‘медь (жёлтая, из смеси красной меди и свинца)’ [ССТМЯ, 2, с. 242]. Приведённый пример крайне интересен сам по себе. Прежде всего, согласно реконструкции Б.А. Серебренникова [Серебренников, Гаджиева, 1986; Сравнительная грамматика, 1984], он совершенно явно выводится из тюркского *jez*, где начальное *m*- всего лишь глухой коррелят звонкого *ḍ*-, который встречается среди рефлексов начального *ḡ*- в тюркских языках (ср. схожие рефлексy в якутском языке: *тыал* ‘ветер’). Во-вторых, маньчжурские примеры в абсолютном конце слова имеют комплекс *-ин*, отмеченный и в других обозначениях меди – также не исконных в тунгусо-маньчжурских языках. Между тем, этот пример – своего рода переходная фаза между формой *jez*, которую можно принять за временную точку отсчёта, и другими формами, которые представляют собой далеко зашедшие стадии эволюции согласных в анлауте и инлауте в тюркских языках по их отражениям в заимствованиях в другие языки.

Самый примечательный из интересующих нас примеров – эвенк. *гэгин* ‘медь’, эвен. *геуан* (*г'е'һан*) ‘медь (жёлтая)’, нег. *гуин* ‘медь’, орок. *гэу(н-)* ‘медь’, ульч. *гёу(н-)*, (*гјау*) ‘медь; бронза’; *гёума* ‘медный’, орок. *гёу(н-)* ‘медь’; *гёума* ‘медный’, нан. *гио(н)* (*гива(н)*) ‘медь; латунь, бронза’, ма. *г'ован* ‘медь (красная)’ [ССТМЯ, 1, с. 177].

Авторы, которые позже писали о названиях металлов в алтайских языках, для данного слова никаких аналогий не выявили. Не удавалось сделать этого и нам, оставаясь в границах традиционных предметов [Омакаева, Бурыкин, 2008]. Однако в разбираемой форме севернотунгусские примеры, более архаичные, чем южнотунгусские, указывают на интервокальный *-γ-*, которое может восходить к *z* и представлять собой аналог изменений *z > γ* как параллель изменений *s > h*, и, главное, то же можно видеть и в начальном согласном при стадиях эволюции *j > j̣ > γ* – последнее звено этой цепочки мы видели в необъяснимом соответствии слов монг. *јida* ~ тунг.- ма. *гуда* ‘копье’.

В качестве одной из стадий или вариантов изменений слова-названия меди в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках надо привести и рассмотреть также эвенк. *чучин*, *чучун* ‘медь’, эвен. *чучурми* ‘медь (жёлтая)’ [ССТМЯ, 2, с. 418]. Эта форма, хотя источники её в цитируемом словаре не указаны, явно восходит к тюркским языкам, ср. др.-тюрк. *čod̄in* ‘медь’ [ДТС, с. 151]¹. Аргументы в пользу гомогенности этого слова с *jez* и рефлексами его праформы или его выглядят следующим образом: начальное *č*- входит в состав рефлексов общетюркского **j*- (ср. тувинский язык); межзубный смычный /*ḍ*/ усматривается в эквивалентах монгольской формы **jez* в монгольских же языках. Межзубный смычный /*ḍ*/ отражается как *ч* в значительном количестве тюркизмов, найденных в маньчжурском и

¹ Сравнение этого слова с названием чугуна в некоторых тюркских языках [Сравнительно-историческая ..., 2001, с. 410] неубедительно и по существу недоказуемо.

«чжурчжэньском» (хронологически ранняя форма маньчжурского, документированная другим видом письма) языках (ср. ма. *хучин* ‘колодец’, *гэчулэхэ* ‘одежда’ и т.п.), а формы с *-in* в ауслауте мы уже встречали в маньчж. *тэйшун* и будем рассматривать их далее.

Имеется два других названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, включенные в одну статью ССТМЯ. Одно из них имеет точную монгольскую параллель: эвенк. *чйриктэ* ‘медь (красная)’, эвен. *чйрит* ‘медь (красная)’, нег. *чиктэ* < *чйриктэ* ‘медь (красная); бронза’, орооч. *чйктэ* < **чириктэ*) ‘медь (красная)’, уд. *чикто* ‘медь, латунь’, ульч. *чйриктэ* ‘1) медь (красная); латунь; 2) бронза’; *чирумэ* ‘1) медный, латунный; 2) бронзовый’, орок. *чйриктэ* ‘бронза’, нан. *чйриктэ* ‘бронза’; ма. *сирин* ‘медь’; *сирин моро* ‘медная чашка’; *сирин сажфи* ‘медная ложка’, чж. *сiһ-li* ‘медь’, п.-мо. *sirin* ‘бронза, медь’ [ССТМЯ, 2, с. 399]. Отсылка к другим статьям этого словаря, равно как и указаний на параллели в других языках, не имеется.

Системное сходство форм ма. *сирин* ‘медь’ и монг. *sirin* ‘бронза, медь’ – их фактическое тождество с известными формами *jez*, *зэс*, в которых *с-* как один из рефлексов общетюркского **j-* в якутском языке и *г*, корреспондирующий с *з* как проявление ротацизма в классических алтаистических построениях, свидетельствует о том, что в конце названия меди должно было находиться *-in*. Однако самое важное – данный пример указывает на то, что если в тюркских языках и была возможность перехода *з* или *д̄* в сонант *г*, то такое изменение могло иметь место только при условии оглушения согласных или изначального недопущения звонких согласных в анлауте, и соответственно вторичности всяких проявлений оглушения от тотального наличия глухих в начальной позиции до вторичности наблюдаемых случаев озвончений. Чередование согласных *т//р*, *т’//ри* в анлауте в нивхском языке является аналогом этих изменений, как и тотальная замена указанных согласных их коррелятами в интервокальном положении – именно на этом правиле, определяющем изоморфизм рефлексов согласных и их сочетаний внутри слова и на стыках слов, основывается предложенная нами пранивхская реконструкция. То обстоятельство, что в нивхском языке оппозиция согласных «звонкий vs глухой» в анлауте либо заменена оппозицией «непридыхательный vs придыхательный», либо фактически утрачена в тех случаях, когда соответствия непридыхательным согласным звонких согласных в тунгусо-маньчжурских языках отсутствуют, поскольку там реализуются глухие согласные, указывает на фактор, детерминирующий упомянутые изменения переднеязычных и среднеязычных спирантов или сопутствующий им, сопряженный с ними.

Всё вышесказанное приводит к выводу, что архетип для ма. *сирин* и монг. *sirin* должен быть восстановлен как **sidin*, что демонстрирует его родство как с формой *čodin*, которую мы находим в тюркских языках, так и с формой *jez*, особенно с родственными ей словами, в которых имеется конечный *д̄*.

В результате проведённой реконструкции, для названия меди в языках алтайской семьи вырисовывается нижеследующая система праформ, каждая из которых, вероятно, соответствует тому или иному пратюркскому диалекту:

- 1) * $\check{d}(i)\check{d}in > si\check{d}in > \check{c}irin \sim$ си́рин / $sirin \sim$ чири-ктэ;
- 2) * $\check{d}(o)\check{d}in > \check{c}od\check{d}in >$ чучин;
- 3) * $\check{d}(e)\check{d}in > \check{d}ez(in) >$ тэуси ~ тэйшун;
- 4) * $\check{d}(e)\check{d}in > \check{d}ez(in) >$ jez ~ зэс;
- 5) * $\check{d}(e)\check{d}in > \check{d}ezin > \check{d}e\check{d}in >$ гэгин.

Теперь зададимся вопросом, для каких целей нам нужны эти примеры, взятые в комплексе.

Прежде всего они, причем именно в своем разнообразии, дают возможность понять, что ротацирующие формы могли прийти именно из тюркских языков, но исключительно после того, как в них произошло оглушение согласных в анлауте. Другая хронология изменений для «ротацизма» просто невозможна, поскольку для этого отсутствуют необходимые условия.

Кроме того, для возникновения ротацирующих форм, в дополнение к изменениям в качественной оппозиции шумных (замена глухости-звонкости или напряженности-ненапряженности на противопоставление придыхательных и непридыхательных или устранение данной оппозиции) необходимы конвергенция \check{d} и z , а также интервокальная позиция, поскольку такое изменение, учитывая факты нивхского языка, как типологический аналог ротацизма, в ауслауте² невозможно.

Наконец, удаётся прояснить, что отсутствие комплекса $-\bar{i}n/-in$ в ауслауте является единственным основанием для интерпретации монгольского зэс 'медь' как тюркизма, проникшего в монгольские языки из общетюркского лексического пласта, из общетюркского праязыка, который претерпел серию изменений, способных его идентифицировать.

Монг. *sirin* и ма. *сирин* 'бронза, медь' пришли из одного из пратюркских диалектов, в котором всё ещё сохранялись общеалтайские комплексы гласный+согласный в конце слова – это и есть причина, по которой в нём и мог быть «ротацизм». Переход анлаутных $\check{d}, \check{j}, n, n', l > j$, известный алтаистам, мог произойти хронологически только перед оглушением согласных в анлауте либо в другом диалектном континууме, в котором «ротацизм» не мог появиться, поскольку, как мы выяснили, ротацизм возможен только при условии оглушенности начальных шумных.

Не исключено, что монг. зэс восходит к тому состоянию тюркских языков, когда в них ещё не произошло тотального изменения анлаутных согласных с их преобразованием в общетюркский $*j-$, но конечные комплексы «гласный + согласный» к этому времени уже исчезли.

Слово *čodĭn* уходит корнями в такой пратюркский диалект, где «ротацизм» не был реализован, и где в поздних состояниях

² Мы не имеем в виду иллюзорный ротацизм-ламбдаизм, когда тюркские z и sh являются остатками кластеров $r\check{z}, r\check{c}, l\check{z}, l\check{c}$, в которых плавный утрачивался, а z и sh являются отражением среднеязычных [Бурыкин, 2005].

интердентальный \check{d} перешёл в $ч$ – рефлекс, не выявленный ни в живых тюркских языках, ни в письменных памятниках на тюркских языках, но проявившийся в тюркских заимствованиях в маньчжурский язык (ср. ма. *хучин* ‘колодец’, *гэчулэхэ* ‘одежда’ и т. п.) – вследствие чего и появилась форма *чучин* ‘медь’.

Похоже, что слова *тэйшун* ~ *тэусин* пришли из такого пратюркского диалекта, в котором была конвергенция $ч > т$. Другой, менее вероятный, вариант конвергенции – это, $\check{j} > j > d > t$, где второе и третье звенья цепочки отражают судьбу общетюркского j – в алтайском (ойротском) языке, а финальное звено присутствует в некоторых примерах из якутского языка (начальное $т$ - вместо ожидаемого $с$ -).

Форма *гэгин* ‘медь’ выводимая из формы с \check{j} в анлауте и инлауте – среднеязычной аффрикатой или спирантом z , соотносящимся с иными формами названия для меди в пратюркских или архаических тюркских диалектах, до сих пор остаётся загадкой. Данные формы, вносящие свою лепту в документацию тюркских языков, к великому сожалению, изымаются из обсуждения эволюции форм с оглушенными согласными (в противном случае в т.-ма. примерах мы имели бы не z -, а x или k , особенно в середине слов) и соответственно – форм с ротацизмом. Форма *гэгин* по праву входит в нашу коллекцию форм из пратюркских диалектов, сохранивших $-in$ в конечной позиции в названиях меди и обладающих свойствами, не встречающимися в тюркских языках на современном этапе их развития.

Всё вышесказанное даёт основания говорить о том, что пратюркским архетипом названия меди следует считать $*\check{d}\check{e}d\check{i}n$ ~ $*\check{d}\check{i}d\check{i}n$, ~ $*\check{d}\check{o}d\check{i}n$. В этом случае источником всех проанализированных выше пратюркских диалектных названий меди может быть китайское *qing¹tong²* (*цзинтун*) ‘бронза’. И тогда перед нами окажется пример эволюции китайского двусложного слова – бинома (ср. кит. *tong²* ‘медь’) за счёт изменений, ожидаемых для общетюркского (выпадение преконсонантного согласного в данном случае, исключаяющего даже иллюзорный «ротацизм», и отпадение ауслатного комплекса $-in$) образуется тюркский односложный корень, структуры CVC (где C – согласный, V – гласный), который ещё недавно считался эталонным для тюркских языков в общетюркском состоянии. Аналогичные структурные изменения корня предполагаются для слова *bez* [Севортян, 1978, с. 102–103]. Все предлагавшиеся этимологии, учтённые и неучтённые Э. В. Севортяном, не рассматривали возможности изменения внешнего облика лексемы, однако в маньчжурском языке сохраняются её архаические формы: ср. ма. *вэнчэо* ‘ткань из шелковой и льняной нитей’ < кит. *вэнь¹чоу²* [ССТМЯ, 1, с. 132], ороц. *генчу* ‘название шелковой ткани’, уд. *геанчу*, *чесуча*, ма. *г’анчу*, *г’анчэо* ‘шелковая ткань’ [ССТМЯ, 1, с. 146]. Ср. также тюрк. *boš* ‘свободный’ [Севортян, 1978, с. 203–205] и ма. *байсин* ‘свободный (от повинности. службы, занятий)’ при кит. *бай²жэнь²* ‘человек без должности’ [ССТМЯ, 1, с. 66]; социальные значения слова *boš* «свободный, незанятый, благородный» являются архаическими [Севортян, 1978, с. 204].

Таким образом, в этимологическом изучении тюркских односложных корней просматривается новое направление, позволяющее выводить их из китайских биномов при соответствии в семантике.

3. *aDig* «медведь» и его тунгусо-маньчжурские эквиваленты и поздние проявления

Э. В. Севортян, обобщив формы названий медведя в тюркских языках (статья с заголовком айы), происходящие от одной лексемы, сохраняющее это же значение, полагал, что это название является исторически эвфемизмом и связано с пожилым возрастом [Севортян, 1974, с. 112–113].

Кроме потенциальных заимствований названия медведя, о которых пойдёт речь ниже, укажем сначала на примеры – основания для общеалтайской реконструкции данной лексемы, ср. нег. *гойзима*, ороц. *гойзима*, *гойзима мапа* ‘медведь тибетский’, уд. *гуаизима* ‘медведь (гималайский или тибетский)’, нан. *гойзима*, *гойзики* ‘медведь гималайский’ [ССТМЯ, 1, с. 158]. Присутствие начального *g-* в тунгусо-маньчжурских словах пока не объяснимо, но сохранение преконсонантного *-й-* в тунгусо-маньчжурских примерах указывает на то, что они документируют самую архаичную форму слова, сопоставляемую с тюркскими лексемами. Любопытно, что в эвенском языке встретилось иноязычное название медведя *агди* («гром») [ССТМЯ, 1, с. 12], по форме точно отвечающее варианту предполагаемого пратюркского архетипа данной лексемы:

эвенк. баргузинск. *уксукэ* ‘медведь’ [ССТМЯ, 2, с. 254];

эвенк. диал. *учикан* ‘медведь’ [ССТМЯ, 2, с. 297];

ма. *удувэн* ‘медведь-муравьед’ [ССТМЯ, 2, с. 248].

Встречаются также формы с начальным заднеязычным:

эвенк. диал. зап. *кути* ‘медведь’ [ССТМЯ, 1, с. 440];

эвенк. диал. сымск. *корко* ‘медведь’ [ССТМЯ, 1, с. 415].

Приведённые формы показывают некоторые вариации огласовки, что не удивительно при наличии тунгусо-маньчжурских форм с начальным *go-*: корреспонденции интердентального *ǰ* укладываются в знакомые нам рефлексы интердентального *ǰ* в известных тюркских языках; формы с начальным *k-*, пока необъяснимым в ряде примеров (ср. алт. *кажык* ‘лодыжка’), в выбранном материале также присутствуют. Показательно, что форма *корко*, которая должна быть аналогична по рефлексу интердентального чувашской форме (однако в чувашском исконное тюркское название медведя, похоже, утрачено) – но она присутствует в той же диалектной группе, где название соли имеет форму *турукэ*, а название языка – *чили*: а это явные болгаризмы. Показательно, что в данной группе примеров, как и во многих других случаях, мы не находим морфологически осложнённых форм тюркских слов или слов с неясной морфологической структурой, нет в этом материале и семантических расхождений.

Монг. *адаг* ‘губач, медведь южноазиатский’ – определённо заимствование из тюркских языков: в нём, в отличие от тунгусо-маньчжурских форм, нет преконсонантного *й* или какого-либо другого согласного. Калм. *айу* ‘медведь’ – заимствование из тюркских языков огузского или кыпчакского типа наподобие ногайского.

4. Тюрк. *йүвсе* наперсток, *jüzük* кольцо и их проявления в тунгусо-маньчжурских языках.

Данный пример привлекает наше внимание не только разнообразием выявленных потенциальных эквивалентов, но и тем, что перед нами одно из немногих явно производных слов, потенциально заимствованных из тюркских языков. Параллели к форманту *-zuq/-zük* а именно тунг-ма. *-птун*, *-тинг*, монг. *-bci*, называющего предметы, надевающиеся на другой объект или покрывающие его, охарактеризованы нами в специальной работе [Бурькин, 2000]. Тюркские формы обобщены в словаре Э. В. Севор-тяна: *йүвсе* ‘напёрсток’ [Севор-тян, 1989, с. 257–258].

Рассмотрим примеры:

эвенк. *гилди* ‘кольцо’ [ССТМЯ, 1, с. 150];

эвенк. *голди* ‘кольцо’, *голдика* ‘водоворот’ [ССТМЯ, 1, с. 159];

нег. *эгди* ‘кольцо, обруч’ [ССТМЯ, 2, с. 437];

эвенк. *горги* ‘пряжка у подпруги’, сол. *гурги* ‘пряжка пояса’, уд. *гуаги* ‘пряжка ремня’, ма. *горги* ‘пряжка подпруги’, *гурги* ‘пряжка пояса’, мо. *gorki* ‘пряжка’, кор. *кори* ‘кольцо, звено’ [ССТМЯ, 1, с. 161];

нан. *гучфу* ‘кольцо, перстень’, ма. *гуйфун* ‘кольцо из золота, серебра, нефрита’ [ССТМЯ, 1, с. 176];

эвенк. сев.-байк. *гэптин* ‘напёрсток’ [ССТМЯ, 1, с. 180];

нан. диал. *кэээчи* ‘кольцо’ [ССТМЯ, 1, с. 443];

ма. *чосхо* ‘кольцо на конце черенка ножа’ и другие [ССТМЯ, 2, с. 409];

нан. Кур-Урм. *соноко* ‘напёрсток’ [ССТМЯ, 2, с. 111];

ма. *сорко* ‘напёрсток’ [ССТМЯ, 2, с. 113];

нан. *дурзи* ‘браслет, надевавшийся во время борьбы из-за мести’ [ССТМЯ, 1, с. 255].

В таких формах, как *гилди*, *голди*, *эгди* и *кэээчи*, форма суффикса близка к той, что мы наблюдаем в монгольском (*-bci*), хотя и с разнообразными преобразованиями. В формах *гэптин* и *гучфу* ~ *гуйфун* сохраняется тот вид суффикса, который знаком нам по тунгусо-маньчжурским материалам, однако основа слова на тунгусо-маньчжурской почве неясна, а тюркские формы с начальным *й-*, который согласно общеалтайской реконструкции, может восходить к разным согласным, в решении проблемы помочь не могут.

Формы *чосхо*, *сорко* и, очевидно, *соноко* показывают нам преобразования ауслатной структуры слова *-VC> CV* со сдвигом ауслатного согласного внутрь слова. Ауслатные согласные в этих словах соответствуют рефлексам общетюркского *j-* в тувинском и якутском языках соответственно. Обособленно стоит форма *дурзи*, где на месте согласного

-z-, интересующего нас в аспекте механики и истории ротацизма, находится сочетание -pz-, а начальная часть слова сходна с начальной частью слова «стремля» (монг. *dörüge*) Поскольку плавный в преконсонантной позиции в во всех других словах данного семейства отсутствует, остается признать, что он в форме *дурзи* оказывается продуктом ротацизма типа того, что наблюдается в дагурском языке в преконсонантной позиции, где почти любой согласный в данной позиции переходит в *p*-.

Примечательно, что 11 различающихся по форме слов со значением ‘кольцо’, восходящие при этом по фонетическим особенностям как минимум к восьми разным языкам, присутствуют во всех ареалах распространения тунгусо-маньчжурских языков.

5. Тюрк. *jiz* тростник, его общеалтайские эквиваленты и позднейшие проявления

Предполагается, что эквивалентами тюркской лексемы *jiz* ‘тростник’, среди которых должна присутствовать и не установленная лексема, которая должна была принадлежать к общетунгусо-маньчжурскому праязыку, являются следующие примеры:

ма. *гурби, гурбин* ‘тростник’ [ССТМЯ, 1, с. 173];

нег. *дэжкэн* ‘тальник, из прутьев которого плели канаты’, ульч. *дэжэ(н)* ‘канат-основание невода’ [ССТМЯ, 1, с. 231];

ульч., орок. *дэксун*, ‘куст, кустарник’, нан. *дэ:* ‘куст, кустарник’ [ССТМЯ, 1, с. 231], ср. также нивх. *нгыкс, вост-тах нга Гзырш* ‘куст’;

сол. *дересун* ‘рогожка’, ма. *дарасу, дэрсу, дэрэсу* ‘ковыль, из которого плетут шляпы’, *дэргү* ‘рогожка’, монг. *deresün* ‘ковыль’ [ССТМЯ, 1, с. 249];

ма. *занчухун* ‘сладкий’, *занчухунзэ* ‘сахарный тростник’ [ССТМЯ, 1, с. 173];

нег. *зисиктэ* ‘тальник, прут’, ма. *зисиха* ‘орешник’, монг. *zegesün* ‘тростник’, монг. *gegesün, sigesün* ‘тростник, камыш’, мо. *зэгс(эн)* [ССТМЯ, 1, с. 260];

ма. *окзиха* ‘тростник’ (ароматический, из которого плетут рогожки) [ССТМЯ, 2, с. 9];

нег. *тита* ‘береста, циновка’, нан. *чи:та* ‘циновка’ [ССТМЯ, 2, с. 189].

Все приведённые слова обозначают материал для плетения или плетеные изделия, что не даёт оснований сомневаться в их семантическом тождестве.

Судя по всему, такие формы, как нег. *дэжкэн* ‘тальник, из прутьев которого плели канаты’, ульч. *дэжэ(н)* ‘канат-основание невода’, для которых реконструируется архетип **дэжкэн* (оба языка теряют преконсонантное *p*), являются основанием для реконструкции корня на общеалтайском уровне. Форма *дэксун* – с суффиксом монгольского типа вместо тунгусского *-кта/-кса* – указывает на заимствование слова из монгольских языков или языка, похожего на монгольские. Следы падения преконсонантного плавного хорошо видны по нивхским примерам, где ауслатное *-кс* восходит к **ркс*, иначе заднеязычный подвергся бы спирализации.

Разброс начальных согласных в этих примерах, также рассматриваемых как старые тюркские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках, не выходит за пределы рефлексов тюркского анлаутного *j*-. Следы преконсонантного *p*-, сместившегося в эту позицию из позиции между гласными, видны в примерах *гурби*, *занчухун*, возможно, *дэксун*³. В примере *тита* начальный *й*- изменился в *т*-, как в некоторых якутских примерах (*туох* ‘что’, *тыал* ‘ветер’), а ожидаемый рефлекс для *-з*- совпадает с рефлексом интердентального *-т*- в якутском языке.

6. Тюрк. *jüz* лицо, поиски его общеалтайской параллели и рефлексы заимствований из разных тюркских языков.

Указанный пример вызывает интерес тем, что в общеалтайской форме присутствует плавный *-r-*, в монгольской форме – консонантный кластер на потенциальном стыке морфем, в тюркском слове – *z* в конце слова.

Потенциальные тунгусо-маньчжурские эквиваленты данного слова для тюркской формы *jüz* выглядят следующим образом:

эвенк. *дурун* ‘узор, вышивка’, сол. *дуру(н)* ‘вид, форма’, нег. *дуйун* ‘вид образ, изображение, рисунок’, ороч., уд., ульч., орок., нан. *ду:н* ‘внешний вид, образ, облик’, ма. *дурун* ‘образец, модель’, п.мо. *duri* ‘образ, облик, вид, фигура’ [ССТМЯ, 1, с. 225–226];

эвенк. *дэ:p* ‘поверхность’, *дэ:рэ* ‘лицо, морда’, сол. *дэрэл* ‘лицо’, эвен. *дэ:рэ* ‘лицо’, нег. *дэгэл* ‘лицо’, ороч. *дэ:* ‘лицо’, уд. *дэ:гди* ‘лицо’, ульч., орок., нан. *дэрэ* ‘лицо’, ма. *дэрэ* ‘лицо’, *дэрэнтү* ‘портрет’, [ССТМЯ, 1, с. 236];

нег. *зэхсэ*, нан. *зэсэ* ‘голова медведя’ [ССТМЯ, 1, с. 283];

эвенк. *чу:ки:* ‘череп медведя’ [ССТМЯ, 2, с. 411];

ма. *зонгин* ‘лоб, чело’ [ССТМЯ, 1, с. 264].

Создаёт определённые проблемы тот факт, что в тунгусо-маньчжурском материале одновременно присутствуют два примера, на основе которых может строиться общеалтайская реконструкция этого обозначения лица – *дурун* и *дэрэ*. При этом, первая форма – *дурун* – на непонятных основаниях считается предпочтительной, хотя вторая – *дэ:рэ* – более широко известна в литературе. Вариации согласного *з ~ ч* в анлауте, являющегося рефлексом общетюркского *й*, логично вписываются в известные факты; согласный во втором слоге, восходящий к *-z-*, подвергся спирализации аналогично рефлексам *z* и *ǰ* в якутском языке. Особо подчеркнём, что комплекс *-ин* в конце слова в последнем маньчжурском примере является признаком прототюркских лексем, адаптировавших

³ Данный пример интересен тем, что исследователи далеко не всегда задумывались, какой элемент какому именно элементу соответствует в сравниваемых словах в их линейной структуре. Здесь возможны два решения, -к- соответствует изменившемуся *-p-*, или -к- соответствует начальному элементу суффикса при выпадении согласного *к*, относящегося к суффиксу. Аналогично в соответствии *dürsün – jüz* есть выбор из нескольких решений – соответствие *p//z* «ротацизм-зетаизм», соответствие сочетания *-rs-* согласному *-z-* и соответствие *s//z*: мы склоняемся к последней трактовке эффекта «ротацизма / ламбдаизма», поскольку иное невозможно с точки зрения исторической фонологии тюркских языков, чему мы планируем посвятить отдельную работу.

тюркские черты, но ещё не эволюционировавшие до привычного общетюркского облика (см. выше двусложные названия меди).

Удалось отыскать ещё ряд примеров, в которых мы находим согласный *к* на месте *с* и *ч*, как в анлауте, так и в инлауте. Обратимся к этим примерам, ни один из которых не принадлежит общетунгусо-маньчжурскому лексическому пласту – совершенно очевидно, что все они могут считаться заимствованиями.

Сравним: ма. *каксаха* ‘сорока’ [ССТМЯ, 1, с. 363] – *саксаха* монг. *sagaŋgai* ‘сорока’ [ССТМЯ, 2, с. 54].

Нег. *койахи* ‘кость плечевая птицы’ [ССТМЯ, 1, с. 404] – тюрк. *söŋük*, казах. *сүйек* ‘кость’.

Нан. *кэку:кэ:* ‘цветок, побег ивы’ [ССТМЯ, 1, с. 445] – монг. *цэцэг*, тюрк. *ёсёк* – монгольское слово – очевидный, доказуемый тюркизм, ср. *чимчуктэ* ‘шишка лиственницы, ели’ [ССТМЯ, 2, с. 395], также монг. *цоморлог* ‘почка, бутон’; пока непонятно, к чему может относиться монг. *шогигой* ‘шишка дерева’.

Эвенк. *кэкэчэк* ‘копчик’ [ССТМЯ, 1, с. 445]. Ср. монг. *кудурга*, тюрк. *кудучак* ‘крестец’ – слово, заимствованное в эвенкийский язык из языка с заднеязычным *к* на месте межзубного *ḍ*. Аналогичные процессы ср. монг. *хусам* ‘берёза’ при тюрк. *qadın* – монгольское слово происходит из тюркского языка, в котором интердентальный *ḍ* перешёл в *ç*, это состояние предшествовало тому, где произошел переход *с>х* внутри слова независимо от исконности или вторичности этих согласных.

Нан. *хургэ* ‘табун’, ма. *хургэн* ‘запряжка скота под один плуг, стадо’ [ССТМЯ, 1, с. 478]. Ср. монг. *сүрэг* ‘стадо’, тюрк. *сюрюк* – монгольское слово, скорее всего, заимствовано из тюркских языков. Т.-ма. формы – возможно заимствование из бур. *хүрэг* < *сүрэг*. К языку с изменением начального *с*- восходит казахское *қора мал* ‘скот’.

Эвенк. и др. *кали* ‘карась’ [ССТМЯ, 1, с. 366] – монг. *салбарс* ‘сазан’

Нан. *хондо* ‘бобы соевые’ [ССТМЯ, 1, с. 470], ср. монг. *шош* ‘боб, бобы’

Ороч. и др. *хора(н)* ‘лицо’ [ССТМЯ, 1, с. 471] – п.-мо. *çirai* ‘лицо’

Сол. *хорил* ‘труба дымовая’ [ССТМЯ, 1, с. 471] – монг. *цорго* ‘труба’

Ороч. *хэдэ* ‘непогода’ [ССТМЯ, 1, с. 480], монг. *zada* ‘ненастье’, бур. *зада* ‘ненастье’; др.-тюрк. *jadci* ‘волшебник, заклинатель’ [ДТС, с. 222], якут. *сата* [Пекарский, 1959, с. 21–22] ‘камень, обладающий силой вызывать непогоду’.

Ма. *хэрэ-* ‘процеживать’ [ССТМЯ, 1, с. 482] – монг. *шүүх* ‘цедить’. Ср. тат. *сёз-*, казах. *сүз-* ‘цедить’, тур. *süzme* ‘процеживать’, нивх. *г-ездь*, *г-езуд* ‘цедить’. Маньчжурская форма пришла из языка, в котором имелся ротацизм, а тюркская форма заимствована из языка, в котором -з- изменился до заднеязычного и вторичной долготы гласного. Монг. *гоож-* ‘струиться процеживаться’, *гожгонох* ‘течь тонкой струей’, *гожгодах* ‘бить тонкой струей’ – возможно, отдельная лексема, но не исключено заимствование из тюркского языка с сохранившимся *з* и изменившимся

начальным согласным. Пример ма. *хэрэ-* ‘цедить’ однозначно демонстрирует, что общетюркская реконструкция глаголов с финальными неприкрытыми *з* и *ш* несостоятельна. В таких примерах заключены важные детали относительной хронологии изменений согласных в пратюркском языке и его диалектах.

Аналогичные примеры тунгусо-маньчжурских слов с начальным *х*-имеют тюркские соответствия, не имея при этом монгольских:

Орок. *халчи* ‘болото’ [ССТМЯ, 1, с. 461), ср. уд. *салаһа* ‘болото (лесное)’ [ССТМЯ, 2, с. 57] **салча* – тюрк. *са:з* ‘болото’ [Севортян, 2003, с. 155]. Сюда же, видимо, относится и эвенк. *йаку* ‘болото’ [ССТМЯ, 1, с. 339], происходящее из языка, в котором начальный *с*- оказался на грани утраты, а интервокальных *-з-* изменился в *-к-*, и эвенк. *н’арут* ‘озеро’ [ССТМЯ, 1, с. 636] – из языка, в котором *с*- оказалось на грани отпадения, *-з-* изменился в *-р-*, но еще не отпали ауслатные комплексы. Из языка, в котором *-з-* перешёл в заднеязычный, но начальный *с*- не отпал, а изменился в *т-*, заимствовано эвенк. *тагин* ‘лу́жа, болото’ [ССТМЯ, 2, с. 151]. Ср. нивх. *чатъф* ‘болото’, не имеющее близких по форме параллелей ни в тунгусо-маньчжурских, ни в монгольских языках, но совпадающее с тюркским *са:з* ‘болото’.

Сол. *хэсэ* ‘указ’ (< ма.), нег. и др. *хэсэ* ‘слово, речь, язык’ [ССТМЯ, 1, с. 483] – тюрк. *söz* ‘слово, речь’ [Севортян, 2003, с. 338–339]. Э. В. Севортян делает очень важное примечание к этой форме: «А. М. Щербак [Щербак, 1970, с. 196] восстанавливает праформу *сö:c*, что по як. *өс* и турк(м). *сөз* едва ли правомерно» [Севортян, 2003, с. 338], отмечая там же возможность форм с долгим или полудолгим гласным. Показательно, что в этом конкретном случае при кратком гласном в тюркском слове ротацирующие формы не лежат на поверхности (см. выше *хэрэ-* ‘цедить’). Однако к этому же тюркскому слову восходит, очевидно, эвенк. *ту:рэ:н*, эвен. *төрэн* ‘слово, речь, язык’ (также нег. и ороц.), *турэ:н-* ‘говорить’ [ССТМЯ, 2, с. 222] – с ротацизмом и переходом начального *с>т*, не составляющем экзотики и не единичном (ср. *тагин* ‘болото’). Данная пара примеров показывает, что ротацизм в тех тюркских диалектах, где он имел место, не связан с долготой предшествующего гласного, а имеет принципиально другие причины и условия реализации.

Нег. *хулдан* ‘гадюка’ [ССТМЯ, 1, с. 476] – тюрк. *йилан* ‘змея’ ср. также эвенк. *салама* ‘змея’, нег. *сулама* ‘змея’ [ССТМЯ 2: с. 57].

Нег. *хупэн* ‘нити’ [ССТМЯ, 1, с. 478] – др.-тюрк. *jīr* ‘нить, нить, тесьма, веревка’ [ДТС, с. 267], тат. *жеп*, казах. *жіп*. Заимствование из языка, близкого по типу к языку долган, где начальное *с* изменилось в *һ*.

Эвенк. *гуран* ‘низина’ [ССТМЯ, 1, с. 173] – чуваш. *шурла́х* ‘болото’ (у с ударением *а* краткое).

Ср. также. ма. *х’анчила-* ‘собираться стадом’ [ССТМЯ, 1, с. 461], эвенк. и др. *сэсин* ‘табун’ [ССТМЯ, 2, с. 146]. Перекрестные отсылки в ССТМЯ, явные варианты одной лексемы, восходящие к разным источникам, хотя эти источники пока не определяются.

7. Заключение

Проведённое исследование накопившихся до известной степени странных, но приобретающих актуальность примеров было призвано решить несколько задач, при этом главной задачей не было наращивание количества лексических параллелей между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками или подведение основ под ареальные связи между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками. Это своего рода «побочный эффект» решения иных – более глубинных – задач. Во-первых, уже давно назрела необходимость дать объяснение странным и не вполне регулярным фонетическим соответствиям в отдельных словах, явно не связанным с внутренней историей тех языков, для которых эти соответствия прослеживаются. Как оказывается, это соответствия, имеющие прямые аналогии в языках соседних групп, родственных на общеалтайском уровне.

Во-вторых, нужно было сформулировать и предложить гипотезу, в соответствии с которой большое количество «похожих» слов в тунгусо-маньчжурских и частично в монгольских и тюркских языках, не укладывающихся в групповые фонетические соответствия и не отвечающих статусу заимствований из известных языков, представляют собой старые заимствования, которые не вписываются в традиционные представления об ареальных связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, и только в построениях нового формата находят объяснение своей этимологии, а также предложить этимологии тунгусо-маньчжурских слов-изолятов, являющихся диалектизмами или дублетами в отдельных языках.

Третья задача, вытекающая из второй, состояла в определении корпуса лексики, которая определённо не является общетунгусо-маньчжурской по происхождению (в него попадают альтернативные наименования объектов, обозначаемые явно общетунгусо-маньчжурскими или общетунгусскими лексическими единицами), лексики, которая может рассматриваться как продукт влияния исчезнувших ныне монгольских или тюркских языков на тунгусо-маньчжурские языки и их лексический фонд. Подобная же задача – выявление заимствований из исчезнувших языков соседних групп – оказывается актуальной и для изучения лексики монгольских и тюркских языков, на что указывают в том числе и рассмотренные выше примеры. По материалам заимствований из тюркских языков ранней формации можно, как думается, составить представление о внешнем виде и количестве ныне не существующих тюркских языков и диалектов, точнее – пратюркских диалектов, участвовавших в контактах с языками других групп.

Четвёртая задача работы, не обозначаемая, но достигнутая – подтвердить адекватность общеалтайской реконструкции и показать, что без предлагаемого нами варианта общеалтайской реконструкции объяснение отдельных фактов истории тюркских языков невозможно в принципе – оно всегда выглядело и выглядит либо как необъяснимый авторский императив, либо как гадание на кофейной гуще.

Итоги проделанной работы в их перспективе для сравнительно-исторической тюркологии можно оценить следующим образом.

1. Территория, ныне занятая тунгусо-маньчжурскими языками, хранит следы прототюркского субстрата, элементы которого вошли в отдельные тунгусо-маньчжурские языки и в монгольские языки.

2. Хронология древнейших тунгусо-маньчжуро-тюркских контактов связана с датировкой времени распада общетунгусо-маньчжурского праязыка – по нашим данным, это начало 1 тыс. до н.э.

3. Количество неизвестных ныне тюркских языков, заимствования из которых выявляются в тунгусо-маньчжурских языках, вычисляемое по рефлексам согласных *ḏ*, *z*, *š*, *s* и *c* и их возможным комбинациям, определяется в интервале между 25 и 30 и более языками. Таким образом, хронология прототюркского состояния, с чертами, качественно отличными от черт других алтайских языков, уходит вглубь от времени появления первых памятников тюркской письменности на 1700 лет.

Самый главный результат – то, что предложенная общеалтайская реконструкция в одном из её обновленных вариантов и сама алтайская теория выдержали проверку построений на материале заимствований и существенно обогатили самые перспективы изучения взаимных заимствований в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Новые возможности сравнительной тюркологии, позволяющие проникнуть вглубь истории тюркских языков намного глубже языка ранних рунических памятников и существенно меняющие представления об ареальных межгрупповых связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а также ставящие новые задачи в сравнительно-исторических исследованиях алтайских языков свидетельствуют об одном – контралтаистика, то есть скептические заключения против родства алтайских языков и попытки выдать родство по крайней мере западноалтайских языков за продукт контактов потерпели полный крах, что для многих участников дискуссий и латентных противостояний означает полное разрушение научной репутации.

Список сокращений и условных обозначений

Алт. – алтайский (ойротский);

бур. – бурятский;

др.-тюрк. – древне-тюркский;

зоол. – зоологический;

калм. – калмыцкий;

кит. – китайский;

корейск. – корейский;

ма. – маньчжурский;

мо. – монгольский;

нан. – нанайский;

нег. – негидальский;

общетюрк. – общетюркский;

орок. – орокский;
ороч. – ороцкий;
п.-мо. – письменно-монгольский;
сол. – солонский;
т.- ма. – тунгусо-маньчжурский;
тат. – татарский;
тюрк. – тюркский;
тув. – тувинский;
уд. – удэгейский;
ульч. – ульчский;
чж. – чжурчженьский;
чуваш. – чувашский;
эвенк. диал. – эвенкийский диалектный;
эвен. диал. – эвенский диалектный;
якут. – якутский.

Список литературы

1. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах [Текст] / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Т. 1 : А–Г. – М. : Academia, 2001. – 520 с. – (БАРМС, 1).
2. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах [Текст] / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Т. 2. : Д–О. – М. : Academia, 2001. – 536 с.– (БАРМС, 2).
3. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах [Текст] / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Т. 3 : Ё–Ф. – М. : Academia, 2001. – 440 с.– (БАРМС, 3).
4. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах [Текст] / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – Т. 4 : Х–Я. – М. : Academia, 2002. – 532 с.– (БАРМС, 4).
5. Бурыкин, А. А. Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс -bcī (калм. -вч) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках [Текст] / А. А. Бурыкин // Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.). – М., 2000. – С. 16–20.
6. Бурыкин, А. А. Роль монгольских языков для алтаистических исследований [Текст] / А. А. Бурыкин // История развития монгольских языков. – Улан-Удэ, 1999. – С. 19–42.
7. Бурыкин, А. А. Тюркские согласные *z , *sh, *D в свете алтаистики: новые интерпретации [Текст] / А. А. Бурыкин // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э. Р. Тенишева. – М. : Вост. Лит., 2005. – С. 96–106.
8. Бурыкин, А. А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки [Текст] / А. А. Бурыкин // Вестник урovedения. – 2014. – № 4 (19). – С. 21–33.
9. Бурыкин, А. А. Методы сравнительно-исторического языкознания, алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи (Реплика на статью В. И. Рассадина) [Текст] / А. А. Бурыкин // Урало-алтайские исследования – 2015. – № 4 (19). – С. 93–105.

10. Древнетюркский словарь [Текст] / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л. : Наука, 1969. – 677 с. – (ДТС).
11. Омакаева, Э. У. Заметки к этимологии некоторых названий металлов в алтайских языках [Текст] / Э. У. Омакаева, А. А. Бурыкин // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая : материалы Международной научной конференции, г. Элиста, 9–14 мая 2007 г. / Российская акад. наук, Калмыцкий ин-т гуманитарных исслед. ; [редкол.: Н. Г. Очирова (отв. ред.) и др.]. – Элиста : КИГИ РАН, 2008. – С. 185–189.
12. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка [Текст] / Э. К. Пекарский. – Т. I. – 2-е изд. – М., 1959. – 1280 стлб.
13. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка [Текст] / Э. К. Пекарский. – Т. II. – 2-е изд. – М., 1959. – стлб. 1281–2508.
14. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка [Текст] / Э. К. Пекарский. – Т. III. – 2-е изд. – М., 1959. – стлб. 2509–3858.
15. Рамstedт, Г. Введение в алтайское языкознание [Текст] / Г. Рамstedт. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. – 255 с.
16. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 1. – М. : Наука, Восточная литература, 1974. – 768 с.
17. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 2. – М. : Наука, Восточная литература, 1978. – 349 с.
18. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 3. – М. : Наука, Восточная литература, 1980. – 395 с.
19. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 4. – М. : Наука, Восточная литература, 1989. – 292 с.
20. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 5. – М. : Наука, Восточная литература, 1997. – 364 с.
21. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 6. – М. : Наука, Восточная литература, 2000. – 262 с.
22. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. – Т. 7. – М. : Наука, Восточная литература, 2003. – 446 с.
23. Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков [Текст] / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. – М. : Наука, 1986. – 304 с.
24. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика [Текст] / под ред. Э. Р. Тенишева. – М. : Наука, 2001. – 822 с.
25. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / под ред. В. И. Цинциус. – Т. 1. – Л. : Наука, 1975. – 673 с. – (ССТМЯ, 1).
26. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / под ред. В. И. Цинциус. – Т. 2. – Л. : Наука, 1977. – 992 с. – (ССТМЯ, 2).
27. Poppe, N. N. Ein mongolisches Gedicht aus den Turfan-Funden [Text] / N. Poppe // Central Asiatic Journal. – 1960. – Vol. 4. – P. 257–294.
28. Poppe, N. N. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden : Harrasowitz, 1965. – 212 p.

References

1. Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-kh tomakh [Big academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Vol. 1 (2001) : A–G. – Moscow : Academia Press. (BARMS, 1).
2. Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-kh tomakh [Big academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Vol. 2. (2001) : D–O. Moscow : Academia Press. (BARMS, 2).
3. Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-kh tomakh [Big academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Vol. 3 (2001) : O–F. Moscow : Academia Press. (BARMS, 3).
4. Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. V 4-kh tomakh [Big academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 volumes]. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Vol. 4. (2002) : Kh–Ya. Moscow : Academia Press. (BARMS, 4).
5. Burykin, A. A. (2000). Iz sravnitel'no-istoricheskogo slovoobrazovaniya v altayskikh yazykakh: mongol'skiy suffiks -bci (kalm. -vch) i ego ekvivalenty v tunguso-man'chzhurskikh, tyurkskikh i koreyskom yazykakh [Comparative-historic word-building in Altaic languages: Mongolian suffix -bci (kalm. -vch) and its equivalents in Tungus-Manchu, Turkic and Korean languages]. *Vladimirtsovskie chteniya IV. Doklady i teziy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Vladimirtsovskie readings IV. Reports and author's abstracts of the All-Russian Scientific Conference] (pp. 16–20). Moscow.
6. Burykin, A. A. (1999). Rol' mongol'skikh yazykov dlya altaisticheskikh issledovaniy [The role of Mongolian languages for Altaic studies]. *Istoriya razvitiya mongol'skikh yazykov* [The history of Mongolian languages] (pp. 19–42). Ulan-Ude.
7. Burykin, A. A. (2005). Tyurkskie soglasnye *z ,*sh, *D v svete altaistiki: novye interpretatsii [Turkic consonants *z ,*sh, *D in Altaic studies: New interpretations]. *Altayskie yazyki i vostochnaya filologiya. Pamyati E. R. Tenisheva* [Altaic languages and Asian linguistic studies. In commemoration of E. R. Tenishev] (pp. 96–106). Moscow : Vostochnaya Literatura Press.
8. Burykin, A. A. (2014). O vzaimnom sootnoshenii otdel'nykh grupp altayskikh yazykov i ob otnositel'nom ob"eme izmeneniy v otdel'nykh gruppakh altayskikh yazykov: «drevnie», «novye», i «noveyshie» altayskie yazyki [About a mutual relation of separate groups of the Altaic languages and about the relative amount of changes in separate groups of the Altaic languages: “ancient”, “new” and “latest” Altaic languages]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 4 (19), 21–33.
9. Burykin, A. A. (2015). Metody sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznaniya, altayskaya teoriya i tyurko-mongol'skie yazykovye svyazi (Replika na stat'yu V. I. Rassadina) [Methods of comparative linguistics, the Altaic theory and the Turko-Mongolic language relations (Remark on Valentin Rassadin's article)]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 4 (19), 93–105.
10. Drevnyeturkskiy slovar'. (1969). [Ancient Turkic dictionary]. Ed. by V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad : Nauka Press.(DTS).

11. Omakaeva, E. U., Burykin, A. A. (2008). *Zametki k etimologii nazvaniy metallov v altaiskikh yazykakh* [Notes on the etymology of some words denoting metals in Altaic languages]. *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf.* [Oirats and Kalmyks in the history of Russia, Mongolia, China. Proc. of the Internat. Conference] (pp. 185–189). Elista : Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences Press.
12. Pekarskiy, E. K. (1959). *Slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut dictionary]. Vol. I (1280 columns). 2-nd edition. Moscow.
13. Pekarskiy, E. K. (1959). *Slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut dictionary]. Vol. II (columns 1281–2508). 2-nd edition. Moscow.
14. Pekarskiy, E. K. (1959). *Slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut dictionary]. Vol. II (columns 2509–3858). 2-nd edition. Moscow.
15. Ramstedt, G. (1957). *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie* [Introduction to Altaic studies]. Moscow : Inostrannaya Literatura Press.
16. Sevortyan, E. V. (1974). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 1. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
17. Sevortyan, E. V. (1978). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 2. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
18. Sevortyan, E. V. (1980). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 3. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
19. Sevortyan, E. V. (1989). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 4. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
20. Sevortyan, E. V. (1997). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 5. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
21. Sevortyan, E. V. (2000). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 6. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
22. Sevortyan, E. V. (2003). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. In 7 volumes. Vol. 7. Moscow : Nauka Press, Vostochnaya Literatura Press.
23. Serebrennikov, B. A., Gadzhieva, N. Z. (1986). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative-historic grammar of Turkic languages]. Moscow : Nauka Press.
24. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika.* (2001). [Comparative-historic grammar of Turkic languages. Lexical units]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow : Nauka Press.
25. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov.* (1975). [Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages]. Ed. by V. I. Tsintsius. Vol. 1. Leningrad : Nauka Press. (SSTMYa, 1)

26. Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. (1977). [Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages]. Ed. by V. I. Tsintsius. Vol. 2. Leningrad : Nauka Press. (SSTMYa, 2)
27. Poppe, N. N. (1960). Ein mongolisches Gedicht aus den Turfan-Funden. *Central Asiatic Journal*, 4, 257–294.
28. Poppe, N. N. (1965). *Introduction to Altaic Linguistics*. Wiesbaden : Harrasowitz.

УДК 811.112.2
UDC 811.112.2

Зубарева Екатерина Олеговна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Ekaterina O. Zubareva
Perm State University
Perm, Russian Federation
fialka21-85@mail.ru

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА «МИГРАНТ» **THE EVALUATION COMPONENT OF THE «MIGRANT» CONCEPT**

Аннотация

В предлагаемой статье анализируется модель концепта «мигрант», а именно особенности выражения оценочного компонента данного концепта через языковое сознание носителей русского языка, отражающее ценностную картину мира российского общества. Увеличение массовых миграционных потоков в Россию, повышенное внимание средств массовой информации к проблемам мигрантов и, как следствие, возникающие проблемы, связанные с языковой адаптацией мигрантов, национальной языковой безопасностью и повышенной языковой конфликтностью обуславливают актуальность выбранного ракурса исследования. Методом исследования послужил свободный ассоциативный эксперимент, который позволяет раскрыть весь спектр оценочных нюансов. В результате представлена полевая оценочная модель концепта «мигрант», ядро которого составляют нейтральные, положительные и рациональные оценки, а периферия представлена отрицательными, нормативными, эстетическими, этическими, теологическими и сенсорными оценками.

Abstract

The present article analyzes the the model of the concept of «migrant» with the particular focus on the evaluative component of this concept that can be observed through the linguistic consciousness of Russian speakers, as a reflection of the value picture of the World typical for Russian society. The increase in mass migration flows to Russia, extensive media coverage of migrant problems and, as a consequence, greater attention to the problems associated with language adaptation of migrants, national language security as well as increased language conflict potential determine the relevance of the chosen research direction. Free associative experiment was used as a method of study, which allows to reveal the whole range of evaluative nuances. As a result, a field evaluative model of the concept of «migrant» was presented, the nucleus being comprised by neutral, positive and rational evaluation while negative, legal, aesthetic, ethical, theological and sensor evaluation being in the periphery.

Ключевые слова: концепт «мигрант», оценочный компонент, языковое сознание, языковая картина мира, ценностная картина мира, свободный ассоциативный эксперимент.

Keywords: «migrant» concept, evaluative component, language consciousness, language picture of the world, world values picture, free associative experiment.

doi: 10.22250/2410 7190_2018_4_4_27_35

1. Введение

Миграционный дискурс представляет собой современный феномен, характерный для многих стран и культур. Прежде всего, это связано с процессом глобализации и постоянно растущими миграционными потоками. Актуальность изучения миграционного дискурса неоспорима, поскольку миграция затрагивает практически все сферы человеческой деятельности: политическую, экономическую, правовую, географическую, демографическую, социальную, культурную. Миграция является причиной обострения языковой конфликтности и речевой агрессии, неблагоприятные последствия которых невозможно урегулировать только с помощью политических или правовых мер, что, в свою очередь, приводит к повышению уровня интолерантности, ксенофобии и мигрантофобии. В связи с этим существует необходимость регулирования национальной языковой безопасности, что также обуславливает актуальность изучения миграционного дискурса и его главных социальных агентов.

В данной статье миграционный дискурс изучается в аспекте когнитивного подхода, в рамках которого осуществляется концептуальный анализ. Дискурс трактуется как набор ключевых концептов, так называемых «топиков» дискурса, которые помогают раскрыть его сущность и содержание [Демьянков, 2003, с. 130]. Г. Г. Слышкин считает, что базовые концепты могут выступать в качестве инструмента анализа того или иного дискурса [Слышкин, 2000, с. 38–39].

Миграционный дискурс как вид социальной практики представляет собой идеологический конструкт, с помощью которого формируется определённая позиция общества и отношение к мигрантам и миграционной политике в целом. Представляется весьма актуальным и интересным выявить и проанализировать современную оценочную модель концепта «мигрант» как отражение ценностной картины мира российского общества.

Оценочный компонент концепта представляет собой совокупность ценностей определённого общества или группы людей, выраженные в языке, и актуализируется в языковом сознании отдельного индивида или целого коллектива и языковой картине мира конкретного общества. Актуальность исследования оценочного компонента концепта как отражения языковой картины мира и особого мировидения находит подтверждение в работах многих авторов [Воркачев, 2004 ; Корлякова, Шустова, 2015 ; Маркелова, 1995].

Под языковой картиной мира понимается «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [Яковлева, 2004, с. 9]. Языковая картина мира изучается через языковое сознание – компонент когнитивного сознания речевой дея-

тельности человека. Языковое сознание помогает описать общие черты языка как достояния общества или конкретной группы людей, объединённых по общим признакам. Ценностная картина мира входит в языковую картину мира и отражает существенные эмоционально-оценочные признаки разных явлений и отношения субъекта к конкретному объекту [Карасик, 2004, с. 141–142]. Ценностная картина мира является «результатом проявления особого, ценностного отношения» [Сергеева, 2003, с. 47].

Главным инструментом изучения ценностной картины мира является концепт. В рамках оценочного подхода под концептом понимается многоярусное образование, включающее когнитивный, эмотивно-оценочный и языковой уровни [Алиференко, 2009, с. 80]. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [Пименова, 2004, с. 10]. Оценочный подход при анализе концепта позволяет выявить существующие ядерные и периферийные признаки в национальном сознании.

Объектом исследования в предлагаемой статье является модель концепта «мигрант», предметом исследования – специфика выражения эмоционально-оценочного компонента данного концепта через языковое сознание носителей русского языка, как отражение ценностной картины мира российского общества.

2. Анализ оценочного компонента концепта «мигрант»

Увеличение массовых миграционных потоков в Россию, повышенное внимание средств массовой информации к проблемам мигрантов и, как следствие, возникающие проблемы, связанные с языковой адаптацией мигрантов, национальной языковой безопасностью и повышенной языковой конфликтогенностью, обуславливают актуальность представления ценностной картины мира через концепт «мигрант».

Методом исследования послужил свободный ассоциативный эксперимент, который позволяет раскрыть совокупность «эмоционально-оценочных нюансов» концептов [Залевская, 2005, с. 53–54]. Цель данной статьи представить эмоционально-оценочную модель концепта «мигрант» как отражение фрагмента ценностной картины мира российского общества.

Свободный ассоциативный эксперимент был проведён без количественного ограничения, двумя способами для получения наиболее объективные данные. Информанты были разделены на две группы, при этом первой группе предлагался метод визуализации, то есть готовая карточка с написанным словом-стимулом «мигрант», второй – метод слухового восприятия слова-стимула. В эксперименте приняли участие 180 граждан Российской Федерации, студенты вузов. От каждого информанта были получены от 2 до 14 реакций; общее количество ассоциаций составило 1168. Студенты являются так называемой «социально перспективной группой», которая в ближайшем будущем станет определять базовые социальные тенденции [Ерофеева, 2015, с. 85]. Именно поэтому представления

молодёжи особенно важны и интересны, так как именно их взгляды определяют будущее.

Для того, чтобы проанализировать оценочные признаки концепта «мигрант» и сформировать фрагмент ценностной картины мира, отражённый в сознании носителей русского языка, мы использовали классификацию типов оценок, предложенную Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988]. В результате обработки данных свободного ассоциативного эксперимента на слово-стимул «мигрант» были выделены следующие типы оценок:

1) положительная оценка, включающая:

оценку степени сочувствия: *помощь (8), ущемление (2), ущемление прав (2), кочующий (2), беспомощный, бедолага, сопереживание, жалко, нуждающийся в помощи, нуждающийся в защите, скитания, скиталец, странник, кочевник, снисходительность, незащищённость, обездоленный;*

оценку материального состояния: *бедность (8), безденежье (4), бедный (3), уют (2), голодный (2), голод (2), нищета (2), нуждающийся, нужда, нищий, без определённого места жительства, отсутствие жилья, строительные вагончики, палатки;*

оценку причин миграции: *поиск лучшей жизни (6), бегство (5), политическое убежище (4), бедствие (3), поиск (3), выживание (3), возможности (3), нехватка рабочих мест (3), поиск работы (3), новая жизнь (3), безысходность (2), вынужденность (2), будущее (2), пострадавшие, сложная жизненная ситуация, спасение, спасающийся, усталость, неустроенность, нестабильность, выживающий, потеря, приключения, желание заработать, перспективы, желание изменить жизнь, лучшая жизнь, новые впечатления, убежище;*

оценку чувств: *тоска по родине (2), покинуть родину (2), страдание (2), волнение (2), тревога, стресс, смятение, разочарование, отчаявшийся, отчаянный, ностальгия, разлука, разочарование;*

оценку личных качеств: *смелость (2), интересный (2), задорный, весёлый;*

2) нейтральная оценка, включающая:

нейтральные номинации: *иностранец (40), беженец (27), приезжий (14), путешественник (8), эмигрант (4), чужой (4), выходец (2), гость (2), незнакомец (2), турист (2), искатель (2), чужестранец, чужеземец, чужак, поселенец, космополит, иммигрант, маргинал, житель, первооткрыватель, мечтатель, птица, ищущий, иной, неместный;*

национальность: *таджик (6), узбек (3), азиат (3), латиноамериканец (2), нерусский (2), армяне (2), араб, мексиканец, цыган, кавказец, итальянец;*

оценку как живого существа: *человек (9), люди (6), гражданин (3), мужчина (3), население, популяция, соседи, друзья;*

оценку трудового статуса: *гастарбайтер (7), рабочий (5), работник;*

3) отрицательная оценка, включающая:

оценку личных качеств: *хитрый (2), наглый (2), наглость (2), злой, плохой, дикий, замкнутый, скрытный, недовольный;*

уничижительные номинации: предатель (2), чурка (2), диссидент, хач, хачик, отступник, сбежавший, понаехавший, незванный гость, не патриот, обуза, иго, орда;

оценку поведения: агрессия (4), агрессивный (2), непристойное поведение, наигранное дружелюбие, отшельник;

оценку здоровья: больной, болезнь, инфекционная болезнь;

оценку отношения: опасность (5), страх (4), недопонимание (3), неприязнь (3), негатив (2), неприятие (2), непонимание (2), нежеланный, настороженное отношение, недовольство населения, негативное отношение, ненавидеть, ненависть, недоверие, отторжение, опасный, собачья жизнь, бесполезность, неприятность, измена;

оценку появления: вторжение (2), наплыв (2), изгнание (2), заполнение, засилье;

4) рациональные оценки, связанные с практической деятельностью и повседневным опытом, включающие:

оценку трудовой деятельности: безработица (4), дешёвая рабочая сила (4), дворник (3), дорожник (3), водитель (3), рабочие руки (2), неквалифицированный труд (2), низкоквалифицированный труд (2), низкооплачиваемая работа (2), разнорабочий (2), футболист (2), низкая зарплата (2), безработный, делает чёрную работу, неквалифицированная работа, таксист, стройка, ремонт, асфальт, торгаши, рынок, центральный рынок, сфера обслуживания, оранжевая жилетка;

оценку семейного статуса: большая семья (4), многодетный, бесемейный, одинокий;

оценку знания языка: другой язык (5), языковой барьер (4), незнающий языка (2), неграмотность, плохоговорящий, билингв;

оценку культурной адаптации: культурный шок (6), другая культура (5), новая культура (4), обмен культурами (3), культурные разногласия (2), отчуждённость, принятие культуры, иная культура, чужая культура, культурные различия;

другие оценки: проблема (13), трудности (8), политика (8), деньги (7), сложности (2), смена порядка, приспособленец, новая жизнь, новый опыт, новый мир, неудобства, экономика;

5) этические оценки, ориентированные на соблюдение нравственного кодекса: расизм (5), толерантность (3), другой менталитет (2), грубый, ответственность, вежливость, пренебрежение правилами, неуважение к окружающим, неуважение к девушкам, изгой, любовь к детям, в чужой монастырь со своим уставом, сложность в понимании, фиктивный брак, унижение;

6) эстетические оценки: чёрный (5), грязь (5), чернокожий (2), необычная внешность (2), загорелый, темнокожий, некрасивый, немолодой, грязный, оборванный, неопрятный, неприятный, необычный, специфичная внешность, иная внешность, средних лет, средневековые взгляды, мусор;

7) сенсорные оценки: тихий, буйный, шум.

Полученный материал позволил нам дополнительно выделить ещё два вида оценок по отношению к мигранту:

8) нормативные оценки, соотнесение с неким стандартом:

преступность (8), война (8), конфликт (7), нелегальный (5), нелегал (5), беспорядки (3), криминал (3), террористы (2), наркомания (2), взрыв (2), насилие (2), правонарушение, наркотики, разбои, тюрьма, незаконность, беззаконие, теракт, беспорядки, проблемы с законом, этнический конфликт, преследуемый;

9) теологические оценки, критерием которых является соответствие Божьему закону и заповедям: *религия (8), мусульманство (3), ислам (2), религиозность (2), вера (2), мусульманин (2), вероисповедание, любвеобильный, непьющий, неуважение, многоженство.*

Всего было выделено 671 реакций, имеющих оценочные признаки, что составило 57,3% от всех полученных реакций. Самые большие группы оценок были подразделены на дополнительные подгруппы для наглядности. Так, положительные оценки включают оценку степени сочувствия, оценку материального состояния, оценку чувств, оценку личных качеств, оценку причин миграции. Нейтральные оценки содержат следующие подгруппы: нейтральные номинации, национальность, оценка трудового статуса, оценка как живого существа. Отрицательные оценки представлены оценкой личных качеств, уничижительными номинациями, оценкой поведения, оценкой здоровья, оценкой отношений и оценкой присутствия. Рациональные оценки включают в себя оценку трудовой деятельности, оценку семейного статуса, оценку знания языка и оценку культурной адаптации.

Полученный материал позволяет представить актуализированную оценочную модель концепта «мигрант»:

нейтральный оценочный компонент – 27%;
положительный оценочный компонент – 20,6%;
рациональная оценка – 20%;
отрицательный оценочный компонент – 12,1%;
нормативная оценка – 8,7%;
эстетическая оценка – 4,2%;
теологическая оценка – 3,4%;
этическая оценка – 3,3%;
сенсорная оценка – 0,4%.

3. Заключение

Таким образом, можно представить полевою оценочную модель концепта «мигрант»: ядро концепта составляют нейтральные, положительные и рациональные оценки (в сумме более 67%), периферия представлена отрицательными, нормативными, эстетическими, этическими, теологическими и сенсорными оценками. Актуализированная модель отражает ценностную картину мира российского общества и позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, многообразие и множественность представ-

ленных реакций, включающих оценочные признаки подтверждает интерес российского общества к проблемам, связанным с миграцией и мигрантами. Во-вторых, в языковом сознании носителей русского языка и соответственно в российской языковой картине мира фиксируется нейтральное, положительное и рациональное отношение к мигрантам. Граждане Российской Федерации с сочувствием и переживанием относятся к мигрантам, понимая, что мигрант чаще всего вынужден покинуть родную страну в поисках новой лучшей жизни, а порой, просто чтобы спастись и выжить. В-третьих, полученные результаты также фиксируют формальное или нейтральное отношение к мигрантам как к иностранным временным работникам, рациональные оценки доказывают, что мигрант воспринимается как обычный ординарный человек, независимо от его национальности, веры, внешности. Вместе с тем следует отметить, что ценностная картина мира российского общества включает и негативные оценки личных качеств мигранта и его поведения, что может послужить дальнейшей перспективой исследования причин формирования отрицательного образа мигранта и языковых средств, его формирующих.

Рассмотренные оценочные признаки, входящие в концепт «мигрант», позволяют увидеть его богатые возможности в выражении оценочных отношений и ещё раз убедиться в многогранности живого языка.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 339 с.
5. Белоусов, К. А. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов) [Текст] / К. А. Белоусов, Е. В. Ерофеева // Политическая лингвистика, Уральский государственный педагогический университет. – 2015. – № 3. – С. 80–89.
3. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
4. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ [Текст] / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 116–133.
6. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования [Текст] / А. А. Залевская // Слово. Текст: Избранные труды. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М. : Гнозис, 2004. – 477 с.
8. Корлякова, А. Ф. К вопросу о национальной специфике оценки («гордость» в английском социуме) [Текст] / А. Ф. Корлякова, С. В. Шустова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015 – Т. 7. – № 6. – С. 319–321.
9. Маркелова, Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке [Текст] / Е. В. Маркелова // Филологические науки. – 1995. – Вып. 3. – С. 67–79.

10. Пименова, М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово : Наука, 2004. – С. 3–11 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).
11. Сергеева, Л. А. Проблемы оценочной семантики [Текст] / Л. А. Сергеева. – М. : Изд-во МГОУ, 2003. – 140 с.
12. Слышкин, Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) [Текст] / Г. Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 38–45.
13. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

References

1. Alefirenko, N. F. (2009). *«Zhivoe» slovo: Problemy funktsionalnoy leksikologii* [«The living word»: The issues of functional lexicology]. Moscow : Flinta Press : Nauka Press.
2. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meaning. Evaluation. Event. Fact]. Moscow : Nauka Press.
5. Belousov, K. A., Erofeeva, E. V. (2005). Semanticheskie modeli aktualnykh predstavlenij o Rossii (na materiale psiholingvisticheskikh ehksperimentov raznykh tipov) [Semantic models of popular images of Russia (Based on psycholinguistic experiments of various kinds)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 3, 80–89.
3. Vorkachev, S. G. (2004). *Schastye kak lingvokulturnyy kontsept* [Happiness as linguo-cultural concept]. Moscow : ITDGGK «Gnozis» Press.
4. Demyankov, V. Z. (2003). Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [Political discourse interpretation in mass media]. *Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [The language of mass media as an object of cross-field research] (pp. 116–133). Moscow : MGU Press.
6. Zalevskaya, A. A. (2005). Psiholingvisticheskie issledovaniya [Psycho-linguistic studies]. *Slovo. Tekst: Izbrannye trudy* [Word. Text: Selected papers]. Moscow : Gnozis Press.
7. Karasik, V. I. (2004). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Moscow : Gnozis Press.
8. Korlyakova, A. F., Shustova, S. V. (2015). K voprosu o nacionalnoj specifikе oцenki («gordost'» v anglijskom sociume) [An approach to the issue of nationally (ethnoculturally) specific valuation ('pride' in English society)]. *Istoricheskaya i socialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and social-educational ideas], 7 (6), 319–321.
9. Markelova, T. V. (1995). Semantika i pragmatika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke [Semantics and pragmatics of evaluative meaning expression means in Russian]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 3, 67–79.
10. Pimenova, M. V. (2004). Predislovie [Foreword]. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics] (pp. 3–11). Series «Conceptual studies», Vol. 4. Kemerovo : Nauka Press.

11. Sergeeva, L. A. (2003). *Problemy otsenочноy semantiki* [Challenging issues of evaluative semantics]. Moscow : MGOU Press.
12. Slyshkin, G. G. (2000). Diskurs i kontsept (o lingvokulturnom podhode k izucheniyu diskursa) [Discourse and concept (Linguo-cultural approach to discourse studies)]. *Yazykovaya lichnost: institucionalnyj i personalnyj diskurs* [Language personality: Institutional and personal discourse] (pp. 38–45). Volgograd: Peremena Press.
13. Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoj yazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Glimpses of Russian language picture of the world (The models of space, time and perception)]. Moscow : Gnozis Press.

УДК 811.512.212, 81'33
UDC 811.512.212, 81'33

**Иванашко Юлия Петровна, Морозова Ольга Николаевна,
Андросова Светлана Викторовна**
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Yulia P. Ivanashko, Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
polia-80@mail.ru, morozova_olga06@mail.ru, androsova_@mail.ru

Ильин Андрей Валерьевич
Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания
г. Благовещенск, Российская Федерация
Andrey V. Ilyin
Far Eastern Scientific Center of Physiology and Pathology of Respiration
Blagoveshchensk, Russian Federation
ALERO82@yandex.ru

**АРТИКУЛЯЦИОННОЕ ОПИСАНИЕ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ
ЗВУКОВ ОРОЧОНСКОГО ЯЗЫКА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МРТ)*
ARTICULATORY DESCRIPTION OF THE OROCHON VOWELS AND
CONSONANTS (BASED ON MRI)**

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты обработки материалов, полученных путём проведения магнитно-резонансной томографии. Объектом предпринятого исследования послужил звуковой строй диалекта Малого Хингана ороchonского языка, предметом – аллофоны гласных и согласных фонем. Впервые выполнено артикуляционное описание звуковых сегментов ороchonского языка, основанное на анализе JPG-изображений сагиттальных плоскостей речевого тракта диктора. Результаты исследования сопоставлены с имеющимися в научной литературе классификациями гласных и согласных фонем ороchonского языка.

Abstract

The current article presents the results of materials' processing obtained by magnetic resonance imaging. The object of the research is the sound structure of the Little Khingan dialect of the Orochon language. The subject is its vowel and consonant allophones. First attempt was made to describe the articulatory features of the Orochon language sounds based on the JPG images of the sagittal planes of the speaker's vocal tract. The findings are compared with the Orochon language phoneme classifications available in the scientific literature.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

Ключевые слова: ороchonский язык, гласные звуки, согласные звуки, артикуляционные характеристики, сагиттальный разрез, МР-томография.

Keywords: the Orochon language, vowels, consonants, articulation features, sagittalis, MRI.

doi: 10.22250/2410 7190_2018_4_4_36_58

1. Введение

Ороchonский язык является одним из тунгусо-маньчжурских языков, имеющих статус исчезающих. Носители этого миноритарного языка (немногим более 8600 человек) проживают на территории Китайской Народной Республики (Внутренняя Монголия, Большой и Малый Хинган, округ Хэйхэ и некоторые другие районы). Правительство КНР ведёт постоянную активную работу по сохранению и ревитализации ороchonского языка, в результате чего учёные Китая имеют серьёзную поддержку для своих антропологических, исторических, культурных и лингвистических изысканий. Однако на данный момент звуковая сторона ороchonской речи по-прежнему остаётся недостаточно изученной.

Имеется некоторое количество работ китайских авторов, посвящённых фонологической системе ороchonского языка и особенностям её реализации (см., напр., работы Ху Цзэньи [Ху Цзэньи, 1986, 2001]; Хань Юфэнь и Мэн Шусянь [Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993, 2013, 2014], а также сборник трудов, опубликованный при поддержке Отдела по делам национальностей и религий Правительства г. Хэйхэ [Материалы ..., 2014]). Между тем, едва ли можно встретить работы, описывающие акустические характеристики ороchonских фонологических единиц. Отсутствуют и данные, полученные с применением современных объективных методов анализа артикуляции. Сложившаяся ситуация побудила нас провести анализ артикуляции с применением МРТ.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Экспериментальное исследование проводилось в два этапа. На первом этапе была составлена программа эксперимента, в которую были включены две серии фонологических единиц:

1) гласные ороchonского языка /a/, /o/, /u/, /i/, /e/, /z/ в постпозиции к губно-губному сонорному /m/;

2) согласные ороchonского языка: /m/, /n/, /ŋ/, /ŋ̥/, /l/, /r/, /p/, /b/, /k/, /g/, /ʃ/, /t/, /d/, /j/, /h/.

На втором этапе было проведено томографическое исследование головы и шеи диктора-добровольца с целью получения изображений сагиттальных плоскостей его речевого тракта. В роли диктора выступил носитель диалекта Малого Хингана ороchonского языка (мужчина, 54 года).

Диктор свободно изъясняется на родном языке, является знатоком большого числа оронских фольклорных сюжетов.

Томографическое исследование проводилось на базе отделения лучевой диагностики ФГБНУ «Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания». Эксперимент выполнялся на низкопольном МР-томографе OPENMARK 4000 с применением специализированной 8-ми канальной катушки. Графическая постобработка и архивация МР-томограмм осуществлялась на рабочей станции МАХАОН 3.0. Перед началом эксперимента сотрудниками отделения лучевой диагностики была проделана необходимая работа по адаптации указанных программ в соответствии с целью проводимого экспериментально-фонетического исследования.

В ходе эксперимента при реализации гласных и согласных звуков диктору необходимо было удерживать уклад активных органов речи в положении, соответствующем тому или иному звуковому сегменту, в течение 14 секунд. Общая продолжительность экспериментального исследования составила 2 часа. В результате были получены 35 МР-томограмм артикуляций гласных и согласных звуков.

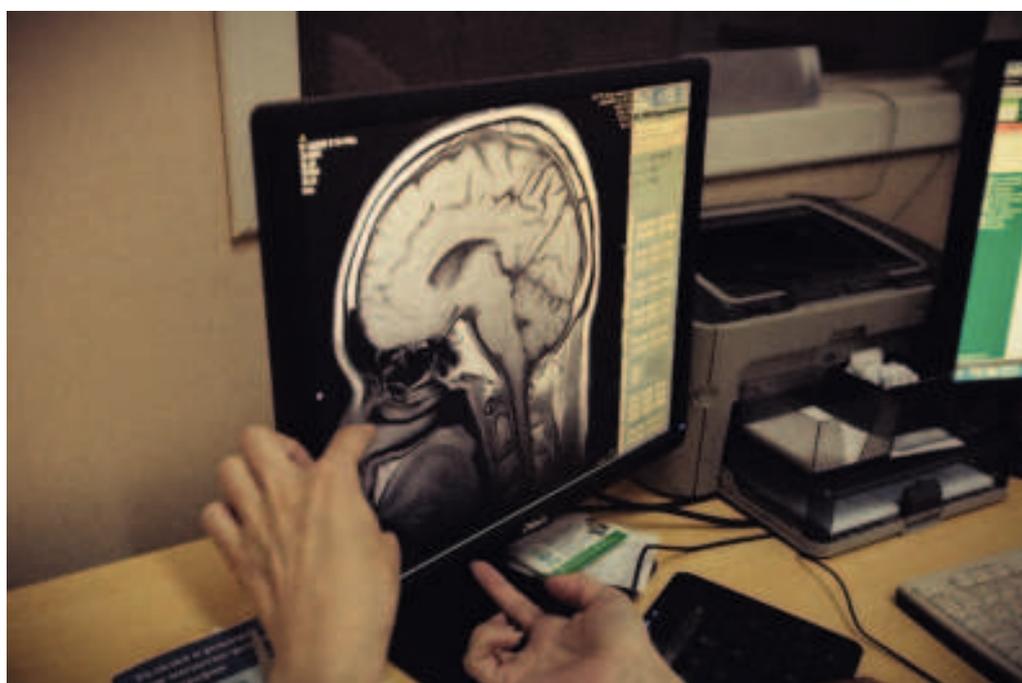
Процесс получения и обработки магнитно-резонансного томографирования представлен на рисунках 1–3.

Р и с у н о к 1. Подготовка диктора к проведению экспериментального исследования

Р и с у н о к 2. Ход экспериментального исследования

Р и с у н о к 3. Оценка полученных МР-томограмм

2.2. Результаты эксперимента

2.2.1. Артикуляционное описание гласных звуков

Согласно существующим в научной литературе классификациям, полученным на основе слухового и соматического исследований, гласные оронского языка противопоставляются по четырём основным признакам: долготе, подъёму, ряду и огубленности. По признаку долготы гласные делятся на длинные и краткие; по степени подъёма – на гласные высокого подъёма (закрытые), гласные полувысокого подъёма (среднезакрытые), гласные полунизкого подъёма (полуоткрытые), гласные низкого подъёма (открытые); по степени продвинутости языка вперёд или назад – на гласные переднего, центрального и заднего ряда; по участию губ – на огубленные и неогубленные [Мэн Шусянь, 2017, с. 76].

Ниже представлены данные анализа артикуляторных характеристик гласных оронского языка, полученные в результате изучения JPG-изображений сагиттальных плоскостей речевого тракта (томограмм) диктора – носителя диалекта Малого Хингана оронского языка.

Фонема /a:/

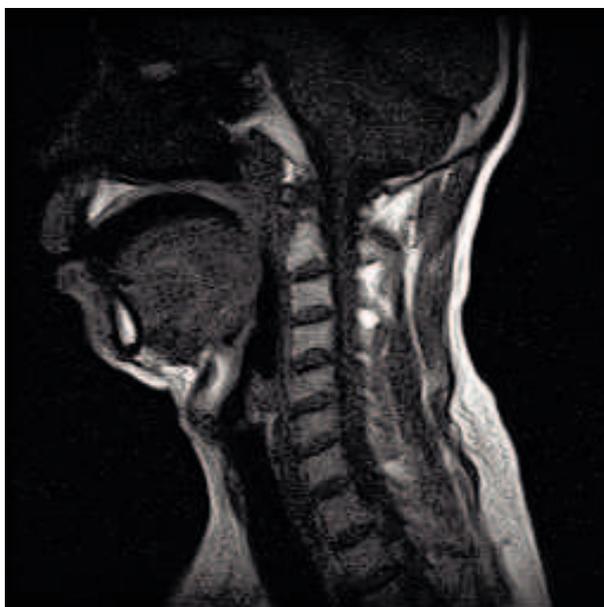
На рисунке 4 реализован долгий неогубленный гласный [a:] полунизкого подъёма, центрального отодвинутого назад ряда. Расстояние между языком и твёрдым нёбом максимальное из всех проанализированных гласных (ср. рис. 4 с рис. 5–9), что соответствует его описанию как самого открытого среди гласных оронского языка. В горизонтальной плоскости язык расположен достаточно равномерно по отношению к двум противопоставленным точкам артикуляционного аппарата – зубам и увуле. Задняя часть спинки языка немного смещена назад к мягкому нёбу. Кончик языка опущен к нижним зубам.

Р и с у н о к 4. Томограмма реализации фонемы /a:/
в слове *итаан* «костный мозг»

Фонема /ɔ:/

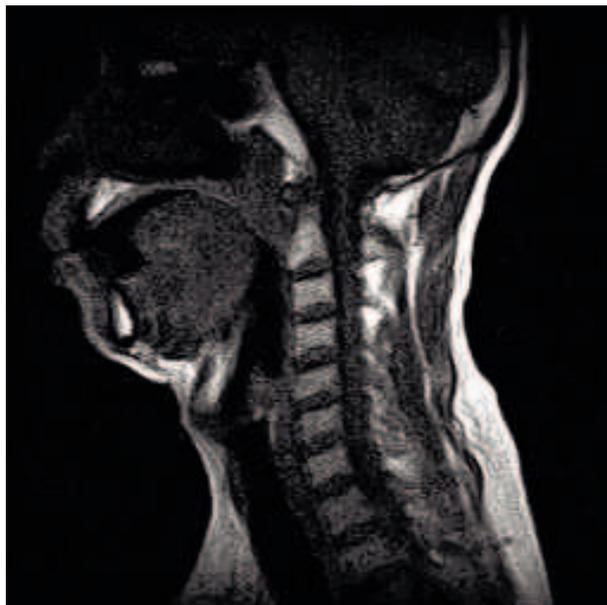
На рисунке 5 представлена реализация долгого огубленного гласного полунизкого подъёма глубокого заднего ряда. В отличие от предыдущего гласного, вся спинка языка наклонена по направлению к нижним зубам, в результате чего раствор между передней частью спинки языка и верхними зубами несколько больше, чем при произнесении гласного [a:], раствор между задней частью спинки языка и нёбом, соответственно, меньше. Большая площадь задней части спинки языка отодвинута назад по сравнению с [a:]. Огубленность выражена заметно больше по сравнению с [a:]. Таким образом, разница между двумя указанными гласными по подъёму, ряду и огубленности достаточно чётко выражена на представленных сагитальных плоскостях.

Р и с у н о к 5. Томограмма реализации фонемы /ɔ:/ в слове *тоо* «дерево»

Фонема /u:/

На рисунке 6 представлена реализация долгого огубленного гласного высокого подъёма, заднего ряда. Гласный [u:] реализуется при узком растворе рта. По сравнению с огубленным ороочонским [ɔ:], у данного гласного губы ещё больше округлены, образуя максимально узкое выходное отверстие. Язык в целом оттянут назад, кончик языка опущен и довольно далеко отстоит от нижних зубов. Передняя часть спинки языка несколько опущена и не соприкасается с нёбом. Расстояние между языком и твёрдым нёбом значительно меньше, чем в случае с гласными [a:] и [ɔ:]. Средняя и задняя части спинки языка притянуты к нёбу и задней части глотки.

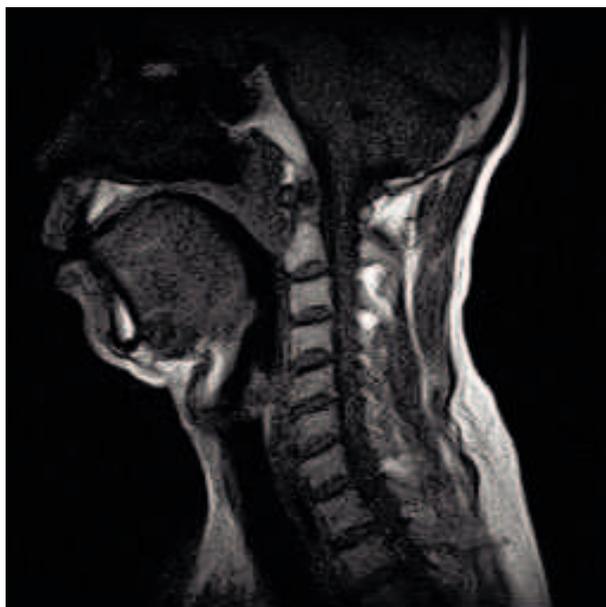
Р и с у н о к 6. Томограмма реализации фонемы /u:/ в слове *tiii* «вода»

Фонема /i:/

Долгий неогубленный гласный высокого подъёма, переднего ряда [i:] (рис. 7) также, как и [u:], реализуется при узком растворе рта. Передняя и средняя части спинки языка максимально высоко подняты к нёбу и альвеолам по сравнению с другими гласными настоящего исследования (ср. рис. 7 с рис. 4–6, 8, 9). Язык значительно продвинут вперёд, кончик направлен к верхним зубам. Расстояние между задней частью спинки языка и задней стенкой глотки самое большое по сравнению с другими гласными орочонского языка.

Р и с у н о к 7. Томограмма реализации фонемы /i:/ в слове *tiirə* «плечо»

Фонема /e/

Р и с у н о к 8. Томограмма реализации фонемы /e/ в слове *теѡап* «сердце»

На рисунке 8 представлена реализация краткого неогубленного гласного полувысокого подъёма переднего ряда. Раствор рта при произнесении звука [e] несколько больший, чем в случае с гласными высокого подъёма [u] и [i], однако эта разница минимальна. Язык продвинул вперёд, но расстояние между задней частью спинки языка и глоткой меньше по сравнению с аналогичным параметром при реализации [i]. Это может быть компенсацией недостаточно хорошо выраженной разницы по подъёму. Передняя и средняя части спинки языка приближены к твёрдому нёбу и альвеолам, кончик языка направлен к нижним зубам.

Фонема /з/

На рисунке 9 представлена реализация краткого неогубленного гласного полувысокого подъёма, центрального ряда [з]. Исходя из представленного изображения, данному звуку характерен раствор рта средней ширины. Язык продвинул вперёд, передняя и средняя части его спинки высоко подняты по направлению к твёрдому небу и альвеолам. Кончик языка направлен к нижним зубам. Задняя часть спинки языка несколько больше отодвинута от задней стенки глотки по сравнению со звуком [e]. По сравнению с [e], при реализации [з] язык несколько более равномерно распределён в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Вместе с тем очевидно, что чётко выраженного артикуляционного контраста между этими гласными разного ряда в горизонтальной плоскости (ожидаемое более выраженное движение назад) нет.

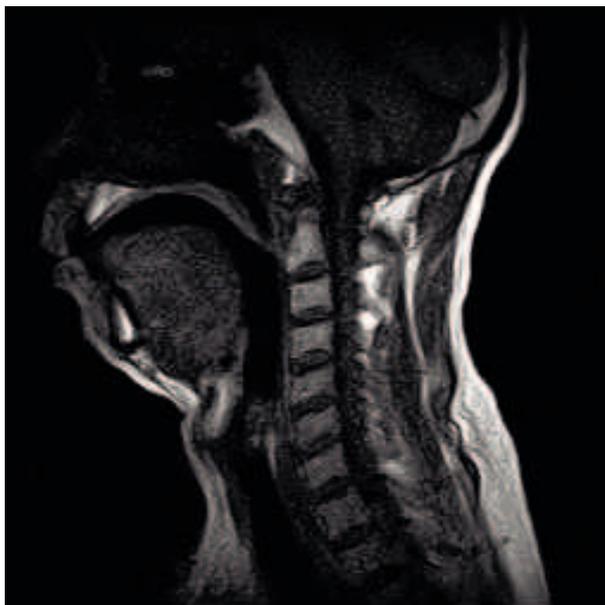

Р и с у н о к 9. Томограмма реализации фонемы /з/ в слове *mәdәn* «нерв»

2.2.2. Артикуляционное описание согласных звуков

Существующие в современной научной литературе артикуляционные описания ороchonских согласных предлагают классифицировать эту категорию звуков по способу образования преграды, по активному действующему органу и месту образования (совместно – локусу), по участию голоса и наличию / отсутствию придыхания. По способу образования преграды ороchonские гласные подразделяются на смычные (/p/, /t/, /k/, /dʒ/, /tʃ/, /m/, /n/, /ŋ/, /ŋ/), щелевые (/f/, /x/, /s/, /ɕ/, /l/, /j/, /w/) и дрожащие (/r/); по локусу – губные (губно-губные (/p/, /m/, /w/) и губно-зубные (/f/)), переднеязычные (апикальные (/t/, /n/, /l/), передние апикальные /dʒ/, /tʃ/), среднеязычные (/j/, /ŋ/, /ɕ/) и заднеязычные (/k/, /ŋ/, /x/); по участию голоса – на звонкие (/dʒ/, /tʃ/), глухие (/p/, /t/, /k/, /f/, /x/, /s/, /ɕ/) и сонорные (/l/, /w/, /r/, /n/, /m/, /ŋ/, /ŋ/); по наличию/отсутствию придыхания – на придыхательные (/p^h/, /t^h/, /k^h/) и непридыхательные (/p/, /t/, /k/). [Мэн Шусянь, 2017, с. 78]. Необходимо отметить, что авторами указанной работы в классификационную таблицу артикуляций не были включены согласные /b/, /d/, /ʃ/, /g/, /h/, /ŋ/. Характеристика данных звуков будет представлена в настоящем исследовании.

Ниже приведены данные анализа артикуляторных характеристик согласных ороchonского языка, полученные в результате изучения JPG-изображений сагиттальных плоскостей речевого тракта (томограмм) диктора – носителя диалекта Малого Хингана ороchonского языка.

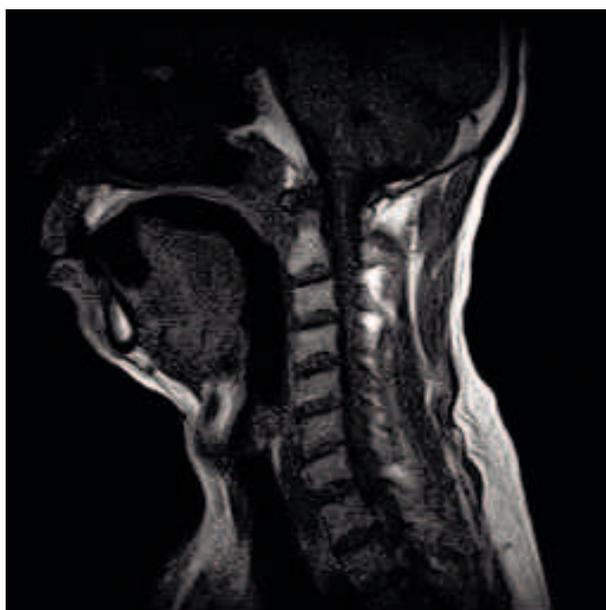
Фонема /m/

Р и с у н о к 10. Томограмма реализации смычного губно-губного носового сонанта [m] в слове *тэ* «дерево»

При произнесении согласного, представленного на рисунке 10, смычка образуется путём смыкания нижней и верхней губ с последующим внезапным, путём взрыва, размыканием. На полученном изображении зафиксирован момент смыкания губ. Нёбная занавеска опущена, что характеризует согласный как носовой сонант. Язык продвинут вперед и приподнят до среднего уровня. Средне-задняя часть спинки языка несколько больше поднята к нёбу, чем передняя.

Фонема /p/

Согласный [p], аналогично представленному выше [m], реализуется путём смыкания верхней и нижней губ и последующего их размыкания посредством взрыва, однако относится не к носовым сонантам, а к ртовым согласным, так как при его произнесении небная занавеска не опущена (см. рис. 11). Основная масса языка расположена в средней части ротовой полости, кончик языка направлен к альвеолам. Расстояние между спинкой языка и нёбом такое же, как и при произнесении согласного [m]. Средняя часть спинки языка приподнята, а задняя заметно больше, по сравнению со звуком [m], отодвинута назад, что свидетельствует о веляризации рассматриваемого гласного. Как известно, у губных согласных имеется второй заднеязычный фокус. В представленной реализации согласного [p] это выражено в большей степени, чем у [m]. Кроме того, язык определённым образом сжат в комок.

Р и с у н о к 11. Томограмма реализации глухого смычного взрывного губно-губного непродыхательного [p] в слове *оорон* «землянка»

Фонема /b/

При произнесении гласного [b] (см. рис. 12), мягкое нёбо поднято – звук реализуется как носовой.

Р и с у н о к 12. Томограмма реализации звонкого смычного взрывного губно-губного непродыхательного [b] в слове *bεεga* «луна»

Смычка образуется путём смыкания губ. Язык поднят к твёрдому нёбу чуть выше среднего уровня. Расстояние между спинкой языка и нёбом равномерно на всём его протяжении. Кончик языка направлен к нижним зубам, задняя часть спинки языка в большей степени, чем у звука [p] отодвинута назад; в целом площадь языка визуальна больше по сравнению с глухой парой – впечатления, что язык сжат в комок, не создаётся. Ожидаемый второй заднеязычный фокус не выражен.

Фонема /t/

На рисунке 13 представлена томограмма звука [t]. На изображении видно, что во время произнесения данного звука мягкое нёбо поднято, что обуславливает его неносовой характер. Смычка образуется передней частью спинки языка в области альвеол, что свидетельствует о сохранении этнического апикально-альвеолярного уклада. На МР-томограмме кончик языка направлен к альвеолам, но не сомкнут с ними, что свидетельствует о том, что снимок был произведен в момент размыкания смычки. Средняя и задняя части спинки языка приподняты к мягкому нёбу.

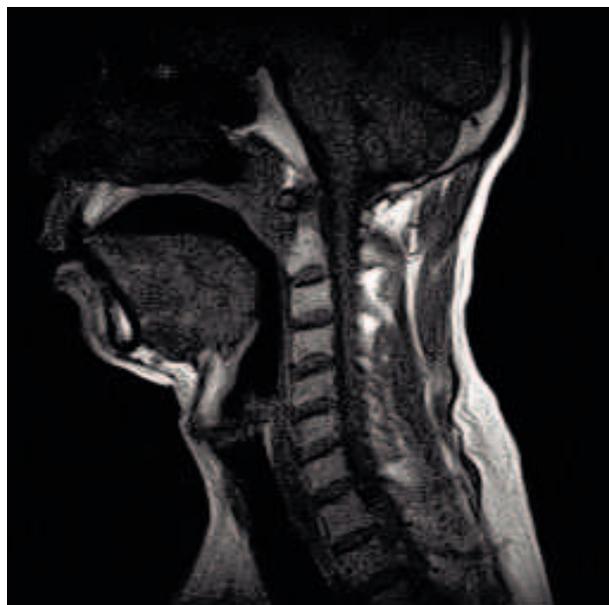

Р и с у н о к 13. Томограмма реализации глухого смычного взрывного апикально-альвеолярного [t] в слове *ittan* «достаточно»

Фонема /d/

Согласный [d], представленный на рисунке 14, является ротовым звуком, так как мягкое нёбо поднято. Фокус артикуляции данного звука по сравнению с [t], сдвинут вперёд – смычка образуется кончиком языка в области верхних зубов, а не в альвеолярной области. Средняя часть спинки языка ровная, расстояние между ней и твёрдым нёбом составляет около одной четвертой объёма ротовой полости. Раствор рта немного больше, чем

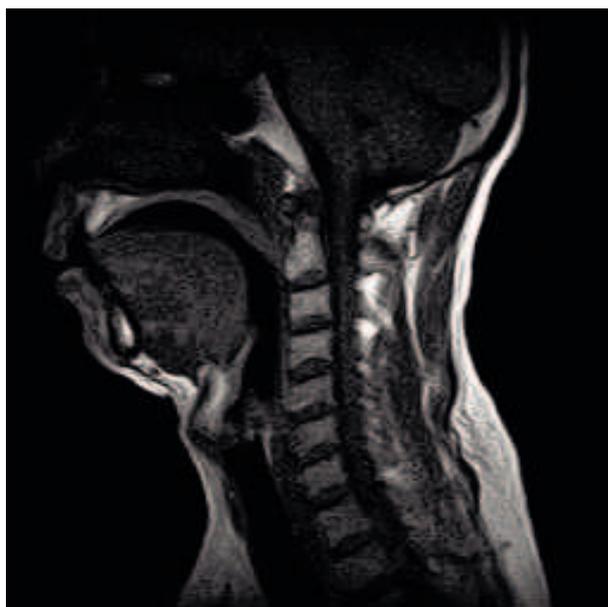
при произнесении звука [t]. При сравнении двух согласных вновь создаётся впечатление, что язык сжат в комок у глухого по сравнению со звонким – у последнего площадь языка явно больше.

Р и с у н о к 14. Томограмма реализации звонкого смычного взрывного апикального [dʰ] в слове *jada* «худой»

Фонема /dʒ/

При произнесении звука [dʒ] нёбная занавеска поднята, что обуславливает его неносовой характер (см. рис. 15).

Р и с у н о к 15. Томограмма реализации звонкой взрывной апикальной аффрикаты [dʒ] в слове *dʒaakta* «рис»

Также, как и в случае с орочонским звуком [d], смычка образуется путём смыкания кончика языка с верхними зубами. Однако на томограмме видно, что средняя часть спинки языка не приближена к твёрдому нёбу, что свидетельствует о полном отсутствии палатализации. Раствор рта при произнесении [dʒ] такой же, как и у звука [d].

Фонема /ʃ/

Звук [ʃ] является двухфокусным щелевым согласным, так как при его произнесении образуются две щели, два шумообразующих фокуса – в передней и задней частях полости рта (см. рис. 16). Передний фокус согласного образован поднятием передней части спинки языка к альвеолам и передней части твёрдого нёба. Задний фокус образован оттягиванием задней части спинки языка по направлению к мягкому нёбу. Средняя часть спинки языка ровная. Нёбная занавеска поднята, что характеризует звук как неносовой. Раствор рта при произнесении [ʃ] небольшой, но чуть более широкий, чем у звуков [t] и [d].

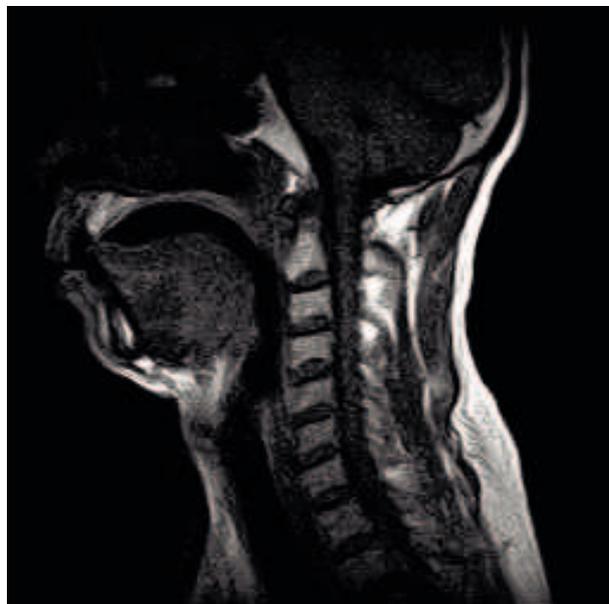

Р и с у н о к 16. Томограмма реализации глухого щелевого апикального [ʃ] в слове *ʃəʒkʃə* «кровь»

Фонема /l/

Согласный [l], представленный на рисунке 17, образуется путём смыкания кончика языка с верхними зубами. При артикуляции язык поднят невысоко, передняя часть его спинки немного вогнута, средняя и задняя части, напротив, выгнуты и слегка оттянуты по направлению к мягкому нёбу, придавая звуку веляризованный характер. Несмотря на наличие смычки в передней части ротовой полости, звук является щелевым, так как при его произнесении струя воздуха проходит вдоль боков напряженного языка, которые при этом немного опускаются (о чём свидетельствует вогнутая

передняя часть спинки языка). Нёбная занавеска закрыта, что исключает носовой резонанс согласного. Раствор рта небольшой, аналогичный тому, что наблюдается при произнесении орочонского [dʒ].

Р и с у н о к 17. Томограмма реализации щелевого апикального бокового плавного сонанта /l/ в слове *ulə* «мясо»

Фонема /k/

При артикуляции согласного [k], изображённого на рис. 18, нёбная занавеска закрыта, поэтому звук является неносовым.

Р и с у н о к 18. Томограмма реализации глухого непридыхательного смычного взрывного заднеязычного [k] в слове *kutkə* «вошь»

Фокус согласного образован путем смыкания средней и задней частей спинки языка с мягким нёбом и задней частью твёрдого нёба. Тело языка в целом оттянуто назад и снова сжато, кончик языка расположен напротив нижних зубов, но находится на значительном расстоянии от них. Передняя часть спинки языка не соприкасается с твёрдым небом. Раствор рта меньший, чем у звуков, представленных на рисунках 10–17.

Фонема /g/

Согласный [g] (см. рис. 19) произносится при закрытой нёбной занавеске, поэтому не является носовым. Смычка согласного образуется средней частью языка и границей между твёрдым и мягким нёбом. Тело языка визуальнее большей площади, чем у глухой пары, занимает основную часть ротовой полости, задняя часть его спинки оттянута назад, но в меньшей степени, чем при произнесении [k]. Кончик языка направлен к нижним зубам, но не касается их – расстояние между ними значительно меньше аналогичного для [k]. Передняя часть спинки языка в меньшей степени отстоит от твёрдого нёба, чем у глухого [k]. Раствор рта чуть больший, чем в случае с [k].

Р и с у н о к 19. Томограмма реализации звонкого смычного взрывного заднеязычного [g] в слове *glin* «прохладный»

Фонема /j/

На рисунке 20 представлена томограмма согласного [j]. При его произнесении мягкое нёбо поднято, что обуславливает неносовой характер звука. Звук произносится путём максимального сближения передней и средней частей спинки языка с твёрдым нёбом. При этом кончик языка направлен к передним зубам, но не касается их. Тело языка заполняет почти весь объём ротовой полости.

Р и с у н о к 20. Томограмма реализации среднеязычного щелевого плавного сонорного [j] в слове *bajə* «тело»

Фонема /r/

На томограмме, представленной на рисунке 21, реализуется согласный [r].

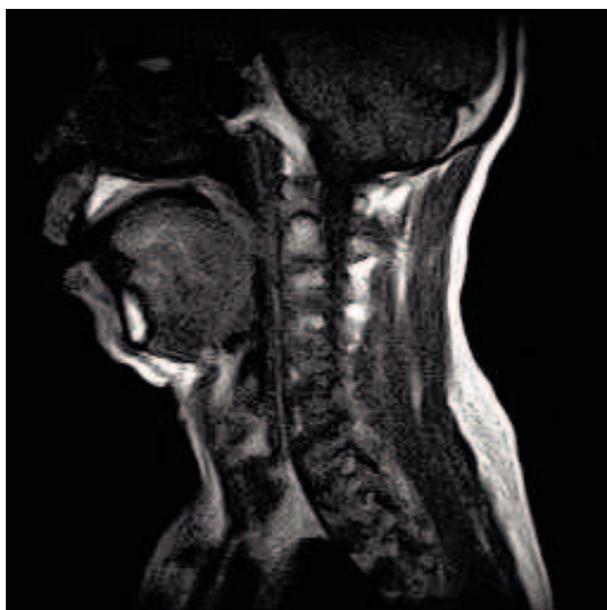
Р и с у н о к 21. Томограмма реализации дрожащего сонанта [r] в слове *urə* «гора»

На рисунке видно, что проход в носовую полость открыт, что свидетельствует о назализованном характере согласного у диктора настоящего исследования. На анализируемом рисунке язык продвинут вперёд, перед-

няя и средняя части его спинки высоко подняты к твёрдому нёбу, задняя часть ровная, не оттянута назад. Кончик языка находится у верхних зубов. Значительная выгнутость и высокий подъём средней части языка указывают на палатализованность согласного. Раствор рта при произнесении [r] больше, чем у других сонантов.

Фонема /n/

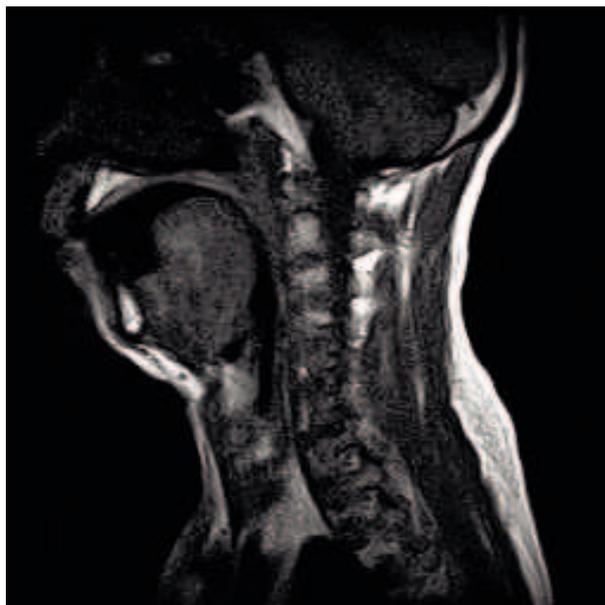
Фокус согласного [n], изображенного на рис. 22, образуется смыканием передней части спинки языка с альвеолами и передней частью твёрдого нёба. Смыкания с верхними зубами нет. Язык, в целом, продвинут вперёд, средняя и задняя его части слегка выгнуты. Раствор рта небольшой, близок к описанным выше переднеязычным звукам.

Р и с у н о к 22. Томограмма реализации смычного апикально-альвеолярного носового сонанта [n] в слове *alga* «нога, ступня»

Фонема /ŋ/

Фокус согласного [ŋ] (см. рис. 23) образуется смыканием задней части спинки языка с мягким нёбом. Тело языка отодвинуто назад, средняя и задняя его части сильно выгнуты. Передняя часть языка немного отстоит от твёрдого нёба, кончик языка расположен у нижних зубов, но не касается их. Нёбная занавеска опущена, поэтому звук является носовым. Раствор рта больше, чем у [n].

Р и с у н о к 23. Томограмма реализации смычного заднеязычного носового сонанта [ŋ] в слове *ŋɔ* «вонять, дурно пахнуть»

Фонема /ŋ/

Согласный [ŋ], представленный на рис. 24, является смычным, что, соответственно, выражено смыканием передней части спинки языка с верхними зубами, альвеолами и передней частью твёрдого нёба. При весьма схожей площади касания нёба, ширина языка меньше, чем у [n] (см. рис. 22) и он больше продвинут вперёд. В отличие от [n] средняя и задняя части спинки языка ровные, невыпуклые. Раствор рта такой же, как у [n].

Р и с у н о к 24. Томограмма реализации смычного апикально-альвеолярного носового сонанта [ɲ] в слове *ɲaɲa* «светло»

Фонема /w/

Согласный [w] является двухфокусным звуком. Первый фокус обеспечивается сближением округлённых губ, второй – сближением средней части языка с твёрдым нёбом (см. рис. 25). При артикуляции данного звука тело языка немного сдвинуто вперёд. Передняя часть спинки языка высоко поднята, но не касается твёрдого нёба. Кончик языка расположен у верхних зубов, однако смыкания с ними нет. Средняя часть спинки языка сильно выгнута и поднята высоко к твёрдому нёбу. Задняя часть языка, ближе к его корню, слегка выгнута. Нёбная занавеска закрыта, поэтому звук не имеет носового резонанса.

Р и с у н о к 25. Томограмма реализации щелевого губно-губного плавного сонанта [w] в слове *tiiṅwə* «вчера»

Фонема /h/

Фокус согласного [h], изображенного на рис. 26, образуется при участии задней части спинки языка, которая, сближаясь с задней стенкой гортани, образует преграду для струи воздуха. На томограмме язык отодвинут назад, его задняя часть выгнута и оттянута к глотке. Средняя часть спинки языка ровная, значительно отстоит от твёрдого нёба, передняя – касается верхних зубов, что в данном случае обусловлено коартикуляцией со следующим за [h] долгим [ɪ].

Р и с у н о к 26. Томограмма реализации глухого смычного заднеязычного [h] в слове *аһи* «женщина»

3. Заключение

Проведённый пилотный эксперимент позволил сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, артикуляционные движения языка по вертикали и горизонтали заметно отличаются у гласных, занимающих крайние точки соответствующих гласных цепочек: высокий подъём vs низкий, задний ряд vs передний. Однако внутри цепочки эти различия могут быть практически незаметны. Прежде всего это касается слабовыраженной разницы расположения языка по вертикали в представленных реализациях гласных фонем /i:/-/e/, /i:/-/ɜ/. Для первой пары гласных разница по расположению языка по горизонтали также выражена слабо. Вместе с тем реализация гласной фонемы /ɔ:/, которая должна по подъёму совпадать с /e/ и /ɜ/, заметно отличается в сторону большей открытости, что по положению языка по вертикали, скорее, сближает его с /a:/ – гласным другого (низкого) подъёма. Было отмечено, что роль могли играть такие признаки, как движение всего языка вверх / вниз или под углом, когда в передней части ротовой полости раствор больше, чем в задней и наоборот.

Во-вторых, анализ зафиксированных артикуляций согласных также показал, что не всегда имеет место ожидаемое артикуляционное движение. Так, у [dʒ] и [ʃ] отсутствовало движение средней части спинки языка вверх, указывающее на палатоальвеолярный характер, а у [n] и [ŋ] передняя и средняя части спинки языка прижаты к нёбу практически одинаково, хотя у второго площадь касания теоретически должна быть больше. Разница, похоже, в меньшей ширине языка и большей его продвинутости вперёд.

Кроме того, выявлено, что смычные звонкие и глухие согласные различались большей напряжённостью последних, что совершенно явно выражено на сагиттальных разрезах в том, что язык сжат в комок у всех смычных глухих по сравнению со звонкими парами независимо от активного органа согласного (даже у губных). Это свидетельствует о том, что указанные согласные различаются не только как звонкие и глухие, но и как сильные и слабые. Поведение пары аффрикат [dʒ] и [tʃ] в этом плане ещё предстоит выяснить, поскольку по техническим причинам удалось получить сагиттальный разрез только для одной из них – [dʒ]. Поскольку звонкие щелевые в фонологической системе не представлены, то получить парный анализ здесь невозможно, однако можно предположить, что при реализации глухих щелевых могут быть выявлены признаки силы артикуляции. Проверка данного предположения и уточнение полученных данных в целом составят перспективу настоящего исследования.

Список литературы

1. 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986年, 209页. [Ху Цзэньи. Краткое описание ороchonского языка. Народное издательство, Пекин. 1986. 209 с.].
2. 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社2001年 [Ху Цзэньи. Исследование ороchonского языка. Изд-во Миньцзу, 2001. 293 с.].
3. 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/北京. 中央民族学院出版社出版. 1993年. 385页. [Хань Юфэн, Мэн Шусянь Сопоставительная хрестоматия ороchonского и китайского языков. Центральное издательство Института национальных меньшинств. Пекин. 1993. 385 с.].
4. 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013年, 185页. [Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Краткая хрестоматия ороchonского языка. Издательство образования провинции Хэйлунцзян, Харбин. 2013. 185 с.].
5. 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014年, 113页. [Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Исследование диалектов ороchonского языка. Издательский отдел Национального музея этнологии, Осака. 2014. 113 с.].
6. 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河民族宗教事务局, 2014年, 111页. [Материалы по ороchonскому языку (сборник). Отдел по делам национальностей и религий Правительства г. Хэйхэ. 2014. 111 с.].
7. Мэн Шусянь Общее описание ороchonского языка в Китае [Текст] / Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – № 3 (1). – С. 67–86.

References

1. 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986年, 209页. [Hu Zengyi. (1986). *Short description of the Orochon Language*. Beijing].
2. 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社2001年 [Hu Zengyi, Meng Shuxian. (2001). *Studies in the Orochon Language*. Minzu Press].

3. 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/ 北京. 中央民族学院出版社出版. 1993年. 385页. [Han Youfeng, Meng Shuxian. (1993). *Comparative reader of the Orochon and Chinese*. Central publishing House of the Institute for National Minorities].
4. 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013年, 185页. [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2013). *Brief reader of the Orochon language*. Heilongjiang Province Education Publishing House].
5. 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014年, 113页. [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2014). *The study of the dialects of the Orochon language*. Publishing Department of the National Museum of Ethnology, Osaka].
6. 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014年, 111页. [Materials on the Orochon language (collection). Department of Nationalities and Religions of Heihe government].
7. Men Shusyan. (2017). Obschee opisanie orochonskogo yazyika v Kitae [General description of the Orochon language] *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 67–86.

УДК 81'374
UDC 81'374

Кожина Наталья Витальевна, Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Natalya V. Kozhina, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
natalyakozhinamailru@mail.ru, androsova_s@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНКОРДАНСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА
В. Б. КАСЕВИЧА «ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО
И ВОСТОЧНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»)
CONCORDANCE MODELING (BASED ON V. B. KASEVICH
«PHONOLOGICAL ISSUES OF GENERAL
AND ASIAN STUDIES OF LANGUAGE»)

Аннотация

В современной прикладной лингвистике интерес к формированию электронных лингвистических ресурсов не ослабевает. Особенно повышенное внимание уделяется конкордансам, в которых совмещаются показатели частоты употребления и контекста. Настоящее исследование представляет две части конкорданса со стемами *-фонем-* и *-слог-* на материале научного лингвистического труда В. Б. Касевича «Фонологические проблемы общего и восточного языкознания». Для этих стемов продемонстрированы многоступенчатые словообразовательные парадигмы, составляющие которых получены путём аффиксации и основосложения. Для каждого словообразовательного деривата рассмотрена формообразовательная парадигма. Для всех словоупотреблений даны частотность и контекст. Полученные результаты показали высокую частотность и богатство формообразовательных и словообразовательных парадигм указанных стемов, позволили сравнить частотность разных дериватов, включая омонимичные грамматические формы, и в некоторой мере оценить предсказуемость контекста.

Abstract

Modern applied linguistics is characterized by an increased interest to designing electronic linguistic resources. Even greater focus is placed on designing concordances that combine the parameters of frequency of occurrence and context. In this paper, we present 2 elements of the concordance with the stems *-фонем-* and *-слог-* used found in a linguistic book by V. B. Kasevich “Phonological issues of general and Asian language studies”. Several-level word-building paradigms were found that comprise words obtained by suffixation, prefixation as well as complex words. For each derivative, form building is shown. Every use of words is supplied with frequency of occurrence and context. The obtained results demonstrated high frequency of occurrence and large variety within form-building and word-building paradigms of the stems, enabled to compare frequencies of different derivatives including homonymous grammatical forms, and estimate combinability of the words to a certain extent.

Ключевые слова: парадигма, формообразовательный дериват, словообразовательный дериват, контекст, омонимичные формы, частотность, предсказуемость.

Keywords: paradigm, word-forming derivative, word-building derivative, context, homonyms, frequency of occurrence, predictability.

doi: 10.22250/2410_7190_2018_4_4_59_77

1. Введение

Одной из важнейших проблем в современной лингвистике можно назвать нехватку обработанных текстовых материалов и актуальных вокабуляров. Значительную помощь в данной области могут оказать методы корпусной лингвистики: метод обработки естественного языка, автоматизированное извлечение информации, а также обучение на основе данных [Нагель, 2008, с. 53–59].

Широкое внедрение средств вычислительной техники позволяет автоматизировать обработку данных [Всеволодова, 2007, с. 8]. В лингвистике популярным средством систематизации данных с помощью компьютера стало составление лингвистических баз данных. Многие лингвисты, как отечественные, так и зарубежные, посвятили свои работы исследованию данного вопроса [Бурыкин, 2017; Мишанкина, 2013; Flowerdew, 2012; Автоматическая ..., 2011; Нагель, 2008; Всеволодова, 2007; Герд, 2005; Зубов, Зубова, 2004; Sinclair, 1991]. Лингвистические базы данных, в частности конкордансы, и по сей день представляют большой интерес для исследователей-лингвистов.

А к т у а л ь н о с т ь настоящего проекта определяется следующими предпосылками: 1) неослабевающим интересом современной лингвистики к построению электронных баз данных и других электронных лингвистических ресурсов; 2) катастрофической нехваткой таких электронных словарей, как конкорданс, либо недоступностью их для обычных пользователей и исследователей-лингвистов. Научная н о в и з н а исследования заключается в том, что в работе впервые представлены элементы конкорданса на материале известного лингвистического труда.

О б ь е к т о м исследования были выбраны 2 исходных стема¹ – *-фонем-* и *-слог-* – и их словообразующие и формообразующие дериваты. В качестве п р е д м е т а исследования выступают особенности словообразующих и формообразующих парадигм указанных стемов, а также особенности их контекстного употребления и частота встречаемости каждого деривата.

М а т е р и а л о м для исследования послужила работа отечественного лингвиста В. Б. Касевича «Фонологические проблемы

¹ В настоящей работе термин ‘стем’ используется как более универсальное понятие, по сравнению с основой – частью слова без окончания. Замена сделана, чтобы в будущем избежать противоречий при построении конкордансов на материале языков, не предполагающих окончаний.

общего и восточного языкознания», впервые опубликованная в 1983 году, а также переизданная в Трудах по языкознанию в 2006 году [Касевич, 2006].

Целью данного проекта является создание двух элементов конкорданса, включающих в себя формообразующие и словообразующие дериваты со стемами *-фонем-* и *-слог-*. Теоретическая ценность проекта определяется важностью изучения способов составления конкордансов, которые будут доступны как обычным пользователям, так и исследователям-лингвистам. Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут найти применение при разработке конкордансов разных объёмов и тематик, которые будут полезны различным кругам пользователей.

Гипотеза исследования состояла в следующем. В лингвистическом труде ожидаются определённые ключевые термины, частотность которых детерминируется темой главы, раздела и так далее. Поскольку научные интересы отечественного лингвиста В. Б. Касевича во многом лежат в области фонологии разных языков, то в соответствующих главах и разделах ожидается высокая частотность и богатство формообразовательных и словообразовательных парадигм стемов *-фонем-* и *-слог-*.

1.1. Конкорданс как особый вид словаря

Словарь – традиционная форма представления лексической информации. Словари различаются своими единицами, структурой и объёмом лексики [Большакова, 2011, с. 97–98].

Конкорданс – один из терминов корпусной лингвистики, обозначающий особый вид словаря, в котором фиксируются все употребления определённого языкового выражения в контексте и со ссылкой на источник при необходимости [Бобунова, 2016, с. 41–54].

Известно, что XIII веке Хьюго де Сент-Шер с помощью 500 монахов впервые создал конкорданс. Была проделана огромная работа, которая позволила систематизировать труды, имеющие лингвистическую, историческую и культурную важность: Веды, Библия, Коран, произведения Уильяма Шекспира [Столяров, 2017].

В настоящее время конкордансы используются в прикладной лингвистике для решения ряда задач: при переводе текстов, в лексикографии, при обучении языку и изучении языка, при анализе текста [Якубовский, Якубовская, 2015, с. 315–319]. Такими задачами могут быть:

- 1) создание списка слов;
- 2) сопоставление разных использований одного слова;
- 3) поиск фразы и идиомы;
- 4) анализ ключевых слов;
- 5) поиск перевода различных словосочетаний или слов;
- 6) анализ частоты употребления слова и словосочетания.

Особенностью конкорданса является то, что слово приводится с минимальным контекстом. Контекст позволяет проанализировать, с какой частью речи чаще всего соотносится искомое слово, в каком числе и

падеже оно фигурирует и тому подобное [Frankenberg, Flowerdew, 2011]. Главное отличие конкорданса от словаря состоит в том, что словарь ставит во главу угла словарную статью, в то время как конкорданс приводит примеры – контексты словоупотреблений.

Конкорданс выполняет пять функций (см. подробнее [Столяров, 2017]). Первая функция конкорданса – поисковая, позволяющая быстро находить нужный фрагмент текста. Она используется при подборе цитат и их сверке, при изучении особенностей текста оригинала. Конкорданс очень популярен среди составителей хрестоматий, так как с его помощью можно легко найти нужные фразы и идиомы в тексте, а также осуществить поиск терминов. Вторая функция – эвристическая, которая отличает конкорданс от именных указателей наличием контекста. Контекст позволяет читателю увидеть новую трактовку текста.

Следующая функция конкорданса называется аналитической. Конкорданс позволяет проводить анализ различных языковых показателей: лексем, ключевых слов, частот их употреблений в тексте и прочих. Функция индексации реализуется в подготовке текста к публикации и создании индекса и списка слов. И наконец, функция сравнения, которая применяется при сравнении в тексте всевозможных коннотаций и употреблений слова.

В настоящее время существует множество известных конкордансов. Один из них – частотный словарь-конкорданс публицистики Ф. М. Достоевского [Словарь-конкорданс ..., 2018], который создан на основе полного собрания сочинений писателя в 30-ти томах, включая дневник писателя. Вторым известным конкордансом может считаться частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева [Частотный словарь ..., 2006]. Данный словарь создан по изданию поэта «Полное собрание стихотворений». Ещё один конкорданс – метапоэтический словарь-конкорданс драматического текста А. П. Чехова [Метапоэтический ..., 2008], в котором сам писатель-драматург провёл исследование своего творчества. Алфавитно-частотный конкорданс текстов А. С. Грибоедова [Словарь ..., 2008] включает в себя все слова, которые встретились во всех опубликованных текстах писателя. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина [Шоу, 2000 а, б] представляет собой расширенный словарь языка писателя. В нём на каждое слово и словоформу Пушкина приводится полный текст всех стихотворных произведений. В завершении стоит упомянуть частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии С. А. Есенина [Шипулина, 2012]. Данный конкорданс является первым полным лексикографическим описанием служебных слов в лирике поэта.

Несмотря на наличие различных конкордансов на основе художественных произведений поэтического и прозаического характера в печатной и электронной формах, следует отметить явный недостаток таких конкордансов на материале научных произведений, в частности, лингвистических трудов. Поэтому нами была поставлена задача построить элементы именно такого конкорданса. Согласно выдвинутой гипотезе, терминологические составляющие такого конкорданса должны обладать

развернутыми формообразовательными и словообразовательными парадигмами. Для проверки данной гипотезы было проведено экспериментальное исследование.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Для проведения лингвистического эксперимента была использована PDF-версия работы «Фонологические проблемы общего и восточного языкознания», позволяющая осуществлять автоматический поиск слов. Методом сплошной выборки были собраны все словоупотребления с двумя исходными стемами.

Все данные систематизировались матричным методом с помощью табличного процессора Excel. Грамматические параметры словоупотреблений были формализованы с помощью методики тегирования. Были введены следующие теги:

1) теги, разграничивающие формообразовательные и словообразовательные дериваты: Fd (формообразовательные дериваты) и Sd (словообразовательные дериваты);

2) теги, обозначающие падеж: Ip (Именительный), Rp (Родительный), Dp (Дательный), Vp (Винительный), Tp (Творительный) и Pp (Предложный);

3) теги, обозначающие число: Sg (единственное число) и Pl (множественное число);

4) теги, обозначающие род: M (мужской род), F (женский род) и C (средний род);

5) заглавные теги для всех дериватов: phonem и slog, к которым через нижнее подчеркивание добавлялись вышеперечисленные детализирующие теги.

Таблица включает в себя 5 столбцов, каждый из которых имеет свой атрибут (заголовок). Такими атрибутами являются: порядковый номер; словоупотребление; теговое описание словоупотребления; страница, на которой найдено данное слово; контекст (по возможности и левый, и правый) при соблюдении его минимальной смысловой завершённости. Всего было собрано 2119 словоупотреблений, которые были распределены по указанным параметрам.

В ходе исследования было обнаружено 763 деривата со стемом *-фонем-*, из них 628 являются формообразовательными дериватами, а 135 – словообразовательными. Как мы можем заметить, формообразовательных дериватов в данном случае больше примерно в 4,5 раза, чем словообразовательных. Это связано с тем, что каждый словообразовательный дериват имеет несколько формообразовательных, что значительно увеличивает общее количество формообразовательных дериватов.

Стем *-слог-* включает в себя 1356 словоупотреблений, это в 1,8 раз больше, чем со стемом *-фонем-*. При этом обнаружено 836 формообразовательных деривата и 520 словообразовательных. Таким образом, количество формообразовательных дериватов превысило словообразова-

тельные всего в 1,6 раз по сравнению с аналогичными показателями по стемму *-фонем-*. Полученные цифры говорят о значительно большем богатстве словообразовательной парадигмы стема *-слог-* по сравнению со стемом *-фонем-*.

В целом можно сказать, что В. Б. Касевич в своём труде очень часто оперирует множеством сложных лингвистических понятий. Научные интересы отечественного лингвиста во многом фокусируются в области фонетики и фонологии. Именно поэтому ключевых слов со стемами *-фонем-* и *-слог-* в соответствующих разделах книги обнаружено немало.

2.2. Формообразовательные дериваты со стемом *-фонем-*

В процессе формообразования стем *-фонем-* принимает всевозможные падежные окончания как в единственном числе, так и во множественном. Первичное слово здесь существительное женского рода *фонема*. В анализируемом труде было зафиксирована 481 его реализация.

Для начала обратимся к его формообразовательным дериватам единственного числа. Их всего 261, включая начальную форму. В анализируемом труде были обнаружены следующие формообразовательные дериваты: начальная форма именительного падежа с *-а*, и формы косвенных падежей с *-у*, *-ой*, *-е*, а также *-ы*. Необходимо подчеркнуть, что все эти окончания, за исключением последнего, образуют только формы единственного числа, в то время как *-ы* участвует и в формообразовании и единственного, и множественного числа, создавая соответствующие омонимы. Например, в контексте «дифференциальных признаков фонемы» слово *фонемы* употребляется в родительном падеже и единственном числе. В то время как в контексте «парадигматически близкие фонемы» слово стоит в именительном падеже и множественном числе.

Итак, наиболее частотным формообразующим дериватом в ходе исследования выявлен дериват с окончанием *-ы* – *фонемы*, включающим в себя 230 слов, что занимает примерно третью часть от всех дериватов со стемом *-фонем-*, обнаруженных в ходе исследования. При этом 132 слова стоят в единственном числе родительном падеже, а 98 – во множественном числе именительном падеже.

Почти в 2 раза меньше слов (72), стояли в именительном падеже единственном числе и имели окончание *-а*. К примеру, «фонема – это единица плана выражения», «фонема полностью лишена содержания», «фонема может быть охарактеризована».

С окончанием винительного падежа *-у* обнаружено 23 деривата. Они употреблены в различных контекстах: «сегментную единицу – фонему», «время реакции на фонему», «рассматривать любую фонему» и прочие.

На 5 слов меньше (18) найдено с окончанием *-е*, образующим слова в дательном падеже («может соответствовать фонеме», «от дифференциального элемента к фонеме») или в предложном («понятие о фонеме» – единственный случай) – вновь омонимия, преодолеть которую поможет только контекст.

Самой редкой формой в единственном числе является дериват с окончанием *-ой* (творительный падеж) – *фонемой*. Их было обнаружено всего 13, например, «*между фонемой и аллофоном*», «*наряду с фонемой*».

Теперь рассмотрим случаи формообразования множественного числа. Самым частотным оказался исходный стем *-фонем-* с нулевым окончанием (родительный падеж). Таких случаев в труде Касевича найдено 220, например: «*группировки фонем*», «*автоматические чередования фонем*» и так далее.

В целом замечены следующие окончания: *-ам*, *-ами*, *-ах* и уже упомянутые окончание *-ы* и нулевое окончание. Чаще всего слова были образованы именно при помощи *-ы*. На втором месте окончание творительного падежа *-ами* (24 словоупотребления), к примеру, «*между разными фонемами*», «*уровень оперирования фонемами*». Чуть меньше (20 слов), найдено с окончанием дательного падежа *-ам*. Данные формы слова фигурируют в таком контексте: «*переход к фонемам требует*», «*фонемам такого рода*». Наконец, всего 2 формообразовательных деривата множественного числа с окончанием *-ах* (предложный падеж) в следующих контекстах: «*информации о фонемах*» и «*для извлечения информации о фонемах*».

2.3. Словообразовательные дериваты со стемом *-фонем-*

Словообразовательные дериваты составляют примерно одну четвёртую часть всех словоупотреблений со стемом *-фонем-*. В исследуемом труде их было найдено довольно много (135 слов). Это новые стемы, образованные с помощью приставок и суффиксов, от которых в свою очередь идёт дальнейшее формообразование с помощью окончаний. Примеров сложных слов не обнаружено.

Самым распространенным словообразовательным дериватом является прилагательное со стемом *-фонемн-*, для которого в свою очередь зафиксировано 12 формообразовательных дериватов: *фонемный*, *фонемного*, *фонемной*, *фонемные*, *фонемная*, *фонемном*, *фонемное*, *фонемных*, *фонемную*, *фонемным*, *фонемными*, *фонемному*. Исследование показало, что чаще всего из этих дериватов встречаются омонимичные формы женского рода в дательном и родительном падежах с окончанием *-ой* (23 случая). Например: «*к фонемной интерпретации*» или «*признание фонемной тождественности*».

Такие дериваты, как *фонемным*, *фонемную*, *фонемная*, *фонемные*, *фонемного*, встречаются в среднем по 6 раз. Форма *фонемным* может быть в мужском роде творительном падеже («с разным фонемным составом») или же во множественном числе дательном падеже («к соответствующим фонемным категориям»).

Дериваты с окончанием *-ого* – это омонимичные формы мужского и среднего рода родительного падежа, например, «*точного фонемного состава*», «*вопросов фонемного отождествления*» (по 4 раза).

Реже всего встретились такие дериваты прилагательного, как *фонемными*, *фонемному* (по 2 раза): множественное число творительного

падежа «а не фонемными границами», «оперировать не фонемными категориями»; мужского рода дательного падежа «традиционному фонемному анализу» и «от слогового инвентаря к фонемному». Всего 1 дериват найден с окончанием среднего рода предложного падежа *-ом* («о возможном фонемном строении»).

Большой интерес представляют словообразовательные дериваты от стемов *-фонем-* и *-фонемн-* с приставками *моно-*, *би-* и *поли-* и суффиксами, каждый из которых имеет ряд формообразовательных дериватов.

Словообразовательная парадигма с приставкой *моно-* и стемом *-фонем-* достаточно богата. Новые слова образуются не только при помощи данной приставки и падежных окончаний, но и при помощи различных суффиксов: «монофонемотическим образованием», «монофонематических сегментов» и «монофонематическими единицами». Они относятся к самым низкочастотным: каждый такой вариант встретился по одному разу.

Далее рассмотрим словообразовательный дериват *монофонематичность*, 2 раза появился в одинаковом контексте: «реже монофонематичность». Наиболее часто мы встречаем существительное *монофонематичности* (5 раз в различных контекстах), например, «для определения монофонемотичности», «вопрос о монофонемотичности» и так далее. Общее количество дериватов с приставкой *моно-* составило 15.

Количество словообразовательных дериватов с приставкой *би-* немного меньше, чем с *моно-* – 12. Максимальное количество таких дериватов встретилось у существительного *бифонематичность* – 3 раза. К примеру, «бифонемотичность которого доказана» или «предположить бифонемотичность». Два формообразовательных деривата имеют форму родительного падежа – *бифонематичности*: «для установления бифонемотичности», «и отсюда их бифонематичности».

Все остальные случаи словообразовательной парадигмы с приставкой *би-* и стемом *-фонем-* встретились только по одному разу. Рассмотрим несколько примеров: существительное в именительном падеже и женском роде – «не допустить бифонемность»; прилагательное – «потенциально бифонемного сегмента»; и ещё одно прилагательное, образованное с помощью нескольких аффиксов – «для трактовки сегмента в качестве бифонематического».

Ещё меньше словообразовательных дериватов обнаружено с приставкой *поли-* (5): «присуща полифонематичность», «фиксируя полифонематичность» – существительные в именительном и винительном падежах женского рода; «сочетание в полифонемотичности», «от правил определения полифонематичности» – формообразовательные дериваты предложного и родительного падежа; «полифонемный гласный» – прилагательное в мужском роде.

В ходе анализа были обнаружены и случаи словообразования путём основосложения. Например, найдено 2 сложных слова, состоящих из основ *-фонем-* и *-центризм-* с соединительной гласной *-о-*, которые фигурируют

в следующих контекстах: «традиционный «фонемоцентризм» отвергается» и «объясняется «фонемоцентризмом».

Отмечена также словообразовательная парадигма с приставкой *архи-*. Всего в труде В. Б. Касевича найдено 10 таких случаев, 8 из которых имеют форму *архифонемы*. Данное слово лишь однажды встретилось во множественном числе («соответствующие архифонемы»), все остальные употребления были в единственном числе женском роде («понятий нейтрализации и архифонемы», «ни нейтрализации, ни архифонемы»). По одному разу встретились существительное в именительном падеже *архифонема* («определенная единица – архифонема») и его формообразовательный дериват – *архифонеме* («архифонеме /А/»). В. Б. Касевич в своей работе использует эти слова для критики фонологической концепции Н. С. Трубецкого, но сам не приемлет данное понятие.

Слово *морфонема*, было однажды употреблено в именительном падеже множественном числе: «вряд ли существуют морфонемы». Термин *фонематология* привлёк внимание тем, что является синонимом термина *фонология*, о чем говорит контекст: «точнее фонология или фонематология». Он встретился в монографии всего 1 раз.

2.4. Формообразовательные дериваты со стемом *-слог-*

Как уже было отмечено ранее, в исследуемом труде обнаружено 836 формообразовательных деривата со стемом *-слог-*. Для начала рассмотрим случаи формообразования единственного числа, общее количество которых составило 515. В процессе формообразования участвовали следующие окончания соответствующих падежей: *-а*, *-ом*, *-е*, *-у*. Сам по себе исходный стем *-слог-* с нулевым окончанием, который составил одну треть от общей суммы формообразовательных дериватов (183 употребления), может представлять омонимичные формы существительного мужского рода именительного или винительного падежа. Рассмотрим некоторые случаи его употребления в различных контекстах. В половине случаев он встретился в именительном падеже. Например, «один и тот же слог», «безударный слог», «выделенный слог занимает». Указанный стем был употреблён и в винительном падеже: «ударение падает на последний слог», «характеризует каждый слог», «выделял слог как особую единицу» и так далее.

Формообразовательные дериваты с окончанием родительного падежа *-а* встретились 260 раз, что составляет половину от общего количества таких дериватов. Вот некоторые случаи их употребления в контексте: «цельность слога в слоговых языках», «о группировках фонем в рамках слога», «структура слога этих языков».

С окончанием *-у* (дательный падеж) было обнаружено 26 форм. Вот некоторые из них: «фонемы принадлежат слогу», «префикс присоединяется к слогу», «применительно к закрытому слогу». Всего на один формообразовательный дериват меньше найдено с окончанием предложного

падежа *-е*: «за определенными позициями в слог», «ударение на втором слог», «реализуется на первом слог слова» и так далее.

Наконец, с окончанием *-ом* (творительный падеж) встретилось 17 слов: «следует считать отдельным слог», «соответствие между слог и морфемой», «перед вторым слог слова» и так далее.

Далее остановимся на формообразовательных дериватах множественного числа. Множественное число образуется при помощи данных окончаний: *-и*, *-ам*, *-ами*, *-ов* и *-ах*. Чаще всего использовалось окончание родительного падежа *-ов*. – 147 словоупотреблений. Контекст, в котором фигурирует такой дериват, довольно разнообразен: «в просодическом оформлении слогов», «эксперименты по восприятию слогов», «глубинных слогов I типа», «в терминах фонетических слогов», ««сколько гласных – столько слогов»» и так далее.

Немного меньше (120 дериватов) обнаружено с окончанием именительного падежа *-и*. Например, «глубинные слоги II типа», «слоги противопоставляются своими тонами», «существуют слоги с гортанной смычкой», «закрытые слоги предстают как двуслоги».

Всего 20 формообразовательных дериватов найдено с окончанием *-ами* (творительный падеж), к примеру, «представленных глубинными слогами», «ритмическими структурами и слогами», «механизмы, оперирующие слогами». Окончание предложного падежа *-ах* обнаружено 17 раз, например, «представления о глубинных слогах», «на гласных-тононосителях и на слогах», «только о слогах типа CV».

Самым редко употребляемым окончанием, образующим множественное число, является окончание дательного падежа *-ам*; с ним встретилось 12 слов: «префикс присоединяется к слогам», «рассредоточены по двум слогам», «такие элементы соответствуют слогам» и тому подобные.

2.5. Словообразовательные дериваты со стемом *-слог-*

Далее рассмотрим словообразовательные дериваты со стемом *-слог-*, их было найдено 520. В отличие от предыдущего стема *-фонем-*, от стема *-слог-* были зафиксированы как производные с аффиксацией, так и сложные слова.

2.5.1. Слова с аффиксацией

Первая рассматриваемая парадигма – парадигма прилагательного, имеющая стем *-слогов-* и включающая в себя 11 формообразовательных дериватов разного рода, числа и падежа. Чаще всего встречаются дериваты с окончанием множественного числа родительного падежа *-ых* (124 случая). Например, «закономерности развития слоговых языков», «в ряде слоговых языков существует», «фонологического устройства слоговых языков», «введение слоговых инфиксов». Примечательно, что данное прилагательное почти во всех случаях согласуется с существительным «языков», делая контекст весьма предсказуемым.

Формообразовательный дериват с окончанием женского (мужского) рода *-ой* встретился 34 раза. Приведём некоторые случаи его употребления в контексте: «низшие единицы слоговой фонологии», «слоговой и фразовой просодики», «слоговой инфикс вводится», «слоговой и слоготмемный для слоговых языков» и прочие.

На 5 меньше случаев (29) зафиксировано с окончанием множественного числа именительного падежа *-ые*, например, «если слоговые границы неизменны», ««классические» слоговые языки».

Ещё на 5 меньше случаев употребления (24) отмечено с окончанием родительного падежа единственного числа *-ого* («вопросы теории языков слогового строя», «индивидуальность каждого слогового тона», «при использовании слогового кода»).

Ещё реже стем *-слогов-* был употреблён с окончаниями *-ым, -ыми, -ом, -ому, -ая, -ую* и *-ое*. С окончанием множественного числа (дательный падеж) и единственного числа (творительный падеж) *-ым* встретилось 16 словоупотреблений: «к «классическим» слоговым языкам», «просодии, несводимые к слоговым контрастам», «форма обладает слоговым делением» и другие.

Форма *слоговыми* (множественное число, творительный падеж) встретилась 12 раз («с несобственно слоговыми языками», «с хранящимися в его памяти слоговыми эталонами»); *слоговом* (единственное число, предложный падеж) – 8 раз («сомневаться в слоговом характере фонологии», «на поверхностно-слоговом уровне»); *слоговому* – 6 раз («к последовательно слоговому типу», «по своему слоговому составу»). Такие формообразовательные дериваты женского рода именительного и винительного падежа, как *слоговая* и *слоговую* обнаружены всего по 4 раза. Например, «или же слоговая структура», «слоговая просодия», «имеет ли она вообще слоговую структуру», «она призвана обеспечить слоговую границу». Наконец, всего 3 случая словоупотребления найдено с окончанием среднего рода именительного падежа *-ое*: «является силлабическое – слоговое», «поверхностно-слоговое представление» и «слоговое наполнение».

Теперь рассмотрим формообразовательную парадигму прилагательного с отрицательной приставкой *не-*. Форма мужского рода именительного падежа *неслоговой* употреблена лишь однажды («слоговой фонологии по сравнению с неслоговой»). Чаще всего встречается форма множественного числа предложного и родительного падежей неслоговых (32 употребления). В 27 случаях данное прилагательное сочетается с соответствующими формами существительного «язык» («в неслоговых языках таких единиц нет», «свойственные фонеме неслоговых языков», «роль слога в неслоговых языках»). В остальных случаях оно употребляется с существительным «морфема» («возможность неслоговых морфем», «не может быть «неслоговых» морфем»).

Дериват с окончанием множественного числа винительного или именительного падежа *-ые* встретился на страницах работы 11 раз.

Например, «наложен запрет на неслоговые морфемы», «консонантные (неслоговые) морфемы». Прилагательное мужского рода родительного падежа *неслогового* найдено 4 раза («морфонологии неслогового языка», «прежнего неслогового состояния»), а формы слова во множественном числе с окончаниями *-ым* и *-ими* (дательный и творительный падежи соответственно) всего по 3 раза («применительно к неслоговым языкам», «сгруппированными с неслоговыми с чертами»). Наконец, форма дательного падежа единственного числа встретила лишь однажды: «к словесному и неслоговому типу».

Очередной словообразовательный дериват от производного стема *-словов-* был зафиксирован с приставкой *внутри-*. С новым стемом *внутрислогов-* было обнаружено 4 формообразовательных деривата, три из которых встретились по одному разу (*-ая* женский род именительный падеж «внутрислоговая морфемная граница», *-ым* множественное число дательный падеж «по внутрислоговым формантным переходам», «качество внутрислогового перехода»), а четвёртый с *-ых* множественное число родительный падеж – дважды, причём в одинаковом контексте («внутрислоговых морфемных границ»).

С приставкой *по-* и стемом *-словов-* было зафиксировано всего 3 деривата: прилагательные («при послоговом произнесении», «в скандированной послоговой речи») и наречие («говорить скандированно, послогово»).

Наконец, существительное женского рода именительного падежа с суффиксом *-ость* и нулевым окончанием *слововость* встретилось на страницах работы дважды («вторичную слововость», «теряют свою слововость»), а форма родительного падежа – 1 раз («в результате приобретения слововости»).

2.5.2. Сложные слова

Далее рассмотрим случаи образования сложных слов со стемами-основами *начальн-* (*конечн-*), *-словов-* и соединительной гласной *-о-*. Каждый такой дериват имеет свою формообразовательную парадигму.

Для начала остановимся на производном стеме *начальнослогов-* и его формообразовательных дериватах (20 употреблений). Чаще всего встретила форма с окончанием множественного числа родительного падежа *-ых* (8 случаев). Например, «разборчивость начальнослоговых согласных», «компонентов начальнослоговых сочетаний», «обособление начальнослоговых согласных».

Второй по частотности употребления является форма с окончанием того же числа именительного падежа *начальнослоговые* (6 слов): «начальнослоговые консонантные сочетания», «отождествить начальнослоговые согласные», «некоторые начальнослоговые сочетания».

Такие формы, как *начальнослововыми* (множественное число, творительный падеж) и *начальнослоговой* (единственное число, мужской род, именительный падеж) встретились всего по 2 раза: «согласные наряду

с начальнослоговыми», «со сходными начальнослоговыми согласными», «начальнослоговой и конечнослоговой [к]» и «начальнослоговой [к] они заменяют».

Прилагательные *начальнослогового* и *начальнослоговом* обнаружены по одному разу: «при примыкании начальнослогового согласного» и «как в начальнослоговом положении» (обе формы единственного числа, мужского рода, родительного падежа и среднего рода предложного падежа соответственно).

С помощью стема *конечн-* образовалось 7 дериватов. Формы именительного падежа *конечнослоговой* и *конечнослоговые* (единственное и множественное число соответственно) встретились по 4 раза. К примеру, «конечнослоговой согласный имплозивен», «вообще начально- и конечнослоговой», «начальнослоговые и конечнослоговые сочетания», «конечнослоговые фонны».

Дериват множественного числа родительного падежа *конечнослоговых* обнаружен 3 раза («начальнослоговых и конечнослоговых согласных», «в белом шуме конечнослоговых», «конечнослоговых согласных»); *конечнослогового* – 2 раза («конечнослогового варианта «фонемы /к/» и «отрыв конечнослогового согласного»); а такие дериваты как *конечнослоговая*, *конечнослоговом* и *конечнослововыми* – лишь по 1 разу («запрещена конечнослоговая фонема», «в конечнослоговом положении», «конечнослововыми и наоборот»).

Перейдём к сложному стему *слогоделен-* (36 употреблений), производному от двух стемов-основ: исходного стема *-слог-* + *-делен-* и соединительной гласной *-о-*. Самым частотным его формообразовательным дериватом была форма среднего рода родительного падежа (25 употреблений). К примеру, «проблема критериев слогоделения», «открытого и закрытого типов слогоделения», «традиционные теории слогоделения».

Формообразовательный дериват среднего рода именительного падежа встретился 9 раз: «возможность осуществить слогоделение», «интуитивное слогоделение» и так далее. Формы с окончаниями *-ию*, *-ии* (средний род, дательный и предложный падежи соответственно) отмечены по 2 раза («опытов по интуитивному слогоделению», «при интуитивном слогоделении»), при этом данные дериваты сочетались только с прилагательным «интуитивный».

Следующий вариант словообразования представлен основами *-одн-* и *-слог-* (исходный стем) с той же соединительной гласной *-о-* – существительное *однослог*. Чаще всего (10 случаев) был употреблён его формообразовательный дериват множественного числа родительного падежа с окончанием *-ов*: например, «дополнительность закрытых однослогов», «на материале закрытых однослогов», «процент первых однослогов».

Форма множественного числа именительного падежа была найдена 6 раз («большинство корней – закрытые однослоги», «стяжением двуслогов в однослоги»), а форма предложного падежа множественного

числа – 2 раза («в закрытых однословах», «вьетнамских простых однословах»).

Дериваты с окончаниями *-а* (мужской род, родительный падеж), *-ам* (множественное число, дательный падеж) и с нулевым окончанием (мужской род именительный падеж) встретились по одному разу: «об особой роли открытого однослова», «просодически аналогичные однословам» и «закрытый однослог в этот период».

Рассмотрим похожий случай словообразования, но уже при помощи стема *дву-*. Зафиксировано всего 2 формообразовательных деривата производного стема *двуслог-*: один случай употребления формы именительного падежа множественного числа – *двуслоги* («закрытые слоги предстают как двуслоги») и 6 случаев употребления слова в родительном падеже множественном числе («одновременно с порождением двуслогов», «начало использования двуслогов»).

Довольно часто на страницах работы В. Б. Касевича встречаются слова, образованные сложением основ *-слог-* (исходный стем) и *-морфем-*. Для начала остановимся на именах существительных. Форма женского рода именительного падежа с *-а* *слогоморфема* замечена 12 раз, например, «любая слогоморфема может конституировать», «слогоморфема чем-то близка субморфу», «в то время как слогоморфема». А вот омонимичные формы именительного и винительного падежей множественного числа с *-ы* – в сумме были употреблены в 2 раза реже (6 раз): «некоторые слогоморфемы только «связаны», «авторы делят все слогоморфемы» и некоторые другие.

Омонимичная им форма женского рода родительного падежа встретила в 3 раза чаще (19 реализаций), например, «многосложных корней, т. е. слогоморфемы», «наличие слогоморфемы – специфическая черта», «права особой единицы – слогоморфемы».

Дериват *слогоморфем* (множественное число, родительный падеж) зафиксирован 10 раз, к примеру, «для иллюстрации свойств слогоморфем», «происходит консолидация слогоморфем». Самыми редко употребляемыми являются дериваты множественного числа дательного, творительного и предложного падежей с *-ам*, *-ами* и *-ах* соответственно: *слогоморфемам* (4 слова), *слогоморфемами* (2), *слогоморфемах* (1), а также форма женского рода винительного падежа с *-у* *слогоморфему* (1).

Помимо существительных, вышеупомянутые стемы образуют и ряд прилагательных с различными окончаниями. Дериваты с *-ым* (мужской род творительный падеж) и *-ых* (множественное число, родительный падеж) встретились по 2 раза («не является слогоморфемным», «не был слоговым и слогоморфемным», «словесных (слогоморфемных) команд» и «тонально-слогоморфемных структур». По одному разу встретились формы: с *-ый* мужского рода именительного падежа («особый – слогоморфемный – уровень»), с *-ого* мужского рода родительного падежа («переход от слогоморфемного и слогового типа») и с *-ыми* множественного числа творительного падежа («одновременно слоговыми и слогоморфемными»).

Наконец, от описанного стема прилагательного было образовано наречие *слогоморфемно*, которое входит в состав сложного прилагательного *слогоморфемно-тональный* и сочетается с формами слова *ритм* (2 употребления: «организован слогоморфемно-тональным ритмом» и «два ритма – слогоморфемно-тональный»).

Перейдём к словам со стемом *слоготтем-*, который найден в трёх формах. Форма слова с нулевым окончанием (множественное число, родительный падеж) *слоготтем* встречается в следующих контекстах (2 случая): «высвобождение слоготтем» и «слогов/слоготтем». Также встретились дериваты с окончаниями множественного числа *-ы* (именительный падеж) и *-ами* (творительный падеж): *слоготтемы* (6 употреблений: «могут выполнять также слоготтемы», «консолидировать слоготтемы» и т. д) и *слоготтемами* (3 употребления: напр., «морфемы, конституированные слоготтемами», «слогами (силлабемами) и слоготтемами»).

Прилагательное *слоготтемный* – единственное найденное прилагательное, образованное от стема *слоготтем-*: «слоговой и слоготтемный для слоговых языков».

В завершение раздела следует отметить, что некоторые словообразовательные дериваты встретились в работе В. Б. Касевича лишь в одной форме и по одному разу. К таким дериватам относятся: существительные в родительном падеже: *слогораздела*, *слогопредставления*, *трислогов* («дистрибутивного установления слогораздела», «определённого слогопредставления», «однослогов, двуслогов, трислогов») и существительные в именительном падеже: *монослоги*, *корнеслог* («если слова-монослоги», «инфикс вводится в корнеслог»).

3. Заключение

Проведённое исследование позволило сделать несколько выводов. Во-первых, при рассмотрении дериватов от двух исходных стемов *-фонем-* и *-слог-* было выявлено значительно большее преобладание словообразовательных дериватов над словообразовательными у первого стема. Такое соотношение свидетельствует о большем разнообразии словообразовательной парадигмы второго стема. В целом же преобладание словообразовательных дериватов объясняется вполне естественной причиной – у каждого словообразовательного деривата имеется своя словообразовательная парадигма, которая в той или иной мере полноты была реализована в исследуемом научном тексте.

Во-вторых, частота встречаемости форм исходных слов *фонема* и *слог* и словообразовательных дериватов со стемами *-фонем-* и *-слог-* и их форм в работе В. Б. Касевича была самой разной, при этом некоторые дериваты встретились лишь в одной форме и по одному разу. Однако самыми частотными и для существительных, и для прилагательных (и единственного, и множественного числа) оказались формы родительного падежа.

В-третьих, общим моментом при словообразовании от стемов *-фонем-* и *-слог-* была аффиксация (суффиксация и префиксация), а основоположение присутствовало только для стема *-слог-*.

В настоящей статье нам удалось представить лишь поверхностный анализ полученных данных: мы подробно описали частотность словообразовательных и формообразовательных дериватов разного числа, падежа и для прилагательных – рода, а также продемонстрировали употребление в контексте. Выполнение их более глубокого и многоаспектного анализа составит перспективу исследования, в частности, будут произведены систематизация и обобщение особенностей сочетаемости. Кроме того, планируется провести сравнение этих же элементов конкордансов на материале лингвистических трудов других учёных, специализирующихся в областях фонетики и фонологии. Наконец, будет увеличено количество исследуемых стемов. Всё это даст основания для описания авторского научного стиля через призму вероятностных характеристик элементов терминосистемы.

Список литературы

1. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика: учеб. пособие [Текст] / Е. И. Большакова, Э. С. Клышинский, Д. Э. Ландэ, А. А. Носков, О. В. Пескова, Е. В. Ягунова. – М. : МИЭМ, 2011. – 272 с.
2. Бобунова М. А. Конкорданс XXI в.: новая старая форма [Текст] / М. А. Бобунова // Вопросы лексикографии, 2016. – №2 (10). – С. 41–54.
3. Бурыкин, А. А. Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «библиотека лексикографа»: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования [Текст] / А. А. Бурыкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 4. – С. 5–28.
4. Всеволодова, А. В. Компьютерная обработка лингвистических данных [Текст] / А. В. Всеволодова. – М. : Флинта: Наука, 2007. – 96 с.
5. Герд, А. С. Прикладная лингвистика [Текст] / А. С. Герд. – СПб. : Изд-во СпбГУ, 2005. – 267 с.
6. Зубов, А. В. Информационные технологии в лингвистике: учеб. пособие [Текст] / А. В. Зубов, И. И. Зубова – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
7. Касевич, В. Б. Труды по языкознанию: В 2 т.: Т. 1 [Текст] / В. Б. Касевич. – СПб. : Филологический факультет СпбГУ, 2006. – 664 с.
8. Мишанкина, Н. А. Базы данных в лингвистических исследованиях [Текст] / Н. А. Мишанкина // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 1 (3). С. 25–33.
9. Нагель, О. В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении [Текст] / О. В. Нагель // Язык и культура. – 2008. – № 4. – С. 53–59.
10. Словарь-конкорданс публицистики Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] / М. В. Копотев, А. А. Леонтьев, А. В. Матюшкин, О. В. Холковская,

- Ю. Н. Караулов, Е. Л. Гинзбург, М. М. Коробова, Г. А. Черкасова. – Режим доступа : <http://dostoevskij.karelia.ru/> (дата обращения : 10.09.2018).
11. Словарь языка А. С. Грибоедова. [Текст] / сост. А. Е. Поляков. – Т. 1 : А–З. – М. : Языки словянской культуры, 2008. – 432 с.
 12. Столяров, А. И. Словарь-конкорданс и его применение в рамках корпусной лингвистики [Электронный ресурс] / А. И. Столяров // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 2. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2017/02/21074> (дата обращения : 23.09.2018).
 13. Метапоэтический словарь-конкорданс драматического текста А. П. Чехова [Текст] / сост. и вступ. ст. В. П. Ходуса. – Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. – 415 с.
 14. Шипулина, Г. И. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина / [Текст]. – Вып. 1 : Предлоги / ред. И. М. Айдынов. – Баку : Мутарджим, 2012. – 184 с.
 15. Шоу, Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина [Текст] : В 2-х томах. Т. 1 : А–Н / Дж. Т. Шоу. – М. : Языки русской культуры, 2000 а. – 661 с.
 16. Шоу, Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина [Текст] : В 2-х томах. Т. 2 : О–Я / Дж. Т. Шоу. – М. : Языки русской культуры, 2000 б. – 640 с.
 17. Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева [Электронный ресурс] / А. Белов, Б. Орехов (разработчики). – Режим доступа : <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html> (дата обращения 10.09.2018).
 18. Якубовский, К. И., Якубовская, К. А. Обзор современных лингвистических технологий и систем [Текст] / К. И. Якубовский, К. А. Якубовская // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. – 2015. – № 2. – С. 315–319.
 19. Flowerdew, L. Corpora and Language Education [Text] / L. Flowerdew . – [S. l.] : Palgrave Macmillan, 2012. – 347 p.
 20. Frankenberg, A. New trends in corpora and language learning [Text] / A. Frankenberg, L. Flowerdew, G. Aston. – Chennai : Newgen Imaging Systems, Pvt Ltd, India. – 2011. – 303 p.
 21. Sinclair, J. Corpus, concordance, collocation [Text] / J. Sinclair. – Oxford : Oxford University Press, 1991. – 179 p.

References

1. Bolshakova, E. I., Klyshinskiy, E. S., Lande, D. E., Noskov, A. A., Peskova, O. V., Yagunova, E. V. (2011). *Avtomaticheskaya obrabotka tekstov na estestvennom yazyke i komp'yuternaya lingvistika* [Automatic processing of texts in a natural language] : A coursebook. Moscow : MIEM Press.
2. Bobunova, M. A. (2016). Konkordans XXI v.: novaya staraya forma [Concordance of the 21st century: a new old form]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], 2 (10), 41–54.
3. Burykin A. A. (2015). Elektronnyy resurs dlya issledovaniy v oblasti russkoy leksikologii i leksikografii «biblioteka leksikografy»: opyt raboty, perspektivy popolneniya, vozmozhnosti ispol'zovaniya [Electronic resource for studies in the

- field of Russian lexicology and lexicography “lexicographer's library”: experience, outlook for enlarging, possibilities of using]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1(4), 5–28.
4. Vsevolodova, A. V. (2007). *Komp'yuternaya obrabotka lingvisticheskikh dannykh* [Linguistic data processing]. Moscow : Flinta: Nauka Press.
 5. Gerd, A. S. (2005). *Prikladnaya lingvistika* [Applied linguistics]. St-Petersburg : St-Petersburg University Press.
 6. Zubov, A. V., Zubova, I. I. (2004). *Informatsionnye tekhnologii v lingvistike : ucheb. posobie* [Informational technologies in linguistics]. Moscow : Akademiya Press.
 7. Kasevich, V. B. (2006). *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works in the study of language]. In 2 volumes. Vol. 1. St-Petersburg : St-Petersburg University Press.
 8. Mishankina, N. A. (2013). Bazy dannykh v lingvisticheskikh issledovaniyakh [Databases in linguistic research]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], 1 (3), 25–33.
 9. Nagel, O. V. (2008). Korpusnaya lingvistika i ee ispol'zovanie v komp'yuterizirovannom yazykovom obuchenii [Corpus linguistics and its use in computer-based language teaching]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 4, 53–59.
 10. Kopotev, M. V., Leont'ev, A. A., Matyushkin, A. V., Kholkovskaya, O. V., Karaulov, Yu. N., Ginzburg, E. L., Korobova, M. M., Cherkasova, G.A. *Slovar'-konkordans publitsistiki F. M. Dostoevskogo* [F. M. Dostoevsky: A concordance to the prose]. Retrieved September 10, 2018 from <<http://dostoevskij.karelia.ru>>.
 11. Polyakov, A. E. (compiler) (2008). *Slovar' yazyka A. S. Griboedova* [The dictionary of A. S. Griboedov's works]. Vol. 1 : A–Z. Moscow : Yazyki slovyanskoy kul'tury Press.
 12. Stolyarov, A. I. (2017). Slovar'-konkordans i ego primeneniye v ramkakh korpusnoy lingvistiki [The dictionary-concordance and its application in the framework of corpus linguistics]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities Scientific Researches], 2. Retrieved September 23, 2018 from <<http://human.snauka.ru/2017/02/21074>>.
 13. Khodus, V. P. (compiler) (2008). *Metapoeticheskiy slovar'-konkordans dramaticheskogo teksta A. P. Chekhova* [Metapoetic dictionary-concordance of A. P. Chekhov's drama]. Stavropol : Stavropol State University Press.
 14. Shipulina, G. I. (2012). *Chastotno-semanticheskiy konkordans sluzhebnykh slov v poezii Sergeya Esenina* [Frequency-semantic dictionary of functional words to Sergei Yesenin's poetry]. Issue 1. Baku : Mutardzhim Press.
 15. Show, J. T. (2000 a). *Konkordans k stikham A. S. Pushkina* [Pushkin: A concordance to the poetry] : In 2 volumes. Vol. 1 : A–N. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
 16. Show, J. T. (2000 b). *Konkordans k stikham A. S. Pushkina* [Pushkin: A concordance to the poetry] : In 2 volumes. Vol. 2 : O–Ya. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.
 17. Belov, A., Orekhov, B. (compilers). *Chastotnyy slovar'-konkordans slovoform yazyka F. I. Tyutcheva* [A concordance to F. I. Tyutchev language]. Retrieved September 10, 2018 from <<http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html>>.
 18. Yakubovsky, K. I., Yakubovskaya, K. A. (2015). Obzor sovremennykh lingvisticheskikh tekhnologiy i sistem [Review of the modern linguistic

- technologies and systems]. *Vestnik MGUP* [Magazine Vestnik MGUP by Ivan Fedorov], 2, 315–319.
19. Flowerdew, L. (2012). *Corpora and Language Education* [S.1.]: Palgrave Macmillan.
 20. Frankenberg, A., Flowerdew, L., Aston, G. (2011). *New trends in corpora and language learning*. Chennai : Newgen Imaging Systems, Pvt Ltd, India.
 21. Sinclair, J. (1991). *Corpus, concordance, collocation*. Oxford : Oxford University Press.

УДК 81' 272
UDC 81' 272

**Кравец Татьяна Владимировна, Процукович Елена Александровна,
Морозова Ольга Николаевна, Максимова Любовь Николаевна**

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Российская Федерация

Tatyana V. Kravets, Elena A. Protsukovich,

Olga N. Morozova, Lubov N. Maksimova

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

t_kravetc@mail.ru, amursea@mail.ru, morozova_olga06@mail.ru

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СЕЛО
УСТЬ-УРКИМА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ ¹
SOCIOLINGUISTIC EXPEDITION TO THE VILLAGE OF
UST-URKIMA, AMUR REGION**

Аннотация

В октябре 2018 года сотрудниками кафедры иностранных языков Амурского государственного университета организована научная лингвистическая экспедиция в село Усть-Уркима Тындинского района Амурской области с целью сбора звукозаписей спонтанной эвенкийской речи и накоплению данных о носителях джелтулакского говора эвенкийского языка. Запись спонтанной речи носителей данного говора эвенкийского языка на территории Усть-Уркимы ранее не производилась. Описана социолингвистическая ситуация в селе Усть-Уркима. Представлен пилотный анализ спонтанной речи одного из немногих представителей эвенкийского этноса, свободно владеющего родным языком. Выявлены частота и характер русских вкраплений в эвенкийскую речь.

Abstract

In October 2018, the staff of the Department of Foreign Languages of the Amur State University organized a scientific linguistic expedition to the village of Ust-Urkima of Tynda district of the Amur Region with the purpose to collect sound recordings of spontaneous Evenki speech and to collect data on the speakers of the Dzheltulak local accent of the Evenki language. Recording of spontaneous speech of the speakers of the Dzheltulak dialect of the Evenki language has not been performed before. The sociolinguistic situation in the village of Ust-Urkima is described. In this paper, we also report the results of the pilot study of oral speech produced by one of very few native speakers of the Dzheltulak local accent who are still fluent in their ethnic tongue. Frequency and peculiarities of Russian insertions into Evenki speech are demonstrated.

Ключевые слова: научная лингвистическая экспедиция, Усть-Уркима, эвенкийский язык, джелтулакский говор, сбор звукозаписей, спонтанная речь.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

Keywords: scientific linguistic expedition, Ust-Urkima, Dzheltulak dialect, the Evenki language, the collection of sound recordings, spontaneous speech.

doi: 10.22250/2410 7190_2018_4_4_78_90

1. История становления эвенкийского села Усть-Уркима и социолингвистическая ситуация в нём

Предполагается, что название села Усть-Уркима́ в переводе с эвенкийского может означать либо «рогатина, рогатулина», так как расположена в слиянии двух рек – Уркима и Нюкжа; либо восходит к слову *эркимэ* со значением «дремлющая». В нижнем течении река протекает по заболоченной местности, поэтому характер течения ленивый, медленный, что, возможно, и дало эвенкам повод так образно назвать реку [Пылаева, 2003, с. 74]. Известен другой вариант перевода названия: *урками* – это «петля из проволоки для ловли мелких животных, или место, где чесался олень, чтобы сбросить рога, или петляющая река» [Мельников, 2009].

Село Усть-Уркима в Тындинском районе Амурской области России, административный центр Нюкжинского сельсовета, расположено у впадения (в устье) Уркимы в Нюкжу в 150 км к северо-западу от районного центра – города Тынды, на правом берегу реки Нюкжи, выше устья Уркимы; в 28 км к югу от станции Ларба Дальневосточной железной дороги). В 40 км к востоку от села расположен пос. Хорогочи, расстояние по лесной дороге более 70 км. Село Усть-Уркима, как и Тындинский район, приравнено к районам Крайнего Севера. Общая площадь села 400,08 га. Ближайшая баумовская станция Ларба находится в двадцати километрах от Усть-Уркимы [Становкин, 2007].

Село Усть-Уркима образовалось в 1935 году. История образования села связана с выходом 25 октября 1926 года Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных комиссаров РСФСР «Об утверждении временного положения об управлении туземных народностей и племён северных окраин, а также в целях вовлечения их в дело управления, наиболее полного и правильного проведения среди них законов Советского правительства, для поднятия их хозяйства и культурных действий жизни, организуются органы туземного правления среди народностей и племён северных окраин РСФСР, ведущих бродячий и полукочевой образ жизни и занимающихся главным образом охотой, рыболовством и оленеводством», на основании которого организован охотопромысловый кооператив «Догор», руководителем которого был назначен труженик трудового фронта, ветеран труда Г. А. Огарков. У слияния двух рек находилась перевалочная база, через которую по бездорожью на верблюдах и оленях доставляли продукты из Сковородино к факториям, а от туда сплавлялись по реке дальше, в Усть-Нюкжу. Основателями села были эвенки и переехавшие из Средней Нюкжи русские.

В 1929 году охотопромысловый кооператив объединил кочевые семьи Макаровых, Павловых, Акимовых, Гайковых, Николаевых, Василье-

вых, Куядыгир, Петровых. В 1931 году кооператив был переименован в артель имени «1 мая». На базе артели в 1936 году был организован колхоз «1 мая». Первым председателем был Василий Ефимович Матвеев (именем В. Е. Матвеева названа главная улица села). Колхоз специализировался на разведении оленеводства, пушном промысле, заготовке древесины для строительства. Была открыта молочно-товарная ферма, почтовое отделение, установлена телефонная связь, начальная школа, ФАП. В колхозе были коровы, кони. Позже стали разводить свиней, содержали клеточное поголовье серебристо-чёрных лис и песцов [Трофимюк, 2005, с. 1]. Со дня основания села в Усть-Уркиме проживают династии Акимовых, Макаровых, Неустроевых, Осиповых, Огарковых.

В годы ВОВ многие мужчины села воевали на разных фронтах (М. П. Курочкин, Д. И. Макаров, Г. Н. Павлов). Так Г. Н. Павлов дошёл до Берлина в составе I Украинского фронта, награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта» [Трофимюк, 2005, с. 2]. И. П. Петров был призван на фронт с первых дней войны и погиб в боях за Сталинград. Его брат, проводник-каюр К. П. Петров, в 1943 году отправил свои сбережения и кредитный займ на строительство танка, за что получил благодарственную телеграмму от И. В. Сталина [Валеев, 2004, с. 5]. Почётными жителями села также являются участники трудового фронта и ветераны труда.

В селе Усть-Уркима функционируют следующие учреждения и организации: Администрация Нюкжинского сельсовета (главой сельского поселения является Драй Вероника, коренная молодая жительница села) [Глушков, 2018]; филиал МОАУ «Первомайская СОШ» в Усть-Уркима, где обучаются и воспитываются дети начального школьного и дошкольного возрастов (директор Т. К. Макарова); фельдшерско-акушерский пункт; ГБУ «Тындинский отряд № 7 противопожарной службы Амурской области пожарный пост с. Усть-Уркима при ПЧ-23», отделение почтовой связи «Почта России», ветучасток, пекарня, крестьянско-фермерское хозяйство, ИП О. А. Огаркова, ИП М. М. Макарова.

Первая школа построена в 1932 году на Средней Нюкже. В августе 1956 года школой называлась изба без света с пузатой железной печкой посередине. Детей в школу собирали со всех окрестных стойбищ. С 2013 года в Усть-Уркиме действует филиал муниципального общеобразовательного автономного учреждения «Первомайская средняя общеобразовательная школа» Тындинского района, к которому присоединилась «Усть-Уркиминская начальная школа – детский сад».

В филиале функционирует начальная школа (1–2 класс-комплект – 5 учащихся, 4 класс – 4 учащихся) и группа дошкольного образования – 17 воспитанников (из них 16 детей – представители КМНС (эвенки)), 1 девочка – русская. Трудятся 3 педагога, два из них учителя начальных классов, и воспитатель ГДО. 15 человек – младший обслуживающий персонал, 1 руководитель филиала – М. М. Макарова, образование высшее. Одиннадцать детей обучаются в филиале Хорогочинской СОШ п. Ларба.

На базе филиала МОУ «Первомайская СОШ» сформирована одна разновозрастная группа в возрасте 2–7 лет. С целью развития у детей этнокультурных знаний, творческих способностей и восприятия художественных образов устного народного творчества эвенков и других северных народностей, введён кружок «Эвенкийские мотивы для детей» в объёме одного часа в неделю. Родной язык (эвенкийский) изучается в 3–4 классах 1 час в неделю (34 часа в год) в каждом классе. Курс «Родной язык и родная литература» направлен на сохранение родного языка, изучение культуры и обычаев коренных малочисленных народов Крайнего Севера (эвенков).

В селе занимаются традиционными промыслами семейно-родовые общины:

- Родовая община КМНС «Нюкжакан» (председатель Л. В. Акимова);
- Родовая община КМНС «Орон» (А. А. Андреев);
- Родовая община КМНС «Тэгэми» (Т. К. Макарова);
- Родовая община КМНС «Эвэды Октон» (Э. К. Жуманиязов);
- Родовая община КМНС «Сивагли» (Д. Ю. Драй).

Всего в селе проживает 313 человек, из них эвенков – 214 человек (информация по состоянию на 25.10.2018 г.). В этнографической структуре эвенков Усть-Уркимы взрослое население (от 18 лет и старше) насчитывает 237 человек, количество детей до 18 лет – 77 человек. 19% населения села составляют лица пенсионного возраста. На долю трудоспособного населения приходится 57%. Из 65 семей 15 представляют собой смешанные браки. Национальный состав, помимо коренных жителей – эвенков, представлен русскими (большая часть), украинцами, белорусами. В посёлке проживают представители эвенкийских родов: Бута, Буллот, Канагир, Сологон.

Места кочёвок по реке Нюкжа: Большой Эльганан и Малый Эльганан, Уркима Одолго, глубокий Беракан – «ручей», Мулякит – «лужи», Дудакит – «подземная река (вода)», Амуту – «озёра».

Территория поселения богата россыпным и рудным золотом. В 18 километрах от села осуществляет свое производство крупное золотодобывающее предприятие ОАО «Прииск Соловьёвский» на реке Уркима. На р. Нюкжа осуществляют свою деятельность ещё 2 золотодобывающих предприятия.

Население с. Усть-Уркима занимается охотой, рыбным промыслом, оленеводством, пошивом меховых изделий, сбором дикоросов, огородничеством.

С 2000 года в Усть-Уркиме проводится этнический праздник «Бакалдын». Ежегодно весной в с. Усть-Уркима проходит традиционный праздник «День оленевода и охотника», в марте оленеводы съезжаются на праздник, который проводится на реке Нюкжа. На празднике проводятся традиционные эвенкийские обряды, олени гонки, организуются национальные спортивные игры, национальный конкурс эвенкийских молодых семей, мастер-классы народного творчества, угощение национальной эвенкийской едой. В селе функционирует филиал МБУК «Центр развития культуры,

спорта и архивного дела Тындинского района». В рамках филиала действуют театрализованный кружок «Мотивы Севера» под руководством В. Ф. Неустроевой, клуб по интересам «Мир полон красок» под руководством В. Ф. Неустроевой, кружок для взрослых ДПИ «Северное сияние» под руководством В. В. Акимовой.

Мастерицы с. Усть-Уркима регулярно принимают участие в фестивале национального костюма КМНС: в Региональном фестивале «Полярный стиль в г. Москва» (2017 г.), в областном этническом семинаре-практикуме декоративно-прикладного творчества «Самоцветы Севера» Амурской области (2015–2018 гг.), в районных фольклорно-этнографических праздниках (Бакалдын), Международных выставках-ярмарках «Сокровище Севера», «Мастера и художники России» (2017 г.).

Среди местных поэтов можно назвать М. В. Осипову и Е. А. Осипову. Село также славится своими художниками – братьями Илюткиными и Н. Петровой.

2. Лингвистическая экспедиция в село Усть-Уркима Тындинского района Амурской области

История и культура эвенкийского села всегда интересовала и привлекала исследователей из российских городов (Санкт-Петербург, Благовещенск), стран Европы (Франции, Италии) и Китая. Так в 2012–2017 гг. была организована научная экспедиция под руководством профессора АмГУ А. П. Забияко. В 2015–2016 гг. в ходе работы комплексной Амурской антропологической экспедиции АмГУ-МГУ-ЦПИ оценена степень влияния экологических факторов на состояние здоровья представителей данного этноса, изучены перспективы его дальнейшего существования, определены степени старения и продолжительности жизни амурских эвенков. Второй важной задачей данной экспедиции было определить происхождения амурских эвенков и их связи с коренными народами, которые проживают в Якутии, Бурятии, Красноярском и Хабаровском краях [Амурские и московские ученые..., 2015]. Всего по одонтологической программе были обследованы 129 человек: 70 из них вошли в выборку эвенков и 59 человек представители смешанного эвенкийско-русского населения. Сравнительный анализ показал близость одонтологического комплекса амурских эвенков и западных эвенков с территории Эвенкийского АО, в то время как с территориально близкими южными эвенками Хабаровского края имеются существенные различия по некоторым ключевым признакам [Лейбова, Забияко, 2016].

В 2015 году состояние здоровья эвенков изучали антропологи Института антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Учёных интересовали показатели состояния здоровья, динамика в современных условиях, определение географической изменчивости генофонда и «генетического родства» изучаемых групп, выявления путей миграций и расселения предков современного коренного населения Амурской области [В Тындинском районе..., 2015].

Учёные из Франции и Германии вместе с археологами ИРНИТУ, которые исследовали стоянку «Коврижка IV» в Бодайбинском районе, отправились также в с. Усть-Уркима, которое находится недалеко от Тынды (Амурская область), где подробно изучили быт современных эвенков: как они ведут хозяйство, какие растения используют, чем кормят своих домашних животных, из каких деревьев строят. Эти данные учёные сравнят с археологическими находками, чтобы понять, как изменился быт коренных народов Севера [Богачев, 2017].

Кроме этого, Усть-Уркима стала местом исследовательской работы участников второго этапа совместной экспедиции МАЭ РАН и Вильнюсского Университета (Литва). В экспедиции принимали участие доцент Центра ориенталистики Вильнюсского университета, ассоциированный научный сотрудник Центра Арктических и Сибирских исследований Социологического института РАН Донатас Брандишаускас и заведующий отделом этнографии Сибири МАЭ РАН (Кунсткамера) Владимир Николаевич Давыдов.

Исследовательская работа проходила в рамках проекта «Culturally modified rocks and woods in East Siberia: Perception and use of rock art, carvings and decorations among Orochen-Evenki reindeer herders and hunters» (=Культурно-модифицированные скалы и деревья в Восточной Сибири: восприятие и использование наскального искусства, резьбы и декорирования среди оленеводов и охотников эвенков-орочоносов) при поддержке National Geographic [Сакральный ландшафт..., 2017].

Целью этого этапа был сбор материалов об отношениях местных жителей с сакральным ландшафтом. Особое внимание уделялось их знаниям, связанным с наскальными изображениями, и местным интерпретациям их появления, а также связанные с этими местами современные практики. В ходе экспедиции были обследованы писаницы бассейна реки Олёкмы, опрошены жители поселков Киндигир и Усть-Уркима [Сакральный ландшафт..., 2017].

Тем не менее, нужно отметить, что ни разу до 2018 года не было экспедиций, целью которых бы стал сбор звукозаписей спонтанной (неподготовленной) эвенкийской речи и накопление данных о носителях местного говора эвенкийского языка в с. Усть-Уркима.

С 21 по 27 октября 2018 года была осуществлена научная лингвистическая экспедиция в эвенкийское село Усть-Уркима, инициированная кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета при поддержке гранта РГНФ № 17-04-12004в. В рамках данного проекта составляется аннотированный речевой корпус эвенкийского языка. Благодаря проведённой экспедиции с. Усть-Уркима Тындинского района перестала считаться неисследованной территорией Амурской области, где запись образцов звучащей речи носителей джелтулакского говора эвенкийского языка не производилась.

С целью изучить эвенкийские говоры Приамурья уже были организованы научные экспедиции в с. Бомнак Зейского района Амурской области и в с. Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области [Социолингвистическая ... , 2017 а ; Социолингвистическая ... , 2017 б].

Согласно плановой научной теме кафедры иностранных языков АмГУ «Речевой корпус эвенкийского языка (аннотированный)» экспедиция в с. Усть-Уркима Тындинского района организована с целью записать звуковой словарь лексики жителей данного села.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- определить место говора эвенков с. Усть-Уркима среди остальных говоров эвенкийского языка Амурской области;
- выявить отличительные особенности данного говора на звуковом, лексическом и грамматическом уровнях языковой структуры;
- записать на аудионосители слова, словосочетания в произнесении жителей, говорящих на эвенкийском языке;
- записать односложные, двухсложные и многосложные лексемы в условиях спонтанной речи для выявления отличий между репродуцированной и свободно порождаемой речью;
- исследовать на звуковом уровне феномен безударности в эвенкийском языке и выявить правила расстановки ударения в эвенкийских многосложных словах с целью выявления характерных черт, присущих акцентологии речи жителей с. Усть-Уркима;
- проанализировать феномен сингармонизма в джелтулакском говоре жителей с. Усть-Уркима;
- зарегистрировать интонационные модели различных коммуникативных типов предложения (повествовательных предложений, различных типов вопросительных структур (общие, специальные, альтернативные вопросы), побудительных предложений, возгласов и эмоционально-окрашенных предложений).

Для исследования говора жителей с. Усть-Уркима было запланировано записать на аудионосители не только эвенкийскую речь, но и русскую речь для исследования уникального русско-эвенкийского акцента исчезающей речи представителей эвенкийского этноса, которые на сегодняшний день являются билингвами.

В ходе проведения лингвистической экспедиции опрошено 18 жителей с. Усть-Уркима, носителей джелтулакского говора, на которых составлены социолингвистические анкеты и чья речь записана на электронные аудионосители.

Согласно проведенному анкетированию, 10 из 18 опрошенных дикторов-носителей джелтулакского говора с. Усть-Уркима заявили, что происходят из чисто эвенкийских семей. Два представителя данного говора утверждают, что кроме эвенков в их роду были корейцы. Другие жители с. Усть-Уркима говорят об своём родстве с русскими (2), якутами (2) и китайцами (1). У трёх эвенков супруг или супруга являются русскими.

Из числа опрошенных респондентов 55% представляют род Инэлас, 44% составляют представители рода Буллот, 30% – эвенки из рода Солонгон, по 2 человека приходится на рода Чакигир, Пуягир, Букачар и 1 человек из рода Куртак.

В ходе экспедиции была произведена запись образцов звучащей речи носителей джелтулакского говора с. Усть-Уркима в объёме 10 часов 42 минут. В аудиозаписях приняли участие 18 информантов. К сожалению, не удалось охватить всех жителей с. Усть-Уркимы, владеющих эвенкийским языком, связи с тем, что многие мужчины и женщины находились в тайге.

Возраст информантов варьировал от 36 до 86 лет. По результатам предварительного анализа статистических данных и устного опроса можно сделать вывод, что родным говором владеют, главным образом, представители старшего поколения, представители среднего поколения показывают разную степень владения, в большей мере характеризую свои знания как «не помню», «понимаю, но не говорю». Трое представителей старшего поколения не умеют читать и писать по-эвенкийски, но при этом свободно говорят на нём. Нужно отметить, что из числа всех информантов среднего возраста пятеро достаточно хорошо владеют родным языком, говорят бегло, без запинки.

Среди эвенков, участвующих в анкетировании и считающихся говорящими на эвенкийском языке, практически все (16 человек), до 7 лет не знали русского языка и говорили только на эвенкийском.

В процессе работы в экспедиции выявлено, что в с. Усть-Уркима проживает самый старый носитель джелтулакского говора эвенкийского языка, Акимова Ольга Андреевна 1932 года рождения, которая всю жизнь прожила в тайге и занималась охотой и, самое примечательное, совсем не владеет русским языком. При стопроцентном устном владении родным языком, пожилая женщина не умеет ни писать, ни читать по-эвенкийски.

В целом научная лингвистическая экспедиция в эвенкийское село Усть-Уркима прошла успешно: собран ценный материал о носителях джелтулакского говора, описана языковая ситуация в данном районе компактного проживания эвенков, записаны образцы звучащей речи носителей джелтулакского говора на электронные носители. На сегодняшний день собранный материал подвергается компьютерной обработке с помощью программы PRAAT в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков АмГУ.

Далее планируется создать электронный корпус текстов на данном говоре, и тем самым способствовать изучению проблемы функционирования говоров Приамурья эвенкийского языка и истории формирования восточного наречия эвенкийского языка. Результаты научной экспедиции внесут важнейший вклад в решение вопроса об аккумуляции представительного звукового материала для проведения многоуровневых лингвистических исследований в тунгусо-маньчжуроведении.

3. Речевой портрет жительницы с. Усть-Уркима Л. В. Акимовой

Материалом для описания речевого портрета послужили аудиозаписи спонтанной речи носителя джелтулакского говора эвенкийского языка Ларисы Владимировны Акимовой, 1965 года рождения (53 года на момент записи), проживающей с рождения до настоящего времени в с. Усть-Уркима. Она

и её предки являются коренными усть-уркимчанами, мать – из с. Иенгра республики Саха-Якутия. Эвенкийский язык для данного диктора является родным, используется постоянно в различных ситуациях общения.

Проанализированные звукозаписи, полученные во время лингвистической экспедиции в с. Усть-Уркима Тындинского района Амурской области доцентом кафедры иностранных языков АмГУ Т. В. Кравец и расшифрованные магистрантом Л. Н. Максимовой и доцентом Е. А. Процукович, представляют собой рассказ о себе и своей семье. Приведём один такой фрагмент.

Минэвэ гэрбим Лариса Акимова, би из рода Иңелай. Минду тунҕа илан года, оча, авалдыам, пекарняду, колобобо (хлеб) иридем илипка... минду илан утэй, дюр унаткан, умукон омологичан... этырканми ачин оран, буча, омологи тоже буча, ачин оран, ну утэлим дюр эманмучаль.

... би улиңэм тэткэльвэ, унталва, бисерва оҕном, онённом...тадук экунма... эгдандэля (урэля)уруннум, андаһивэ дяваҕнам... ну орорво ичэтнам...

... буюксувэ (буюрунмэ) вариҕнам, оҕнаҕнам... Москвала уруннэриб (нэнэктэчам), ну уже дюр анҕавэ оран, тала уруннум бугуютэ (буюрунмэ), колбасавэ эвенкийского буюксэҕэн, ну ... называется буюксу (буюрунмэ), потом уманма уруриб (нэнэбдечам) тала, оллово, нирува, хариус, потом что ещё...

Меня зовут Лариса Акимова, я из рода Иңелай. Мне 53 года исполнилось, работаю на пекарне, варю-стряпаю хлеб... у меня трое детей, двое дочерей, один сын... мужа моего не стало, умер, сын тоже умер, не стало, ну двое детей осталось.

... я шью одежду, унты, делаю с бисером, украшаю... потом что... в тайгу хожу, добываю соболя... ну оленей смотрю...

... «буюксэ» варю, делаю... в Москву ездила, ну уже два года стало, туда ездила с «буюксэ», колбасу эвенкийскую, называется буюксу, потом мозги (из кости оленя) туда возила, рыбу, хариус....

Анализируемый текст является отрывком интервью, полученного при записи образцов звучащей речи носителей джелтулакского говора эвенкийского языка. Употреблённая эвенкийская лексика охватывает различные темы: семьи и родства, заготовки еды, охоты, рукоделия. Никаких лексических единиц, отражающих особенности современной действительности, не представлено. Рассказ содержит 90 слов, среди них эвенкийских слов – 68, русских – 22, то есть частота перехода на русский язык составляет 32%.

Для речи диктора характерны следующие особенности. В тексте зафиксированы примеры внешнего переключения кода, подразумевающее переключение с одного языка на другой за границами предложения, между целыми фразами в рамках одного текста (см. подробнее об этом в [Thomason, 2001, с. 132]): *Колбасавэ эвенкийского – буюксэҕэн ну...называется буюксу. Оллово, нирува, хариус, потом что ещё...*

Более частотными случаями для данного диктора являются примеры внутреннего переключения кода, сопровождающееся вставкой отдельных слов в эвенкийское предложение: *омолги **тоже** буча, ну уже дюр аннавэ оран, **потом** уманма урурив тала.*

Знаменательные части речи в анализируемом тексте представлены именами существительными, наречиями, местоимениями, прилагательными, глаголами. Наиболее часто в эвенкийской речи употребляются русские имена существительные (41% от общего количества русских вкраплений): *из **рода** Ицелай; **пекарняду**, колобобо (хлеб) иридем илипка...; унталва, **би-серва** оунном; **колбасавэ; Москвала** уруунэрив.* Однако все приведённые примеры представляют собой лексические заимствования из русского языка в эвенкийский, и, следовательно, не могут рассматриваться как случаи русских вкраплений в речь на эвенкийском языке. Нельзя не отметить тот факт, что в процессе использования заимствованной лексики в эвенкийской речи, диктор прибегает к правилам морфологии эвенкийского языка, применяя суффиксы и окончания родного языка.

Наречия *потом, тоже, ещё, уже* в представленном тексте встречаются с частотой 18%. Глаголы зафиксированы в 9% случаев: *называется, буюксувэ (буюрунмэ) вариунам.* Случаи употребления прилагательных (*эвенкийского*) и местоимений (*что*) единичны и встречаются с одинаковой частотой – 5%. Причастий и деепричастий в массиве русских слов не зафиксировано.

Служебные части речи представлены междометиями (*ну*); случаи их употребления составляют 14%.

Анализ спонтанного текста, наиболее полно отражающего актуальное состояние речи билингва, показывает достаточно высокий процент случаев языкового переключения в речи носителя желтулакского говора эвенкийского языка Акимовой Ларисы Владимировны, что свидетельствует о давлении русского языка, преобладающего во всех ситуациях общения у амурских эвенков.

4. Заключение

Анализ современной языковой ситуации у эвенков, проживающих в селе Усть-Уркима Тындинского района Амурской области, позволяет сделать следующие выводы.

1. Хорошее фактическое знание желтулакского говора эвенкийского языка сохраняют представители старшего поколения эвенков и эвенки, занимающиеся традиционными промыслами.

2. Русский язык в настоящее время вытесняет эвенкийский язык из всех сфер его использования и является средством внутринационального общения тындинских эвенков. Даже в речи немногочисленных эвенков, свободно говорящих на этническом языке, имеется определённая доля русских вкраплений.

3. Анализ спонтанных нарративных текстов, наиболее полно отражающих актуальное состояние речи билингва, показывает, что случаи языко-

вого переключения являются следствием активного употребления двух языков, чему способствует, с одной стороны, желание сохранить этнический язык, а с другой стороны – давление русского языка, преобладающего во всех ситуациях общения у тындинских эвенков.

Список литературы

1. Амурские и московские ученые выяснят влияние экологии на здоровье эвенков [Электронный ресурс] // Амурская правда. – № 138 (28757). – 2015. – Режим доступа: <https://ampravda.ru/2015/09/21/060759.html>.
2. Богачев, А. Ученые из Франции и Германии вместе с археологами ИРНТУ исследуют стоянку «Коврижка IV» в Бодайбинском районе [Электронный ресурс] // Иркутский национальный исследовательский технический университет. – 2017. – Режим доступа: <http://www.istu.edu/news/29823/>.
3. Валеев, Р. Таёжные деликатесы для сына, который не вернулся с войны // БАМ. – 2004. – С. 5–5.
4. В Тындинском районе побывали учёные МГУ [Электронный ресурс] // Газета «БАМ». – 2015. – Вып. 41. – Режим доступа: <http://gazeta-bam.ru/articles/media/2015/10/16/v-tyindinskom-rajone-pobyivali-uchyonyie-mgu/>.
5. Глушков, Г. Есть такое село Усть-Уркима [Электронный ресурс] // Городской портал «Наша Тында». – 2018. – Режим доступа: <https://nashatynda.ru/news/category/putesestvia-nasih-zemlakov/est-takoe-selo-ust-urkima>
6. Лейбова, Н. А., Забияко, А. П. Одонтологическая характеристика эвенков Приамурья: новые данные [Текст] // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 18. – С. 164–174.
7. Мельников, А. В. Топонимический словарь Амурской области [Электронный ресурс] / А. В. Мельников. – Благовещенск, 2009. – 232 с. – Режим доступа : <https://www.chitalnya.ru/work/121676/>.
8. Социолингвистическая ситуация в селе Бомнак Зейского района Амурской области [Текст] / Е. А. Процукович, Т. В. Кравец, О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, А. В. Лиханова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017 а. – Вып. 3 (4). – С. 80–93.
9. Социолингвистическая ситуация в селе Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области [Текст] / Ю. П. Иванашко, О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, Л. Н. Максимова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017 б. – Вып. 3 (4). – С. 13–33.
10. Пылаева, О. Б. Об исчезающем языке амурских эвенков // Амурские эвенки. Большие проблемы малого этноса : сб. науч. трудов. – 2003. – Вып. I. – Благовещенск : Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 58-102. С.).
11. Сакральный ландшафт Южной Якутии и Амурской области [Электронный ресурс] // Кунсткамера. Новости научной жизни. – МАЭ РАН. – 2017. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/sakralnyj_landshaft_yuzhnoj_yakutii_i_amurskoj_oblasti/.

12. Становкин, С. Усть-Уркима: северный посёлок с национальным колоритом [Электронный ресурс] / С. Становкин // Амурская правда. – 2007. – № 135. – Режим доступа: <https://ampravda.ru/2007/09/06/2241.html>.
13. Трофимюк, Н. Моя Усть-Уркима [Текст] / Н. Трофимюк // Авангард. – 2005. – № 85. – С. 1–2.
14. Thomason, S. Language Contact [Text] / S. Thomason. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2001. – 310 p.

References

1. Amurskie i moskovskie uchenye vyyasnyat vliyanie ekologii na zdorov'e evenkov [Amur and Moscow scientists will find out the impact of ecology on the health of the Evenks]. *Amurskaya Pravda* [Amur Truth]. Retrieved 25.11.2018 from <<https://ampravda.ru/2015/09/21/060759.html>> .
2. Bogachev, A. (2017). Uchenye iz Frantsii i Germanii vmeste s arheologami IRNITU issleduyut stoyanku «Kovrizhka IV» v Bodaybinskom rayone [Scientists from France and Germany together with the archaeologists of the Irkutsk National Research Technical University Research Park «The Gingerbread IV» in Bodaibo District]. *Irkutskiy nacional'nyy issledovatel'skiy tekhnicheskiiy universitet* [Irkutsk National Research Technical University]. Retrieved 25.11.2018 from <<http://www.istu.edu/news/29823/>>.
3. Valeev, R. (2004). Tayozhnye delikatesy dlya syna, kotoryy ne vernulsya s voyny [Taiga delicacies for the son who did not return from the war]. *Gazeta «BAM»* [Newspaper «BAM»], 5–5.
4. V Tyndinskom rayone pobyvali uchyonye MGU [MSU scientists visited Tynda district]. Retrieved 25.11.2018 from <<http://gazeta-bam.ru/articles/media/2015/10/16/v-tyndinskom-rajone-pobyivali-uchyonyie-mgu/>>.
5. Glushkov, G. (2018). Est' takoe selo Ust'-Urkima [There is a village called Ust-Urkima]. *Nasha Tynda* [Our Tynda]. Retrieved 25.11.2018 from <<https://nashatynda.ru/news/category/putesestvia-nasih-zemlakov/est-takoe-selo-ust-urkima>>.
6. Ivanashko, Yu. P. (2017). Sotsiolingvisticheskaya situatsiya v sele Ust'-Nyukzha Tyndinskogo rayona Amurskoy oblasti [Sociolinguistical situation in the Ust-Nyukzha settlement, Tynda District, Amur Region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (4), 13–33.
7. Leibova, N. A. Zabiyako, A. P. (2016). Odontologicheskaya harakteristika evenkov Priamur'ya: novye dannye [Odontological characteristics of Evenks in the Amur Region: New data]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series : Geoarcheology. Ethnology. Anthropology], 18, 164–174.
8. Mel'nikov, A. V. (2009). Toponimicheskiiy slovar' Amurskoy oblasti [Toponymic dictionary of the Amur Region]. «*Izba-Chital'nya*» – literaturnyy portal ["Izba-a Reading room" – the literary portal]. Retrieved November 28, 2018 from <<https://www.chitalnya.ru/work/121676/>>.
9. Procukovich, E. A. (2017). Sotsiolingvisticheskaya situatsiya v sele Bomnak Zeyskogo rayona Amurskoy oblasti [Sociolinguistical situation in the Bomnak

- village, Zeya District, Amur Region]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (4), 80–93.
10. Pylaeva, O. B. (2003). Ob ischezayushchem yazyke amurskih evenkov [On the endangered language of the Amur Evenks]. *Proc. Conference «Amurskie evenki: Bol'shie problemy malogo etnosa»* [Amur Evenks: Big problems of a small ethnic group] (pp. 58–102). Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
 11. Sakral'nyy landshaft Yuzhnoy Yakutii i Amurskoy oblasti [Sacred landscape of South Yakutia and Amur Region]. *Kunstkamera. Novosti nauchnoy zhizni* [Kunstkamera. Scientific news]. Retrieved November 29, 2018 from <http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/sakralnyj_landshaft_yuzhnoj_yakutii_i_amurskoj_oblasti/>.
 12. Stanovkin, S. (2007). Ust'-Urkima: severnyy posyolok s natsional'nym koloritom [Ust-Urkima: The Northern village with the national colors]. *Amurskaya Pravda* [Amur Truth]. Retrieved November 25, 2018 from <<https://ampravda.ru/2007/09/06/2241.html>>.
 13. Trofimyuk, N. (2005). Moya Ust'-Urkima [My Ust-Urkima]. *Avangard* [Vanguard], 85, 1–2.
 14. Thomason, S. (2001). *Language Contact*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

УДК 811.11-112
UDC 811.11-112

Лейфа Ирина Ильинична, Анисенкова Екатерина Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Irina I. Leyfa, Ekaterina V. Anisenkova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
iilblg@mail.ru, la-fleur1997@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ Й. ФОН ЭЙХЕНДОРФА)
PECULIARITIES OF COLOR TERMS IN GERMAN POETRY
(BASED ON J. VON EICHENDORFF'S POETRY)

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются особенности цветообозначения в немецкой поэзии на материале произведений Й. Фон Эйхендорфа. В ходе исследования было проанализировано 14 произведений поэта с колоративным компонентом. Полученные результаты показали, что цветовые предпочтения поэта объясняются двумя факторами: во-первых, чувственно-нравственным аспектом, во-вторых, философией цвета католицизма того времени, предполагающей полярность цветообозначения. Выявленное соотношение цветов свидетельствует о преобладании жизнеутверждающих, радостных, успокаивающих и созерцательных мотивов в творчестве поэта. Отмечена тенденция избегать «негативных» цветов за счёт употребления их менее агрессивных оттенков.

Abstract

The article discusses the peculiarities of color terminology in German poetry of J. von Eichendorff. The material for the study comprised 14 works of the poet containing the words denoting color. The obtained results indicate the poet's preferences for colors can be explained by 2 factors: first, feelings and morale of the author, second, Catholic philosophy of color characteristic for those times that allowed polarity of color nominations. Color proportion found in the poems shows the preference for lively, joyful motives together with calming and contemplative ones. We also found a tendency to avoid «negative» colors by turning to less aggressive shades.

Ключевые слова: языковая картина мира, понятие цвета, цветообозначения, немецкая поэзия, колоративный компонент.

Keywords: language picture of the world, the concept of color, color designations, German poetry, colorative component.

doi: 10.22250/2410_7190_2018_4_4_91_100

1. Введение

Цвету и его гармонии с внешним миром принадлежит важная роль в культуре и мировой литературе. В целях понимания языка того или иного народа нужно изучить, как влияет цвет на их культуру и как он символизируется в языке, в литературе, в данном случае, в немецкой поэзии.

В мире, окружающем человека, нет ничего бесцветного. Каждый объект нашей действительности характеризуется определённой окраской, даже если она является едва заметной и невыразительной. Цвет – субъективная характеристика света. Он представляет собой совокупность психофизиологических реакций человека на световое излучение, которое исходит от различных предметов, излучающих свет (источники света), а также от предметов, которые отражают и пропускают через себя (прозрачные среды) свет [Василевич, 2005, с. 67].

Один и тот же цвет презентуется в языке с помощью различных цветообозначений: одно слово будет ядром семантической группы (скажем, *blau*), другие – обозначать оттенки и нюансы основного цвета [Капнина, 2016, с. 43]. Приведём пример возможных оттенков голубого цвета, представленных немецкой системой стандартизации цветов RAL: *violettblau, grünblau, ultramarinblau, saphirblau, schwarzblau, signalblau, brilliantblau, graublau* [RAL–Farben]. Довольно распространёнными считаются и прилагательные *dunkelblau, hellblau, mattblau, bläulich, blaufarbig*.

Вопрос о том, какие именно цвета являются основными и отражают немецкую языковую картину мира, остается открытым. Обратимся к одной из основополагающих работ на территории немецкого цветоведения, автор которой – Иоганн Вольфганг фон Гёте, выдающийся немецкий философ и литератор. В своей работе «Farblehre» учёный назвал основными 6 цветов: *rot, orange, gelb, grün, blau, violett*. Согласно наработкам немецкого исследователя, существует три первичных цвета: жёлтый, красный и синий. Если взять эти цвета в полной силе и представить их в форме круга, то образуется три перехода: оранжевый, фиолетовый, зелёный.

Основными в разные периоды существования немецкого языка являются семь цветов: *schwarz, weiß, rot, grün, gelb, blau, braun*. Именно эти цветообозначения в полной мере отражают особенности немецкой языковой картины мира. Однако сегодня прослеживается мысль, согласно которой базовых цветов в немецком языке существует больше. Так, С. Кантемир приводит разветвлённую систему цветообозначений, состоящую из групп колоронимов с разной частотностью использования в речи. К высокочастотным словам учёный относит прилагательные: *weiß, schwarz, rot, blau, grün, grau, braun, gelb*. Со средней частотой в немецком языке употребляются прилагательные *rosa, blond, lila, golden, dunkelblau*. Кроме того, есть еще группы употребляемых слов: *blauschwarz, hoffnungsgrün, eierschalengelblich* и т.д. [Василевич, 2005, с. 82].

В Германии большой популярностью пользуется стандарт цветов RAL, основанный в 1927 году немецким Институтом гарантии качества и сертификации. Сегодня RAL выделяет 11 основных цветов (*weiß, schwarz,*

rot, grün, gelb, blau, braun, violett, rosa, orange, grau), сформированных в группы (*gelb und beige; Orangentöne; rot; violett; blau; grün; grau; braun; weiß und schwarz*), и 210 их оттенков.

Цветопись является обязательным элементом художественной манеры и служит одним из важных элементов авторского стиля, «с помощью которого выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [Яньшин, 2006, с. 219]. Создание зрительного образа при помощи цветовой палитры умело использовалось классиками. Эту традицию продолжают и современные авторы.

2. Цветообозначения в произведениях Й. Фон Эйхендорфа

Анализ 14 стихотворений немецкого поэта XIX века Йозефа Эйхендорфа (1788–1857), показал, что символика цвета является важным компонентом в его поэтическом наследии.

В рассмотренных произведениях Й. Фон Эйхендорфа можно явно проследить одну закономерность: в своих произведениях поэт в основном использует такие цвета, как зелёный, синий, золотой и красный. Оттенки цветов поэт игнорирует, и встретить их можно крайне редко. А таких цветов, как оранжевый, жёлтый, сиреневый и фиолетовый в его произведениях нет вообще. Это можно объяснить двумя причинами: чувственно-нравственным аспектом, обоснованным И. В. Гёте, и традиционными цветовыми решениями, преобладающими у католиков.

И. В. Гёте разделил все цвета на положительные и отрицательные. К положительным цветам относятся следующие: жёлтый, жёлто-красный и красно-жёлтый, эти цвета вызывают жизнерадостность. Отрицательная сторона представлена синим, сине-красным и красно-синим цветами, которые вызывают у людей беспокойство и тревогу.

Й. фон Эйхендорф успешно заменяет жёлтый цвет золотым, так как жёлтый цвет в XIX веке считается цветом болезни; этот цвет является очень чувствительным, он вызывает неприятные ассоциации, будучи замутнённым либо загрязнённым. Золотой цвет наделяет предметы светозарностью. В стихах Й. Фон Эйхендорфа часто встречаются «золотые потоки», «золотые мосты», «золотые лестницы»; золотой цвет придаёт большую выразительность и значимость высказыванию. В качестве иллюстрирующего примера приведём строфу из стихотворения «*Sehnsucht*» (=«Тоска») [Эйхендорф, 1969, с. 37].

Es schienen so *golden* die Sterne,
Am Fenster ich einsam stand
Und hörte aus weiter Ferne
Ein Posthorn im stillen Land.
Das Herz mir im Leib entbrennte,
Da hab ich mir heimlich gedacht:
Ach, wer da mitreisen könnte
In der prächtigen Sommernacht!

В данном случае используется золотой цвет вместо жёлтого для того, чтобы показать яркость, блеск и свет звёзд, а также для того, чтобы привлечь внимание читателя и настроить его на позитивный лад.

Красному цвету, как и золотому, соответствует достоинство, серьёзность и великолепие. В зависимости от того, на чём делает акцент автор, им выбирается определённая цветовая гамма какого-либо знака. Для того чтобы выразить мощь и силу, должны преобладать «положительные» краски, а для того чтобы выразить нежность – «отрицательные». Приведём пример из стихотворения «Abend» (=«Вечер»).

Der Abend streut *rosige* Flocken,
Verhüllet die Erde nun ganz,
Und durch des Schlummernden Locken
Ziehn Sterne den heiligen Kranz.

В данной строфе автор использует оттенок красного – розовый цвет. Он более нежный, не держит читателя в напряжении, настраивает его не на злость и гнев, а на спокойствие, что позволяет автору умиротворить человека и успокоить его.

Зелёный цвет является смешением жёлтого и синего цветов и считается уникальным. Он уравнивает, успокаивает и приносит умиротворение.

Приведём в пример строфу из стихотворения «Waldmädchen» (=«Лесная дева») [Эйхендорф, 1969, с. 65], в котором противопоставляются *Feuer* (огонь, пламя, который имеет хоть и светлый оттенок (*hell*), но всё же вспыхивает – это говорит о взволнованном, возбуждённом, яростном состоянии говорящего) – красного цвета и *grün* – зелёного цвета, который успокаивает говорящего, приглушает его ярость.

Bin ein *Feuer hell*, das lodert
Von dem *grünen* Felsenkranz,
Seewind ist mein Buhl und fordert
Mich zum lust'gen Wirbeltanz,
Kommt und wechselt unbeständig.
Steigend wild,
Neigend mild,
Meine schlanken Lohen wend ich:
Komm nicht nach mir, ich verbrenn dich!

Нередко произведения Й. Фон Эйхендорфа выглядят как пёстрая цветовая мозаика. Пёстрый тон (*bunt*) любят дети. Пестрота связана с жизнерадостностью и непосредственностью, которыми обладает каждая открытая душа. Следующий пример [Эйхендорф, 1969, с. 81] демонстрирует предпочтение автора использовать в своих стихотворениях смешение разных цветов.

Der Winzer Yauchzen ist verklungen
 Und all der *bunte* Lebenslauf,
 Die Strome nur im Tahl geschlungen,
 Sie blickten manchmal silbern auf.

В данном стихотворении автор прибегает к использованию смешения разных цветов для того, чтобы показать всё многообразие и многокрасочность жизни.

На традиционную символику цветов, принятую католицизмом, следует тоже обратить внимание, так как речь идёт о сформированной христианством «философии цвета». Любой цвет может быть символом полярных понятий. Например, красный цвет, с одной стороны, является символом любви и силы, с другой же стороны он символизирует кровь и страдание. Обратимся к строфе из стихотворения «Der Kämpfe».

Was vertraust du, warum baust du
 Auf der Männer wilde Brust,
 Die das *Blut* ziert und der Streit rührt
 Und die schöne Todeslust!

Голубой цвет как символ неба и бессмертия также может служить знаком смерти. Один из примеров – строфа из одноимённого стихотворения «Todeslust».

Bevor er in die *blaue* Flut gesunken,
 Träumt noch der Schwan und singet todestrunken...
 Die sommermüde Erde im Verblühen
 Läßt all ihr Feuer in den Trauben glühen;
 Die Sonne, Funken sprühend, im Versinken,
 Gibt noch einmal der Erde Glut zu trinken,
 Bis, Stern auf Stern, die Trunkne zu umfassen,
 Die wunderbare Nacht ist aufgegangen.

В строфе из стихотворения «Herbst» (=«Осень») синий небесный цвет и ангелы напоминают о смерти, но мысли о небесах не портят впечатление о земной красоте: кедры, ущелья – всё это обращено к божественному, но утверждает земное.

Und die Vöglein hoch in Lüften
 Über *blaue* Berg und Seen
 Ziehen zur Ferne nach den Kluften,
 Wo die hohen Zedern stehn,
 Wo mit ihren goldnen Schwingen
 Auf der Benedeiten Gruft
 Engel Hosianna singen
 Nachtens durch die stille Luft.

Голубой цвет Й. Фон Эйхендорф также связывает с мотивом странствий, в котором можно услышать нотки усталости, а также с мыслью о смерти (стихотворение «В вечернем закате»). У странника таинственный загадочный облик («Неизвестный»), эту роль странника хочется отнести к самому поэту. Символом странствий у Й. Фон Эйхендорфа выступает и традиционный романтический «голубой цветок» в одноимённом стихотворении «Die blaue Blume» (=«Голубой цветок») [Эйхендорф, 1969, с. 101], безуспешно отыскать который стремится и сам Й. Фон Эйхендорф.

Ich suche *die blaue Blume*,
 Ich suche und finde sie nie,
 Mir träumt, dass in der Blume
 Mein gutes Glück mir blüh.
 Ich wandre mit meiner Harfe
 Durch Länder, Städt und Au'n,
 Ob nirgends in der Runde
Die blaue Blume zu schaun.
 Ich wandre schon seit lange,
 Hab lang gehofft, vertraut,
 Doch ach, noch nirgends hab ich
Die blaue Blume geschaut.

Странствия поэта означают краткий миг пребывания поэта на земле. Далее его ждёт дорога в вечность, откуда уже нет обратного пути. Поэт ценит каждое мгновение, где можно насладиться зелёными лесами и долинами. Он запоминает их и хочет унести в своём сердце всю красоту земного мира в мир иной – потусторонний, божественный и вечный [Эйхендорф, 1969, с. 64].

O Taler weit, o Hohen,
 O schöner, *grüner* Wald,
 Du meiner Lust und Wehen
 Andächtiger Aufenthalt!
 Da draußen, stets betrogen,
 Saust die geschäftiger Welt,
 Schlag noch einmal die Bogen
 Um mich, du *grünes* Zelt!
 Bald werd ich dich verlassen,
 Fremd in der Fremde geh,
 Auf buntbewegten Gassen
 Des Lebens Schauspiel sehn;
 Und mitten in dem Leben
 Wird deines Ernsts Gewalt
 Mich Einsamen erheben,
 So wird mein Herz nicht alt.

В этом стихотворении зелёный цвет используется для того, чтобы успокоить читателя, показать красоту растительного мира, великолепие леса.

Всё творчество Й. фон Эйхендорфа пронизано светом, сиянием и блеском. Поэт нашёл своё призвание – он начал использовать в своих произведениях играющий свет. Свет придаёт ощущение праздника его произведениям. В стихотворении «Elfe» всё сияет и сверкает, и даже светлячки придают свет [Эйхендорф, 1969, с. 98].

Bleib bei uns! Wir haben den Tanzplan im Thal,
 Bedeckt mit *Mondenglanze*,
 Johanniswürmchen *erleuchten* den Saal,
 Die Heimchen spielen zum Tanze.
 Die Freude, das schöne leichtgläubige Kind,
 Es wiegt sich in Abendwinden:
 Wo *Silber* auf Zweigen und Buschen rinnt,
 Da wirst du die schönste finden!

Для усиления впечатления блеска поэт пользуется символикой драгоценных камней, ограничиваясь алмазом, хрусталём и жемчугом. Такой выбор объясняется тем, что алмаз является символом твёрдости, верности, бесстрашия, радости, блеска и света, хрусталь – символом верности, жемчуг – символом долговечности. Примером может служить следующий отрывок из стихотворения:

Der Winzer Yauchzen ist verklungen
 Und all der bunte Lebenslauf,
 Die Strome nur im Tahl geschlungen,
 Sie blickten manchmal *silbern* auf.

В данном случае поэт использует серебряный цвет. Он придаёт сияние и мерцание изображаемому автором.

Следует особо отметить, что излюбленный стилистический приём Й. фон Эйхендорфа – сравнивать различные предметы с драгоценностями. Хотя хрусталь внешне похож на алмаз своей прозрачностью, светлостью, в цветообозначениях автора прослеживаются различия: с хрусталём у поэта связаны земные предметы, а с алмазом – небесные («Der Musikant» (=«Музыкант»), «Die Elfen» (=«Эльфы»)) [Назарова, 1998, с. 34]. Приведём строфу из стихотворения «Wandernder Dichter» (=«Странствующий поэт»):

Das Gras ringsum, die Blumen gar
 Stehn mit *Juwel* und *Perl* im Haar...

Повсюду свет, праздничность, радость. Росинки, дрожащие поутру на лепестках цветов, Й. фон Эйхендорф сравнивает с жемчужинами. Это демонстрируют примеры из стихотворений «Sonntag» (=«Воскресенье»),

«Ich reise übers grüne Land» (=«Я путешествую по зеленой земле»),
«Mondnacht» (=«Лунная ночь»).

1 In festlichen Gewanden
Wie eine Kinderschar
Tauperlen in dem Haar
Die Blumen alle standen.
2 Mein Herz ist recht von *Diamant*,
Ein' Blum von *Edelsteinen*,
Die *funkelt* lustig übers Land
In tausend schönen Scheinen.
3 Es war, als hätt' der Himmel
Die Erde still geküsst,
Dass sie im *Blütenschimmer*
Von ihm nun träumen müsst'.
Die Luft ging durch die Felder,
Die Ähren wogten sacht,
Es rauschten leis' die Wälder,
So sternklar war die Nacht.
Und meine Seele spannte
Weit ihre Flügel aus,
Flog durch die stillen Lande,
Als flöge sie nach Haus.

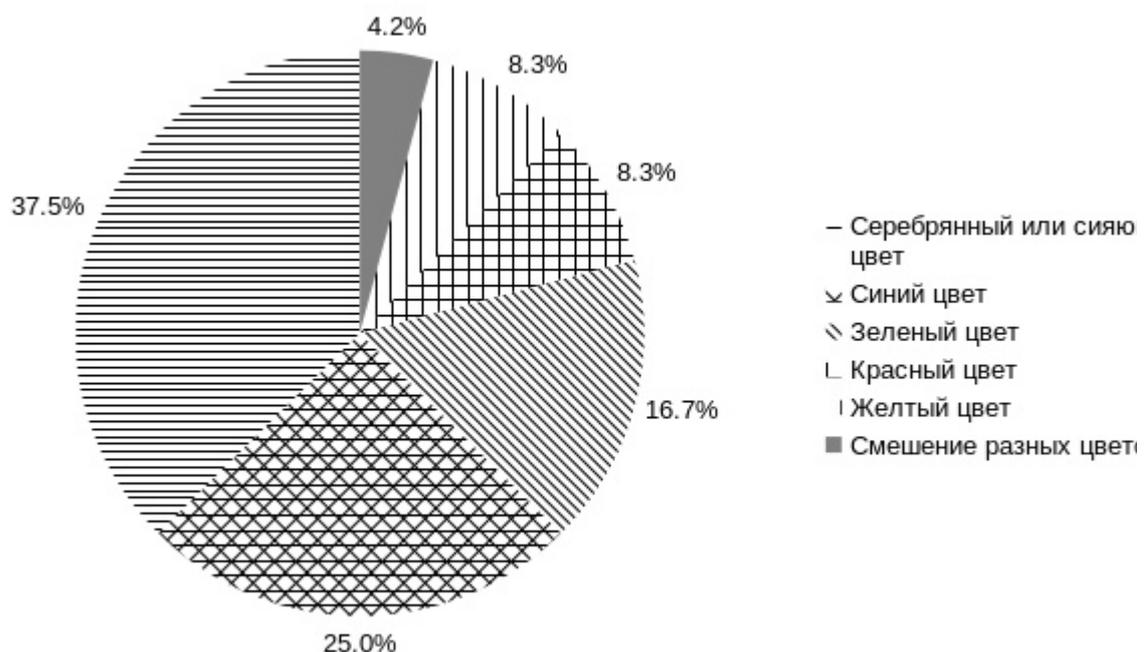
Здесь присутствует и алмаз, и драгоценные камни, и сияние, и блики, что создаёт настроение праздника и настраивает читателя на позитивный лад.

В целом, в проанализированных произведениях Й. Фон Эйхендорфа упоминание цвета встретилось 24 раза. Наибольшее количество раз (9 раз) автор прибегает к использованию серебряного или сияющего цвета, что составляет 37,5% от общего числа примеров. На втором месте по частоте употребления (6 раз) – синий цвет (25%). На третьем месте располагается зелёный цвет, который употребляется 4 раза (16,7%). Далее следуют красный и жёлтый цвета, которые употребляются по 2 раза (по 8,4%). Смешение разных цветов встретилось всего 1 раз (4,2%). Для большей наглядности представим полученные данные на круговой диаграмме (см. рис. 1).

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, теоретический анализ показал, что цветопись активно используется во всех литературных жанрах в качестве яркого изобразительного средства. Центральное место в применении цветообозначений принадлежит поэзии. Писатели и поэты виртуозно владеют цветовым разнообразием описания окружающего мира, и немецкий поэт Й. Фон Эйхендорф не является исключением.

Во вторых, анализ экспериментального материала позволил выявить, что Й. Фон Эйхендорф с помощью цвета передаёт свои чувства и эмоции, предпочитая такие цвета, как: серебрянный или сияющий, синий, зелёный, красный и жёлтый. Он пишет о бесконечном, о природе. Его творчеству свойственно использование образного сравнения с серебром, хрусталём и алмазом. Преобладание таких сравнений свидетельствует о приоритете жизнеутверждающих и радостных мотивов в творчестве поэта. Наконец, Й. Фон Эйхендорф с помощью смешения разных цветов, которые украшают произведения и раскрывают чувства поэта, стремится показать всё многообразие и великолепие жизни.

Р и с у н о к 1. Цветообозначения в стихотворениях Й. фон Эйхендорфа

Список литературы

1. Василевич, А. П. Цвет и названия цвета в русском языке [Текст] / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – М. : КомКнига, 2005. – 293 с.
2. Капнина, Г. И. Концепт «цвет» в языковой картине мира [Текст] / Г. И. Капнина, И. Б. Коротяева // Филология и лингвистика. – 2016. – № 1. – С. 20–23.
3. Назарова, И. Г. Символика цвета и света в лирике Йозефа Эйхендорфа [Текст] / И. Г. Назарова // Единство и национальное своеобразие в мировом литературном процессе. Тезисы докладов на Герценовских чтениях. – СПб., 1998. – С. 34–35.
4. Яньшин, П. В. Психосемантика цвета [Текст] / П. В. Яньшин. – СПб.: Речь, 2006. – 368 с.
5. RAL-Farben [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: <http://www.ral-farben.de>. – (дата обращения – 25.05.2017).

6. Эйхендорф, Й. фон. Йозеф Эйхендорф. Стихотворения [Текст] / Й. фон Эйхендорф. – Л. : Художественная литература. Ленингр. отделение, 1969. – 218 с.

References

1. Vasilevich, A. P., Mishchenko, S. S. (2005). *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and color names in the Russian language]. Moscow : Komkniga Press.
2. Kapnina, G. I., Korotyaeva, I. B. (2016). Kontsept «tsvet» v yazykovoy kartine mira [The Concept of "color" in the language picture of the world]. *Filologiya I lingvistika* [Philology and linguistics], 1, 20–23.
3. Nazarova, I. G. (1998). Simvolika tsveta i sveta v lirike Yozefa Eykhendorfa [The symbolism of light and color in the poetry of Joseph Eichendorff]. *Edinstvo i natsional'noe svoeobrazie v mirovom literaturnom protsesse* [Unity and national identity in the world literary process]. Abstracts at Herzen readings (pp. 34–35). St-Petersburg.
4. Yanshin, P. V. (2006). *Psikhosemantika tsveta* [Psychosemantics of color]. SPb. : Speech Press.
5. RAL-Farben. Retrieved May 25, 2017 from < <http://www.ral-farben.de> >.
6. Eichendorff, J. fon. (1969). *Poems*. Leningrad : Khudozhestvennaya Literatura Press.

УДК 811.512.212, 81'34
UDC 811.512.212, 81'34

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru

К ВОПРОСУ О РИТМЕ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹ **CONCERNING THE RHYTHM IN THE EVENKI LANGUAGE**

Аннотация

Статья посвящена проблеме речевого ритма, рассматриваемой на материале восточного наречия эвенкийского языка. В качестве одного из способов решения данной проблемы рассматривается психолингвистический перцептивный эксперимент, цель которого состояла в выявлении реакции носителей языка на лексическое наполнение ритмических групп. В ходе психолингвистического эксперимента носителям восточного наречия эвенкийского языка (7 человек старше 50 лет) было дано задание подобрать слово или фразу на эвенкийском языке на каждую из предложенных ритмических моделей и указать её перевод на русский язык. В результате проведённого эксперимента были получены данные о второстепенности параметра интенсивности как коррелята словесного ударения в эвенкийском языке. Зафиксировано отсутствие качественной и количественной редукции гласных безударных слогов, что ведёт к воспринимаемой ритмической изохронности слогов слова. Отмечен факт разной степени билингвизма в группе испытуемых эвенков по возрастному и профессиональному факторам, влияющий на особенности восприятия ритма слова.

Abstract

The present article focuses upon the problem of speech rhythm in the Eastern dialect group of the Evenki language. One of the ways to solve the problem is carrying out psycholinguistic perceptual study aimed at finding out speakers' reactions on rhythmic groups. During the psycholinguistic experiment Eastern Evenki speakers (7 subjects above 50 years old) were suggested the task to give examples (a word or a phrase) in Evenki according to the given rhythmic pattern then to translate that example. The results of the study indicate the secondary role of the intensity in perceiving word stress by the Evenki subjects. Another finding was the lack of qualitative and quantitative unstressed vowel reduction was found that may lead to perceived rhythmic isochronism of syllables in words. Different bilingualism degree of the subjects was also noted depending on age and profession; this fact seems to determine word rhythm perception to a certain extent.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

Ключевые слова: эвенкийский язык, речевой ритм, психолингвистический эксперимент, интенсивность, изохрония, билингвизм.

Keywords: the Evenki language, speech rhythm, psycholinguistic experiment, intensity, isochronism, bilingualism.

doi: 10.22250/2410_7190_2018_4_4_101_114

1. Введение

Настоящая статья посвящена проблеме речевого ритма, рассматриваемого на материале восточного наречия эвенкийского языка.

В трактовке речевого ритма мы придерживаемся точки зрения авторов исследований, в которых речевой ритм определяется как общезыковая система, организующая речь на данном языке (см. напр., [Светозарова, 1982]).

В самом общем понимании, термин И. Г. Торсуева формулирует «речевой ритм» как одно из проявлений фундаментальной закономерности природы, её ритмичности [Торсуева, 1998, с. 416]. Л. В. Величкова также отмечает, что ритмические явления прослеживаются в биологических процессах, суточных циклах природы, в биоэлектрических процессах. «во всех известных сферах, обнаруживающих ритмические признаки, эти последние относятся к системным процессам, обеспечивающим жизнедеятельность или функционирование объектов» [Величкова, 2002, с. 13]. Автор указывает на скрытость (невыраженность) функций элементов речевого ритма. По её мнению, ритмическая организация речи отражает существенные, глубинные механизмы её порождения и функционирования. При исследовании ритмической организации речи Л. В. Величкова пытается обнаружить функции речевого ритма и для этого предлагает изменить сам механизм исследования, который позволил бы описать функции ритма с получением данных лингвистического характера, то есть параметров ритмических групп и их взаимоотношений с единицами других уровней языка [Величкова, 2002, с. 13–14].

2. Ритм: различные ракурсы рассмотрения

2.1. Музыкальный характер ритма

Многие учёные признают, что в представлении человека ритм, прежде всего, связан с музыкой, ритм обладает музыкальным характером [Бойчук, 2010, с. 232 ; Величкова, 2002, с. 13]. В работах отмечается, что ритм как форма композиции в музыке древнее, чем в поэзии. По этому поводу Е. И. Бойчук делает следующее замечание: «Через освобождение поэзии от музыки постепенно происходил процесс образования особого ритма, сначала стихотворного, а затем прозаического, отличного от музыкального» [Бойчук, 2010, с. 232].

Имеются примеры использования музыкального ритма в культуре коренных народов Севера России. При описании камланий шаманов и шаманствующих исследователи, как правило, говорят о важной роли

ритмичного боя бубна, необходимого для введения шамана в состояние возбуждения. «Шаман брал в левую руку бубен, а в правую колотушку и тихо и мерно ударял в бубен, сопровождая эти удары протяжным монотонным зовом: «Гой! Гой! Гой!». Звуки бубна усиливались и учащались. Так продолжалось, пока шаман не приходил в состояние возбуждения. Постепенно звуки бубна затихали, и шаман начинал говорить речитативом, иногда переходя на пение» [Хомич, 1981, с. 23].

Как полагают Е. Т. Пушкарева и А. А. Бурыкин, передаваться по наследству или по желанию самого практикующего шамана могут не только какие-то части костюма, но и сценический рисунок шаманских действий, а также музыкальное сопровождение [Пушкарева, Бурыкин, 2011, с. 308–309]. Очевидно, под музыкальным сопровождением имеется в виду, как речитатив и пение шамана, так и ритм, темп и сила ударов шамана в бубен.

2.2. Ритм в языке и речи

В устной речи (особенно диалогической) ритм обязателен, хотя признаки его проявления менее отчетливы по сравнению с художественным текстом [Торсуева, 1998, с. 416]. При построении устного высказывания обычно выделяются несколько фонетических составляющих. Звуковые сегменты объединяются в слоги, слоги в ритмические группы (или фонетические слова), фонетические слова в свою очередь группируются ритмически в более крупные отрезки – синтагмы. В высказывании может быть несколько синтагм, и в этом случае вся последовательность также будет иметь фонетические показатели объединения. В итоге можно говорить о существовании нескольких ритмических схем, на основе которых в речи образуются фонетические составляющие разной соразмерности [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 27].

При фонетическом описании языков говорится об особом колорите ритма того или иного языка. Логично предположить, что различные языки или группы языков по-разному используют возможность временного структурирования речи в физиологически определённых границах. По мнению И. В. Панковой: «законы ритма, просодического оформления речи, интонации – глубинны и относятся к наиболее стойко диктуемым родным языком законам [Панкова, 1987].

Ритм как периодичность в речи создаётся разными факторами: звуковыми (сегментными) и просодическими (супraseгментными). Под ритмом понимается «не жёсткая упорядоченность каких-либо определённых речевых сегментов и слуховое восприятие этой упорядоченности, а рассмотрение самой специфики распределения во времени этих сегментов (например, звуков, слогов, ритмических структур и т.д.) их фонетическое выражение» [Потапов, 2001, с. 9].

Функции ритмических единиц могут выполнять практически все речевые сегменты: звук, слог, ритмическая структура, синтагма, фраза, сверхфразовое единство. Выбор конкретных средств создания ритма может определенным образом зависеть от коммуникативной установки.

2.3. Слог как основа речевого ритма

Слог, бесспорно, является естественной артикуляторной единицей сегментации речевого потока, поэтому он выступает в качестве базы любого ритмического построения [Уютова, 2005, с. 100].

Дж. Лавер отмечает, что воспринимаемый ритм – это свойство речи, возникающее из взаимодействия сонорности сегментов, структуры слога, слогового веса и лексического ударения. При взаимодействии этих компонентов возникает ощущение чередования слогов разной степени выделенности [Laver, 1994]. Таким образом, ритм неотделим от слоговой структуры языка.

Разработав типологизацию языков по характеру слогоносителя в составе слова, Н. С. Трубецкой в случае совпадения просодических единиц со слогами относил их к группе слогосчитающих, при несовпадении – к группе моросчитающих. К первой группе были отнесены русский, английский, немецкий, голландский и другие языки, вторую представляют классическая латынь, словацкий, литовский и другие языки [Трубецкой, 2000, с. 200–211].

В лингвистике под морой принято понимать ритмическую единицу, которая равна открытому слогу с краткой гласной. Мора может быть равна компонентам слогов более сложного состава, если эти компоненты проявляют функциональное сходство с кратким слогом: могут нести собственное ударение, учитываются при определении места ударения, закономерностей «фонологической длины» морфем и слов и тому подобное [Касевич 1998, с. 310].

По своему типу моры могут быть слоговыми, гласными, согласными:

- 1) слог СГ (согласный + гласный) равен одной слоговой море;
- 2) слог СГ: (при Г: – долгий гласный) разлагается на слоговую мору – СГ (согласный + гласный) и гласную мору Г (гласный);
- 3) слог СГС (согласный + гласный + согласный) разлагается на слоговую мору – СГ (согласный + гласный) и согласную мору С (согласный);
- 4) слог ССГ (согласный + согласный + гласный – в японском языке) разлагается на согласную мору С (согласный) и слоговую мору – СГ (согласный + гласный) [Касевич, 2000, с. 310].

Позже идею Н. С. Трубецкого о слогосчитающих и моросчитающих языках дополнила гипотеза, согласно которой все языки обладают изохронным ритмом, при этом существует изохрония тактов и изохрония слогов [Pike, 1945, p. 35; Abercrombie, 1967, p. 96]. Данная гипотеза породила дискуссию о специфике ритма отдельных языков. В акцентосчитающих (stress-timed) языках изохрония объясняет компрессию безударных слогов, в слогосчитающих (syllable-timed) языках – увеличение долготы в тактах с растущим числом слогов.

По мнению П. Роуча, ударные слоги определяют специфику ритма языка. Так, особенность английского языка заключается в произнесении ударных слогов через равные промежутки времени. По этой причине английский язык относят к акцентосчитающим. Считается, чтобы сохранить изохронность ритма в своей речи, англичане стремятся сократить время

звучания безударных слогов между ударными. Автор ставит под сомнение действие принципа изохронности во всех стилях английской речи и склонен признать его характерным только для медленной эмфатической речи [Roach, 2001, p. 36–37]. Автору не кажется убедительной точка зрения, что слогосчитающие языки, такие как испанский, французский и китайский обладают ритмом, при котором все слоги имеют одинаковую долготу; основная роль ударных слогов – сделать ритм малозаметным. Такие суждения, по мнению исследователя, являются довольно субъективными. Найти доказательства, почему мы слышим разный ритм в разных языках, довольно сложно. Ясно одно, что ритм речи полезен при коммуникации: он помогает находить смысл сообщения, разделяя речь на слова, сигнализируя об изменении темы разговора и отмечая, что в сообщении является самым существенным [Roach, 2001, p. 37].

Если сопоставить особенности просодических систем эвенкийского (далее – ЭЯ) и русского (далее – РЯ) языков в плане специфики структурирования слога и типов слогов, то можно прийти к следующим выводам.

По степени консонантной насыщенности слог в ЭЯ значительно уступает слогу в РЯ. Важной фонотактической особенностью ЭЯ является отсутствие в нём начальнo- и конечнослоговых консонантных кластеров. Необходимо отметить, что в РЯ в препозиции и к слоговой вершине допускаются четырёхэлементные консонантные сочетания (в словах типа всплеск, вскрыть), в постпозиции также могут встречаться четырёхэлементные консонансы (обстоятельств, государств) [Бондарко, 1998, с. 167]. В отличие от РЯ, в эвенкийском слоге стечения консонансов не встречается. По своей структуре эвенкийские слоги могут состоять из одного гласного (ӯ - скребок), из согласного и гласного (дӱ - дом), из гласного и согласного (ур - живот), из согласного, гласного и согласного (дӱн - десять) [Константинова, 1964, с. 27–28].

2.4. Ритм с психолингвистической точки зрения

Л. В. Величкова считает, что ритмическое своеобразие языков не определяется лишь длительностью звуков и слогов и изменениями интенсивности. По её мнению, инструментальные данные об изменениях отдельных признаков сигналов не могут отразить процесс восприятия высказывания с ритмической точки зрения. Этот процесс определяется наличием ритмических образцов, их матрицами в памяти [Величкова 2002, с. 4]. Автор исходит из межуровневого характера ритма и его роли в порождении и восприятии речевого высказывания. Объединение сильного элемента (ударного слога) с предшествующими и последующими слабыми элементами (неударными слогами) образует ритмическую группу, соотносимую с синтаксическими и семантическими признаками речи.

Ритмические группы могут подвергаться анализу с физиологической, лингвистической и психолингвистической точек зрения. «Универсальными признаками являются признаки физиологического характера, связанные с закономерностями речевого дыхания и артикуляционных возможностей че-

ловека и обеспечивающие распределение энергии речевого процесса. Универсальными следует признать также психолингвистическую функцию ритмических элементов в процессе порождения речевого высказывания и их ведущую роль при восприятии речи» [Величкова, 2002, с. 14].

«Лингвистические описания нацелены на выяснение зависимости ритмических параметров от структуры слога, фонологических структур слов и типов синтагм, а также ритма текста в зависимости от его построения». Данные таких исследований, по мнению Л. В. Величковой не проясняют сущность ритма, так как они не затрагивают его психолингвистической сущности. Экспериментальные исследования должны быть направлены на ударение в слове и группе слов, соотношения ударностей и выявление признаков слогов в оппозиции ударный-безударный. При этом исходной точкой и методикой должно служить, по Л. В. Величковой, перцептивное восприятие ритмических признаков [Величкова 2002, с. 14].

3. Эксперимент

3.1. Методика проведения эксперимента

Целью перцептивного эксперимента было получение реакций носителей языка на лексическое наполнение ритмических групп. Были задействованы ритмические модели для 2–8-сложных слов с разновидностями ритмических рисунков по каждой модели от 2 до 8 соответственно (напр., 2 рисунка для двусложных слов: с первым ударным слогом и со вторым и т. д.). В ходе психолингвистического эксперимента носителям восточного наречия эвенкийского языка (7 человек старше 50 лет) были предложены ритмические группы. Ритмическая модель была представлена не только в письменном виде, но и в устной форме. Процедура эксперимента предложена в [Величкова, 2002, с. 14–15].

Задачи эксперимента заключались в том, чтобы, во-первых, подобрать слова или группы слов на каждую ритмическую модель, во-вторых, отметить степень сложности поиска слова / группы слов на заданную ритмическую модель.

При подборе слов и групп слов время для принятия решений ограничивалось. Задание респондентам было предъявлено в письменной форме в виде анкеты (см. пример заполненной анкеты в Приложении А) и в устной форме, поскольку некоторые из участвующих в эксперименте не получили школьного образования вообще. Кроме того, только единицы из эвенков в настоящее время пользуются письменной речью на родном языке, который находится под угрозой исчезновения. Чаще всего, это люди, преподающие родной эвенкийский язык в школе. Подавляющее большинство эвенков, говорящих на родном языке, вообще не пользуются письмом. Это касается и части наших испытуемых. Возраст эвенков, участвующих в эксперименте, был ограничен, поскольку известно, что говорят на исчезающем эвенкийском языке только представители среднего (ограниченное число эвенков) и, главным образом, старшего поколений.

3.2. Результаты эксперимента

В ходе эксперимента по выявлению ритмических структур слова оказалось, что он обречён на неудачу с группой наивных носителей языка без специального филологического образования возрастной группы от 70 лет и старше. Поэтому при обработке результатов возникла необходимость деления на группы: 1) 70 лет и старше (5 испытуемых): подгруппа 1 (3 человека без какого-либо образования), подгруппа 2 (2 человека с высшим филологическим образованием); 2) 50–60 лет (2 испытуемых). Неудача в первой подгруппе первой группы, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами.

Во-первых, задание по эксперименту (формулировку см. в Приложении А), которое было понятно для носителей русского языка (задания для русских auditors в своё время сформулировала Л. В. Величкова [Величкова, 2002, с. 14–15]), никоим образом не было понятно для необразованных носителей эвенкийского языка более старшего поколения. Поэтому для них нами было предложено другое задание – «прохлопывание и простукивание» ритмических структур с манипулированием громкостью хлопков и подбор возможных вариантов эвенкийского слова. Прохлопывание/простукивание искомой ритмической структуры слова привело участвующих в эксперименте респондентов к пониманию, что слово должно состоять из нескольких слогов. Участники эксперимента начинали подбирать слова, чаще всего состоящие из задаваемого экспериментатором «вживую» (при непосредственном участии экспериментатора в эксперименте) ритмического каркаса слова. По сравнению с предыдущим заданием, новое задание оказалось выполнимым, но сложным – имели место многочисленные неудачи, и прохлопывать/простукивать воображаемое слово приходилось снова и снова, чтобы респонденты смогли подобрать подобный пример из родного языка.

Во-вторых, в ходе выполнения нового задания было отмечена неожиданная особенность: одни и те же многосложные слова респонденты произносили с разной расстановкой ударения. При этом они не скандировали слова и не произносили их по слогам. Слово во всех его повторениях произносилось как цельная структура, естественно, в обычном темпе, однако в разных повторениях одного и того же слова выделяемые испытуемыми слоги на слух русскоязычного экспериментатора были разными. Например, слово «ранняя весна» по мнению респондентов можно было сказать и с выделенным первым слогом, и со вторым ([¹'nzl'kɨ] и [nzl'¹kɨ] соответственно), или слово «муха, садящаяся на мизинец»² можно произ-

² Объяснение эвенкийского слова [tɨmɨ'do] «муха, садящаяся на мизинец» дано С. С. Яковлевой (1945 г.рожд., исчезающая норская группа эвенков) со ссылкой на детскую эвенкийскую игру, распространенную, как выяснилось позже, повсеместно у эвенков в Амурской области и в настоящее время. Выяснилось, что в данную игру дети играют только в тайге. Смысл игры заключается в том, чтобы, увидев насекомое с желто-черным полосатым брюшком, похожее на маленькую муху, приманивать это насекомое к себе на вытянутый мизинчик, приговаривая «tɨmɨ'do, tɨmɨ'do» до тех пор, пока насекомое не сядет. По словам С. С. Яковлевой мушка обязательно сядет, и если быть осторожным, её можно даже погладить, при этом мушка не улетит (записано от респондента 12.03.2016). Интересен факт, что образованные эвенки среднего возраста осознают фонетический кластер [tɨmɨ'do], разделяя его на [tɨmɨ] «мушка» и [dɔkal] «сядь».

3.2. Результаты эксперимента

В ходе эксперимента по выявлению ритмических структур слова оказалось, что он обречён на неудачу с группой наивных носителей языка без специального филологического образования возрастной группы от 70 лет и старше. Поэтому при обработке результатов возникла необходимость деления на группы: 1) 70 лет и старше (5 испытуемых): подгруппа 1 (3 человека без какого-либо образования), подгруппа 2 (2 человека с высшим филологическим образованием); 2) 50–60 лет (2 испытуемых). Неудача в первой подгруппе первой группы, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами.

Во-первых, задание по эксперименту (формулировку см. в Приложении А), которое было понятно для носителей русского языка (задания для русских auditors в своё время сформулировала Л. В. Величкова [Величкова, 2002, с. 14–15]), никоим образом не было понятно для необразованных носителей эвенкийского языка более старшего поколения. Поэтому для них нами было предложено другое задание – «прохлопывание и простукивание» ритмических структур с манипулированием громкостью хлопков и подбор возможных вариантов эвенкийского слова. Прохлопывание/простукивание искомой ритмической структуры слова привело участвующих в эксперименте респондентов к пониманию, что слово должно состоять из нескольких слогов. Участники эксперимента начинали подбирать слова, чаще всего состоящие из задаваемого экспериментатором «вживую» (при непосредственном участии экспериментатора в эксперименте) ритмического каркаса слова. По сравнению с предыдущим заданием, новое задание оказалось выполнимым, но сложным – имели место многочисленные неудачи, и прохлопывать/простукивать воображаемое слово приходилось снова и снова, чтобы респонденты смогли подобрать подобный пример из родного языка.

Во-вторых, в ходе выполнения нового задания было отмечена неожиданная особенность: одни и те же многосложные слова респонденты произносили с разной расстановкой ударения. При этом они не скандировали слова и не произносили их по слогам. Слово во всех его повторениях произносилось как цельная структура, естественно, в обычном темпе, однако в разных повторениях одного и того же слова выделяемые испытуемыми слоги на слух русскоязычного экспериментатора были разными. Например, слово «ранняя весна» по мнению респондентов можно было сказать и с выделенным первым слогом, и со вторым ([ˈnɜlˈkʲi] и [nɜlˈkʲi] соответственно), или слово «муха, садящаяся на мизинец»² можно произнести, выделив только второй слог или только третий слог ([tʲiˈmʲido] и [tʲimʲiˈdo] соответственно). При этом при прямом вопросе экспериментатора «как лучше сказать «весна» по-эвенкийски: [ˈnɜlˈkʲi] и [nɜlˈkʲi]?», носители эвенкийского языка единодушно и не сомневаясь отвечали, что оба варианта будут правильными. С подобными объяснениями экспериментатор сталкивался всякий раз, когда требовалось уточнение по расстановке ударения в односложном слове.

Таким образом, манипуляция с прохлопыванием/простукиванием

(чередованием сильных и слабых хлопков / ударов) не стала панацеей для чёткого определения ритмического рисунка эвенкийского слова для данной подгруппы испытуемых, что говорит о второстепенности параметра интенсивности как коррелята словесного ударения в эвенкийском языке.

Результаты, полученные от двух участников второй подгруппы первой группы оказались другими. Необходимо отметить, что оба участника по профессии были преподавателями родного эвенкийского языка с высшим филологическим образованием. Именно наличие этого образования позволило им правильно понять задание без дополнительных разъяснений экспериментатора, поэтому эксперимент на подбор нужной ритмической структуры с этими носителями языка был проведён успешно (см. заполненную анкету от такого информанта в Приложении А). К сожалению, таких испытуемых нашлось только двое: носители с высшим филологическим образованием среди эвенков в местах их компактного проживания – большая редкость.

Испытуемые второй группы (50–60 лет) с раннего детства освоили оба языка и в настоящее время являются билингвами, бегло говорят на родном языке, но в обычной жизни пользуются преимущественно русским языком. С ними эксперимент на подбор нужной ритмической структуры прошёл не менее успешно, чем с эвенками-филологами. В их устных ответах на вопросы экспериментатора были даны однозначные ответы о том, какой слог был ударным в том или ином многосложном слове: ударение во всех без исключения случаях совпадало с долготой гласных. Таким образом, наблюдалась прямая зависимость: ударный гласный – долгий гласный.

В обеих группах зафиксирована следующая общая особенность. При изолированном произнесении слова без его скандирования выраженной качественной редукции гласных в неударенных слогах не фиксировалось. Данное обстоятельство коренным образом отличает редукцию гласных русского языка от редукции гласных в эвенкийском языке. Эвенкийское «нередуцирование» гласных, сохранение их качества, сокращение длительности гласных без заметного на слух их качественного изменения, а также чёткость произнесения неударенного слога являются характерной чертой речи всех задействованных испытуемых.

Разные результаты эксперимента, полученные от разных возрастных подгрупп испытуемых эвенков со специальным филологическим образованием и без такового, можно объяснить разной степенью влияния доминирующего русского языка на родной эвенкийский язык. У эвенков старшего поколения (от 70 лет и старше) сохраняется в многосложных словах слабоцентрализуемый характер ударения, свойственный агглютинативным языкам [Морозова, Лаврилье, 2015, с. 95], на нашем материале выраженный, в частности, в том, что в одном и том же многосложном слове как ударный воспринимается то один, то другой слог. Все суффиксы (форманты) в таких языках обладают большей самостоятельностью, по сравнению с суффиксами в других языках. Проведённый эксперимент подтвердил, что тезис Бодуэна де Куртенэ об особенностях агглютинативного слова, где суффиксы

только временно сочетаются с главным корнем слова, таким образом, сохраняя свою отчётливость и обособленность [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 115], всё ещё соответствует действительности для эвенкийского языка на фонологическом уровне. Однако у эвенков более младшего возраста указанный характер ударения, по-видимому, меняется под интерферирующим влиянием русского языка – языка с классическим словесным ударением.

3. Выводы

Проведённое исследование позволило сделать несколько предварительных выводов.

1. Для носителей эвенкийского языка, вообще не получивших образования, при исследовании ритмической структуры слова метод «прохлопывания / простукивания» ритма слова не дал надёжных результатов. Это приводит к выводу о том, что интенсивность не является ведущим коррелятом словесного эвенкийского ударения и играет второстепенную роль в оформлении ритмического рисунка эвенкийского слова. Полученный вывод совпадает с результатами экспериментально-фонетических исследований Т. Е. Андреевой [Андреева, 2001].

2. При исследовании эвенкийской речи обращается на себя внимание отсутствие качественной и количественной редукции гласных безударных слогов, что ведёт к воспринимаемой ритмической изохронности слогов слова. Одной из причин отсутствия качественной и количественной редукции безударных гласных служит принадлежность эвенкийского языка к языкам агглютинативного типа.

3. Требуется дополнительные исследования параметра интенсивности гласных эвенкийского слова в речи эвенков разновозрастных групп, а также эвенков без специального филологического образования и учителей эвенкийского языка, у которых второй специализацией является русский язык. Это поможет получить более полную картину современного состояния ритмических моделей и моделей акцентуации в изучаемом исчезающем эвенкийском языке и, возможно, предложить способы консервации исконных ритмических моделей с целью их дальнейшей ревитализации.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Словесное ударение в эвенкийском языке: Экспериментально-фонетическое исследование на материалах говоров эвенков Якутии [Текст] / Т. Е. Андреева – Новосибирск : Наука, 2001. – 151 с.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию Т. 1–2. [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 391 с.
3. Бойчук, Е. И. Исследование ритма прозы в работах французских лингвистов [Текст] / Е. И. Бойчук // Ярославский педагогический вестник, 2010. № 4. Том I: Гуманитарные науки. – С. 232–234.
4. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка : учеб. пособие [Текст] / Л. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петербурга. Ун-та, 1998. – 276 с.

5. Величкова, Л. В. Речевой ритм: механизм психолингвистического исследования [Текст] / Л. В. Величкова // Вестник Воронежского гос.ун-та, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 3. – С. 13–23.
6. Касевич, В. Б. Мора [Текст] / В. Б. Касевич // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 310–310.
7. Кодзасов, С. В. Общая фонетика : учебник [Текст] / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
8. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л. : Изд-во Наука, 1964. – 272 с.
9. Морозова, О. Н. Некоторые особенности реализации гласных и согласных эвенкийского языка и обозначение на письме [Текст] / О. Н. Морозова, А. Лаврилье, А. Н. Болелая // Актуальные проблемы фонетики и методики преподавания иностранных языков : материалы XI регионального научно-исследовательского семинара, посвящённого памяти профессора Л. В. Бондарко / отв. ред. С. И. Гусева. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2014. – С. 84–97.
10. Панкова, И. В. О некоторых явлениях интерференции в словесной просодии [Текст] / И. В. Панкова. – Л. : ЛГУ, 1987. – 14 с.
12. Пушкарева, Е. Т., Бурыкин, А. А. Фольклор народов Севера (культурно-антропологические аспекты) [Текст] / Е. Т. Пушкарева, А. А. Бурыкин. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2011. – 390 с.
13. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 176 с.
14. Торсуева, И. Г. Ритм [Текст] / И. Г. Торсуева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 416–416.
15. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии [Текст] / Н. С. Трубецкой. – М. : Аспект Пресс, 2000 – 352 с.
16. Уютова, Е. В. Вариативность слоگو-ритмического речевого компонента в условиях взаимодействия просодических систем английского и корейского языков [Текст] / Е. В. Уютова // Вариативность сегментных и супraseгментных единиц в речи / отв. ред. С. И. Гусева. – Благовещенск, 2005. – С. 99–106.
17. Хомич, Л. В. Шаманы у ненцев [Текст] / Л. В. Хомич // Проблемы общественного сознания аборигенов Сибири. – Л., 1981. – С. 5–41.
18. Abercrombie, D. Elements of General Phonetics [Текст] / D. Abercrombie. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1967. – 203 p.
19. Laver, J. Principles of Phonetics [Текст] / J. Laver. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 736 p.
20. Pike, K. The intonation of American English [Text] / K. Pike. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1945. – 203 p.
11. Potapov V. V. Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus: Eine vergleichende Studie zum slavischen und germanischen Sprachraum [Text] / V. V. Potapov. – Böhlau Verlag Köln; Weimar; Wien, 2001. – 309 p.
21. Roach, P. Phonetics [Text] / P. Roach. – Hong Kong : Oxford Univ. Press, 2001. – 117 p.

References

1. Andreeva, T. E. (2001). *Slovesnoe udarenie v evenkiyskom yazyke: eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materialah govorov evenkov Yakutii* [Word stress in the Evenki language: Experimental phonetic research based on the Evenki accents of Yakutia]. Novosibirsk : Nauka Press.
2. Baudouin de Courtenay I. A. (1963). *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. Vol. 1–2. Moscow.
3. Boychuk, E. I. (2010). Issledovanie ritma prozy v rabotah frantsuzskih lingvistov [About Rhythm in Prose in French Linguists' Research Works]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. Gumanitarnye nauki* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin. The Humanities], 4, 232–234.
4. Bondarko, L. V. (1998). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of modern Russian]. St-Petersburg : St-Petersburg University Press.
5. Velichkova, L. V. (2002). Rechevoy rhythm: mekhanizm psiholingvisticheskogo issledovaniya [Speech rhythm: Mechanism of psycholinguistic research]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser. lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series : Linguistics and intercultural communication], 3, 13–23.
6. Kasevich, V. B. (1998). Mora. In V. N. Yartseva (ed.), *Yazykoznanie. Bolshoi Entsiklopedicheskiy slovar'* [Language studies. Big Encyclopedia] (pp. 310–310). Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya ehntsiklopediya Press.
7. Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press.
8. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka Press.
9. Morozova, O. N. Lavrillier, A., Bolelaya, A. N. (2014). Nekotorye osobennosti realizatsii glasnyh i soglasnyh ehvenkiyskogo yazyka i oboznachenie na pis'me [Some peculiarities of the Evenki vowels and consonants realization patterns and their spelling]. In S. I. Guseva, *Aktual'nye problemy fonetiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Current issues of phonetics and Foreign languages teaching methods]. Proc. of the XI Scientific-Research Seminar dedicated to the memory of Professor L. V. Bondarko (pp. 84–97). Blagoveshchensk : Amur State University Press.
10. Pankova, I. V. (1987). *O nekotoryh yavleniyah interferentsii v slovesnoy prosodii* [Some language interference phenomena in the word prosody]. Leningrad : Leningrad State University.
11. Potapov, V. V. (2001). *Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus*. Bohlau Verlag Köln Weimar Wien.
12. Pushkareva, E. T., Burykin, A. A. (2011). *Fol'klor narodov Severa (kul'turno-antropologicheskie aspekty)* [Folklore of the peoples of the North (cultural and anthropological aspects)]. St-Petersburg : Asian Studies in Petersburg Press.
13. Svetzarova, N. D. (1982). *Intonacionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonation system of the Russian language]. Leningrad : Leningrad State University.
14. Torsueva, I. G. Rhythm. In V. N. Yartseva (ed.), *Yazykoznanie. Bolshoi*

Т а б л и ц а 1. Анкета

№ п/п	Ритмический рисунок	Подходящее слово и / или фраза	Лёгкость / трудность подбора примера
1	X	Му – вода	лёгк сред труд
2.1	Xx	Маут – аркан	лёгк сред труд
2.2	xX	Таткит – школа	лёгк сред труд
3.1	Xxx	Адяран – спит, адыми – спать Үэлэжэс – трусливый	лёгк сред труд
3.2	xXx	Давларан – спел, давлaми – спеть	лёгк сред труд
3.3	xxX	Бакалдын – встреча Үэнэми – идти, эмэми – прийти	лёгк сред труд
4.1	Xxxx	Амадяран – хочет спать Омактава – новую (В-о. падеж от слова <i>омакта</i>)	лёгк сред труд
4.2	xXxx	Алатчаран – ждёт	лёгк сред труд
4.3	xxXx	Дэгиктэмни – лёгчик Бакакаллу – найдите	лёгк сред труд
4.4	xxxX	Тыгдээрэн – идёт дождь Утумуктэ – жимолость	лёгк сред труд
5.1	Xxxxx	Огладярилва – желающих сделать что-либо (В-о. падеж) Мелидьянатын – начнут просыпаться	лёгк сред труд
5.2	xXxxx	Гэлэктэдеми – искать	лёгк сред труд
5.3	xxXxx	Аламадяран – повторяет Моланадяран – идёт за дровами	лёгк сред труд
5.4	xxxXx	Эмэктэдэвэр – приходите Таткиттулавaр – в свою школу	лёгк сред труд
5.5	xxxxX	Хуларгадяран – краснеет	лёгк сред труд
6.1	Xxxxxx	Химиктэгэчинди – наподобие брусники (творит. падеж)	лёгк сред труд
6.2	xXxxxx	Гэлэктэденэрэн – пошёл искать	лёгк сред труд
6.3	xxXxxx	Дэрумкитчэрэкин – когда он отдыхал	лёгк сред труд
6.4	xxxXxx	Чипичаткаидула – к маленькой птичке (-дула местный падеж)	лёгк сред труд
6.5	xxxxXx	Эвикэндуливи – о своей игрушке Итыгалдянатын – начнут готовиться	лёгк сред труд
6.6	xxxxxX	Дэгиктэдерижэн чипкачан – летающая маленькая птичка Олонмукандеми – пугать	лёгк сред труд

Окончание Таблицы 1

7.1	Xxxxxxx	Салдыматчарилдула – к знакомящимся	лёгк	сред	труд
7.2	xXxxxxx	Гэлэгтэнэсиндерэ – идут на поиски	лёгк	сред	труд
7.3	xxXxxxx	Инемуһинчэдэнэ – улыбаясь Ѓорчаматчадырилва – борющихся	лёгк	сред	труд
7.4	xxxXxxx	Унякачантыкиви – к своему мизинцу (унякачан – мизинец, -тыки – напр. падеж, ви – притяжат. суффикс ед. ч.)	лёгк	сред	труд
7.5	xxxxXxx	Бакалдыдьяриватын ичэм – увидел, как они встречаются	лёгк	сред	труд
7.6	xxxxXx	Дамгатыктадырилду – беспрестанно, неоднократно курящим	лёгк	сред	труд
7.7	xxxxxxX	Гиркуктадыһинчамнин – на ходу	лёгк	сред	труд
8.1	Xxxxxxxxx	Долдымуксадырилтыки – к желающим услышать (долды-му-кса-дя-ри-л-тыки)	лёгк	сред	труд
8.2	xXxxxxxx	Сирунчэмэтчэрилдулэ – к катающимся	лёгк	сред	труд
8.3	xxXxxxxx	Сулакигачиндулави – к своей, похожей на лисицу	лёгк	сред	труд
8.4	xxxXxxxx	Улгучэмэтчэрилтыки дагамаран – подошёл к разговаривающим	лёгк	сред	труд
8.5	xxxxXxxx	Качунадырилгачинди – похожим на шуршание (сравнение)	лёгк	сред	труд
8.6	xxxxxXxx	Ѓэнэктэктэдэрилтыки – к тем, кто не раз приезжает куда-либо	лёгк	сред	труд
8.7	xxxxxxXx	Инемуһинчэдэриwэ – улыбающегося	лёгк	сред	труд
8.8	xxxxxxX	Дэрумкиксэдерилтыки – к приготовившимся отдыхать	лёгк	сред	труд

УДК 811.51, 81'342.4
UDC 811.51, 81'342.4

Процукович Елена Александровна, Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Elena A. Protsukovich, Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
amursea@mail.ru, morozova_olga06@mail.ru

**МЕЛОДИЧЕСКИЙ КОНТУР РАМОЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
ПОБУДИТЕЛЬНОГО ТИПА В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ***
**PITCH CONTOUR IN FRAME STRUCTURES WITH IMPERATIVE
MEANING IN THE EVENKI LANGUAGE**

Аннотация

Настоящее исследование посвящено особенностям мелодического контура рамочных конструкций побудительного типа на материале селемджинского говора эвенкийского языка. Результаты акустического анализа показали, что побудительные предложения в эвенкийском языке характеризуются общим нисходящим направлением мелодики. Постоянным признаком интонации побуждения является высокое начало с последующим понижением тона до минимального уровня в конце синтагмы. Акустический анализ продемонстрировал отсутствие в эвенкийском языке музыкального ударения. Анализ мелодических характеристик рамочных конструкций выявил наличие разных типов движения основного тона на одном и том же слове, реализованном на различных участках синтагмы – начальном, серединном, конечном. Это свидетельствует о том, что в эвенкийском языке изменение направления движения основного тона не приводит к изменению значения слов, как это происходит в слогоморфемных языках Юго-Восточной Азии, Африки и Америки, а является коррелятом словесного ударения.

Abstract

The present study aims at studying the peculiarities of pitch contour in frame structures with the imperative meaning in the Selemdzha local accent of the Evenki language. The results of the acoustic study showed that these structures are characterized by the general pitch declination. A consistent feature of imperative intonation is a high onset, followed by tone lowering to a minimum level at the end of the structure. The acoustic study did not find any proof for pitch accent in the Evenki language. One and the same word could be pronounced with different pitch directions depending on a particular location in the syntagma – structure-initial, structure-internal and structure-final. This finding indicates that changing the pitch contour in the Evenki language does not change the meaning of words, as it happens in tonal languages of Southeast Asia, Africa and America. Therefore, any pitch direction change (no matter declination or inclination type) can be considered as a probable correlate of word stress.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

Ключевые слова: мелодический контур, побудительное предложение, акустические характеристики, инклинация, деклинация, эвенкийский язык.

Keywords: pitch contour, imperative sentence, acoustic features, inclination, declination, the Evenki language.

doi: 10.22250/2410_7190_2018_4_4_115_126

1. Введение

Ударение – это выделение в устной речи какой-либо фонетической единицы с помощью свойственных языку фонетических средств [Бабушкина, 1999, с. 16]. В соответствии с акустическими коррелятами ударения (интенсивность, изменение частоты основного тона, длительность, тембр (качество гласного) О. И. Дикушина выделяет четыре основных фонетических типа ударения: 1) динамическое (силовое); 2) музыкальное (мелодическое или тоническое); 3) количественное (квантитативное); 4) качественное (квалитативное) [Дикушина, 1952, с. 88]. В конкретном языке эти признаки могут сочетаться, но доминирующим, как правило, является один из видов ударения.

В существующих работах по фонетике эвенкийского языка вопрос о фонетической природе словесного ударения является сложным и малоизученным. Л. Р. Зиндер считает, что некоторые тунгусо-маньчжурские языки, в частности, эвенкийский язык, не имеют словесного ударения [Зиндер, 1979, с. 262]. О предрасположенности к анакцентности языков с развитым сингармонизмом пишет Б. В. Касевич, отмечая, что соблюдение закона гармонии гласных является показателем избыточности словесного ударения как особой фонологической категории [Касевич, 1986, с. 17]. Тем не менее, большинство ученых-тунгусоведов признают наличие словесного ударения в эвенкийском языке. Однако, даже у исследователей эвенкийского языка, признающих существование словесного ударения, нет единой точки зрения на локализацию, количество и характер ударения в эвенкийском слове.

Одно из первых упоминаний эвенкийского ударения представлено в работе М. А. Кастрена «Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre», опубликованной в 1926 г. Автор отмечает, что ударение в эвенкийском слове падает на последний слог. Однако, если в предпоследнем или одном из предыдущих слогов есть долгий гласный, «ударение на последнем слоге не особенно слышно, хотя при выразительном произношении оно чувствуется» [Castren, 1926, s. 7].

В. И. Цинциус, ссылаясь на работу Г. М. Василевич [Василевич, 1940, с. 27] пишет, что ударение в эвенкийском языке экспираторное, падающее преимущественно на первый и второй корневые слоги [Цинциус, 1949, с. 125]. В более поздней работе Г. М. Василевич уточняет, что в многосложных словах ударение заменяет долгота гласного, при этом «долгие гласные последних слогов произносятся несколько иным тоном, что производит впечатление музыкального ударения» [Василевич, 1958, с. 663–664].

Интенсивность и длительность произношения в качестве основных параметров эвенкийского ударения отмечают О. А. Константинова, Е. П. Лебедева, И. В. Монахова [Константинова, 1964, с. 28 ; Лебедева и др., 1979, с. 26]. Выделяя в эвенкийском слове основное и дополнительное (более слабое) ударение, тунгусоведы отмечают зависимость ударения от структурных особенностей слова: «в ряде двусложных слов ударение как бы распределяется на оба гласных, причём один из гласных, преимущественно гласный второго слога произносится более сильно, чем гласный первого слога» [Константинова, 1964, с. 28].

Приведённые выше точки зрения на природу словесного ударения в эвенкийском языке основаны на слуховом методе. Экспериментально-фонетические методы в исследовании природы эвенкийского ударения впервые были использованы Т. Е. Андреевой на материале говоров эвенков Якутии. Фактический материал, полученный в результате инструментального исследования методом интонографирования, позволил автору заключить, что фонематической характеристикой ударности гласного последнего слога является тоновый коррелят, «причём в силу стабильности данный признак следует считать основным» [Андреева, 2001, с. 96].

Тональность является наиболее важным фонетическим коррелятом для многих языков. Основным фонетическим параметром словесного ударения в акцентных языках является тон, под которым понимают «наделённое значимостью контрастное варьирование высотно-мелодических голосовых характеристик при произнесении языковых единиц» [Виноградов, 1990]. Акустическим коррелятом тона является частота вибрации голосовых связок – частота основного тона (ЧОТ).

В тональных языках, таких как китайский, вьетнамский и другие языки Юго-Восточной Азии, Африки, Америки, «тон представляет собой комплекс мелодических характеристик, ассоциированных с определённой языковой единицей, традиционно определяемой как слог» [Касевич, 1990, с. 8]. В этих языках направление движения тона играет смысловозначительную роль [Кодзасов, 2001, с. 464]. «От того тона, которым произнесено слово, зачастую зависит его значение» [Власова, 2006]. Ударение, основанное на повышении или понижении тона в слове, называется музыкальным [Поливанов, 1928].

Основной функцией тона в тоновых языках является функция различения грамматических и лексических значений, в акцентных языках изменение тона оказывается важнейшим средством восприятия ударного слога. В языках, имеющих словесное ударение, тон является одним из его коррелятов, наряду с длительностью, интенсивностью и качеством гласного.

Для более детального рассмотрения проблемы словесного ударения в эвенкийском языке необходимо провести специальные исследования, основанные на анализе экспериментального материала, полученного инструментальными методами, по материалам различных диалектов эвенкийского языка. Целью настоящего исследования является анализ мелодических характеристик рамочных конструкций побудительного типа на материале селемджинского говора эвенкийского языка.

2. Материал и методика исследования

Материалом для акустического анализа послужили аудиозаписи диктора-мужчины, носителя селемджинского говора учурско-зейского диалекта восточного наречия эвенкийского языка в возрасте 60 лет. Эвенкийский язык для данного диктора является родным, усвоенным в семье с детства. Информант является полным билингом, владеющим эвенкийским и русским языками. Нарушений слуха и речи диктор не имеет.

Перед диктором была поставлена задача трижды прочитывать предложенные рамочные конструкции, в которых слова реализовывались в различных фразовых позициях. В каждой из 28 конструкций, состоящей из трёх слов, одно и то же слово было реализовано в начале, середине и конце рамочной конструкции, которая имитирует односинтагменную фразу. Примеры предложений см. в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Примеры рамочных конструкций

14а. Пойдём поймем рыбу	Нгэнэһат дявагāt олловō
14б. Рыбу пойдём поймем	олловō нгэнэкся дявагāt
14в. Пойдём рыбу поймем	Нгэнэмй оллово дявагāt
15а. Пойдём поймем соболя	Нгэнэһат дявагāt някавā
15б. Соболя пойдём поймем	някавā нгэнэкся дявагāt
15в. Пойдём соболя поймем	Нгэнэмй някава дявагāt
16а. Пойдём поймем выдру	Нгэнэһат дявагāt дюкинмā
16б. Выдру пойдём поймем	дюкинмā нгэнэкся дявагāt
16в. Пойдём выдру поймем	Нгэнэмй дюкинма дявагāt

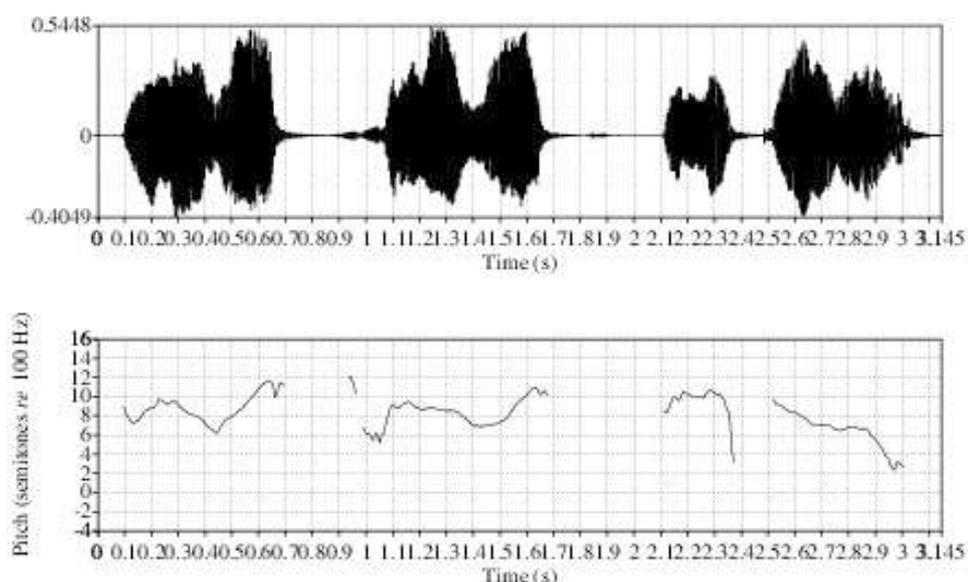
Запись экспериментального материала производилась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета в 2014 году. Запись осуществлялась с микрофона через микшерный пульт на звуковую плату компьютера при помощи программы Audacity. При записи использовались стандартные параметры оцифровки: частота дискретизации – 44 кГц, разрядность – 16 бит, моно.

Корпусом исследования послужили 84 предложения, реализованные в 28 рамочных конструкциях, сохранённые в отдельные файлы формата wav и подвергнутые акустическому анализу в программе обработки рече-

вого сигнала PRAAT. В ходе анализа были получены динамические осциллограммы и интонограммы. В ходе акустического анализа были автоматически вычислены значения частоты основного тона на выделенных участках: минимальные, максимальные и средние.

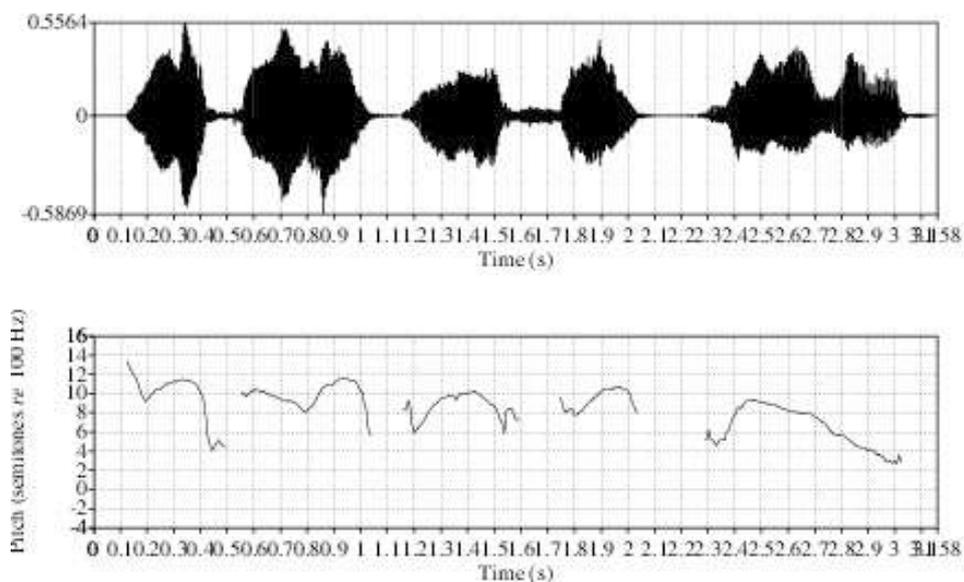
3. Результаты исследования

На рисунке 1 представлены осциллограмма и интонограмма фразы «Пойдём поймем белку» Нгэнэһāt дявагāt улюкивā. Мелодический контур побудительного предложения представляет собой плавную длительную деклинацию, реализованную в пределах 237 мс. Величина деклинации составляет 8 полутонов. Интонационный контур предложения характеризуется изрезанностью, обусловленной последовательным чередованием инклинаций и деклинаций. В словах «нгэнэһāt» и «дявагāt» на долгих гласных последних слогов происходит инклинация на 6 полутонов и 4 полутона соответственно. На конечном долгом гласном синтагмы в слове «улюкивā» реализуется ядерный тон, представленный понижением мелодики до минимального значения в 114 Гц.

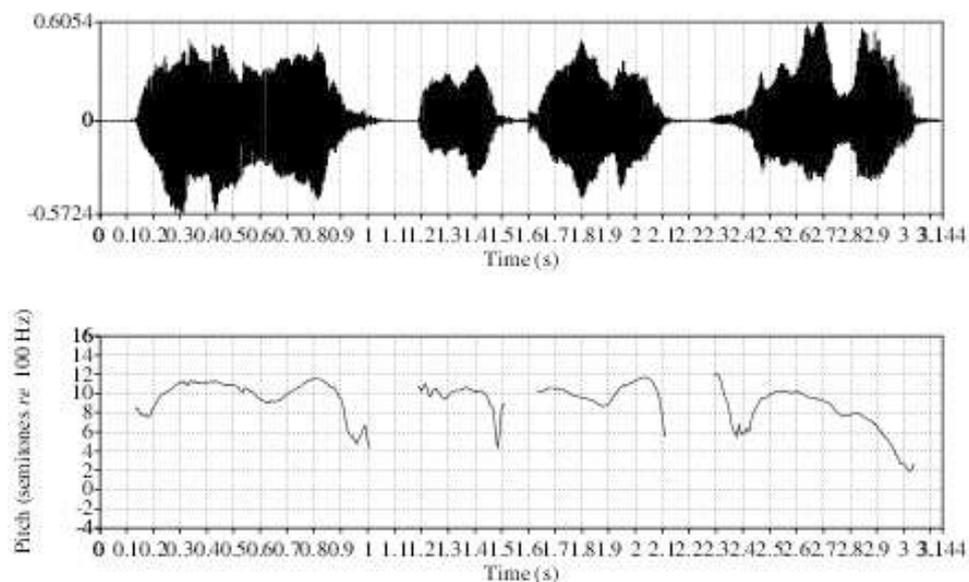
Р и с у н о к 1. Осциллограмма и интонограмма фразы «Пойдём поймем белку» Нгэнэһāt дявагāt улюкивā

Мелодический контур фразы «Белку пойдем поймем» Улюкивā нгэнэксĕ дявагāt (рис. 2) характеризуется общим нисходящим направлением высоты основного тона. В течение 292 мс. происходит плавная деклинация с максимального значения ЧОТ в 216 Гц до минимума в 117 Гц, зафиксированного на конечном долгом гласном синтагмы. Мелодический диапазон равен 9 полутонам. На долгих гласных каждого слова в синтагме происходит падение основного тона.

Р и с у н о к 2. Осциллограмма и интонограмма фразы «Белку пойдем поймаем» Улюкива̄ нгэнэкс̄я̄ дяваг̄ат

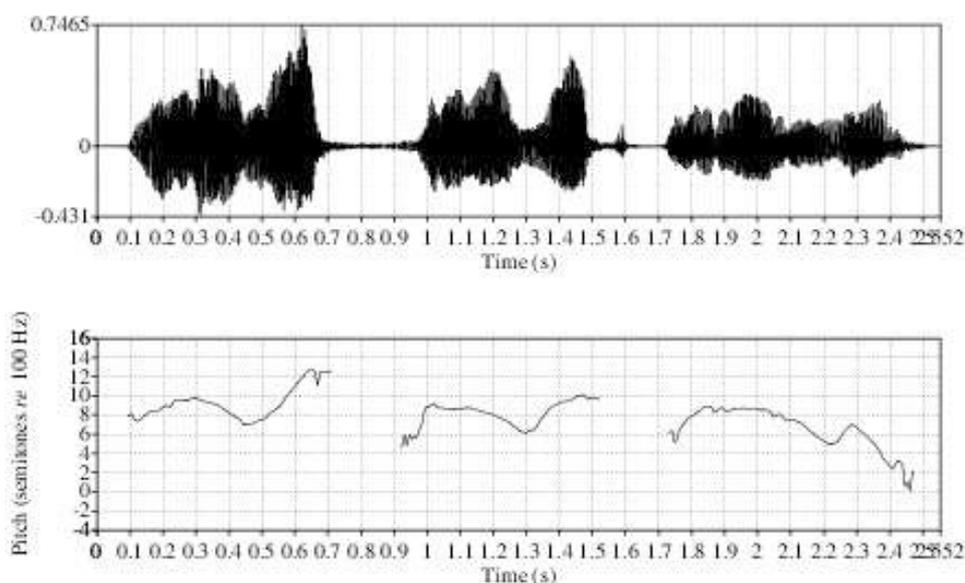
Мелодическое начало интонационного контура побудительного предложения «Пойдем белку поймаем» Нгэнэм̄й улюкива̄ дяваг̄ат (рис. 3) представлено инклинацией на 3 полутона, за которой на протяжении 200 мс. сохраняется относительно ровный тон.

Р и с у н о к 3. Осциллограмма и интонограмма фразы «Пойдем белку поймаем» Нгэнэм̄й улюкива̄ дяваг̄ат

На последнем слове синтагмы происходит понижение тона на 10 полутонов за 75 мс. Минимальное значение ЧОТ, реализованное на долгом гласном в слове «дявагāt», составляет 112 Гц. В последних слогах каждого слова происходит изменение движения основного тона. Как и в предыдущем примере, долгие гласные реализованы с падением основного тона, однако, их отличает бóльшая крутизна деklinации.

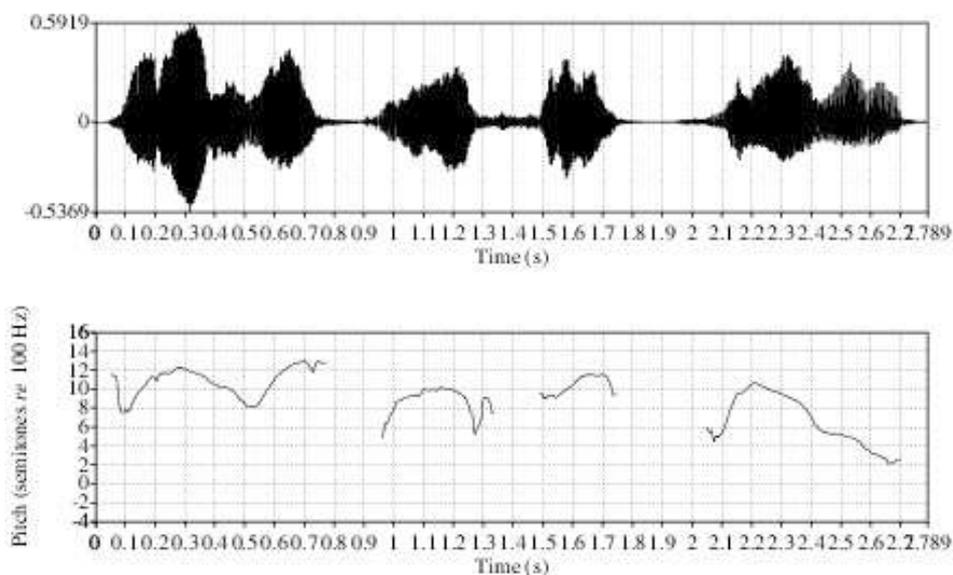
На рисунке 4 приведены осциллограмма и интонограмма предложения «Пойдём поймаем оленей» Нгэнэһāt дявагāt оровā. На первом долгом гласном шкалы в слове «нгэнэһāt» происходит возрастание мелодики на 3 полутона до мелодического максимума 209 Гц. На протяжении 182 мс. происходит плавная деklinация до мелодического минимума в 104 Гц. Мелодический диапазон равен 13 полутонам. На долгих гласных в словах «нгэнэһāt» и «дявагāt» зафиксирован перелом мелодического контура – инклинация составляет 6 и 4 полутона соответственно. На долгом гласном последнего слова синтагмы «оровā» падение ОТ составляет 7 полутонов.

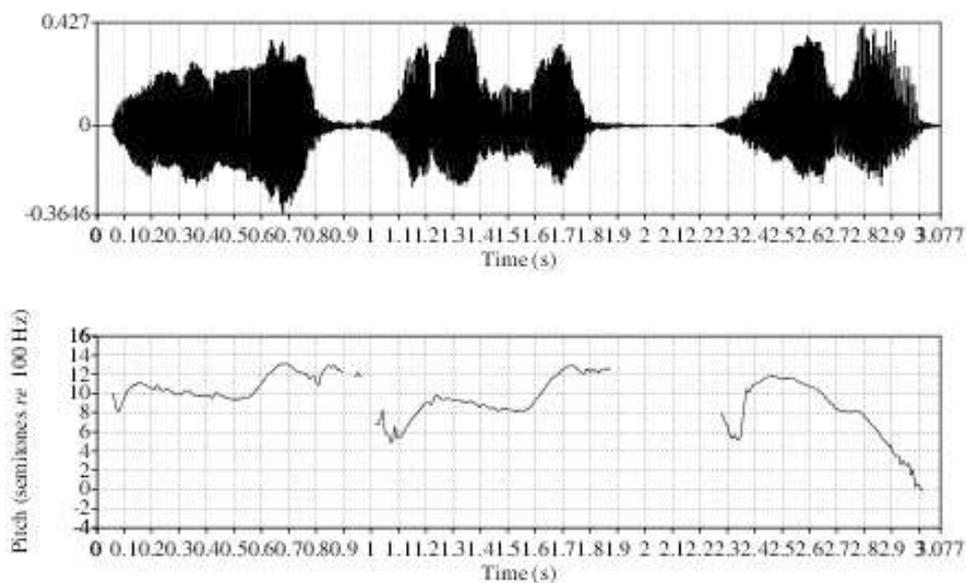
Р и с у н о к 4. Осциллограмма и интонограмма фразы «Пойдём поймаем оленей» Нгэнэһāt дявагāt оровā

В предложении «Оленей пойдем поймаем» Оровā нгэнэкся дявагāt (рис. 5) при общем нисходящем направлении высоты тона, мелодический минимум – 113 Гц – реализован на долгом гласном конечного слога в синтагме. Краткие и долгие гласные в синтагме показывают разные типы движения основного тона.

Интонационный рисунок фразы «Пойдём оленей поймаем» Нгэнэмй оровā дявагāt (рис. 6) характеризуется высоким ровным началом шкалы и резким падением тона на 12 полутонов на последнем слове синтагмы. Минимальное значение ЧОТ – 100 Гц.

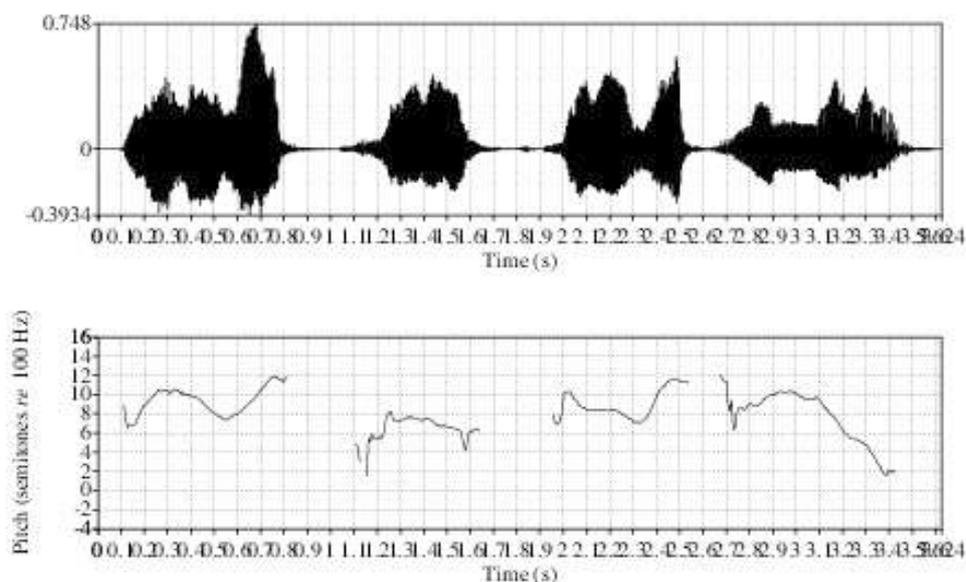

Р и с у н о к 5. Осциллограмма и интонограмма фразы «Оленей пойдем поймем» Оровъ нгэнэксъ дявагът

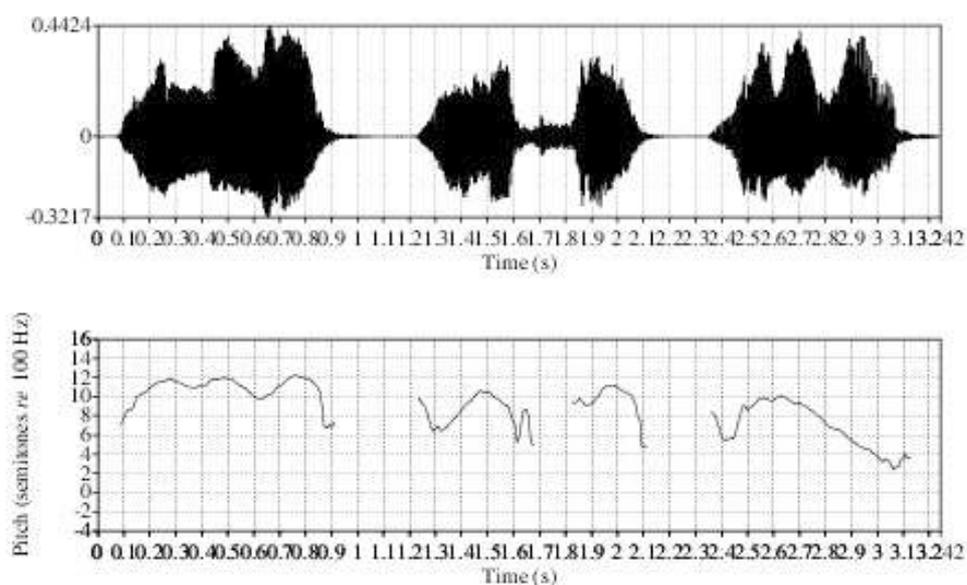
Р и с у н о к 6. Осциллограмма и интонограмма фразы «Пойдем оленей поймем» Нгэнэмй орова дявагът

Мелодика побудительного предложения «Пойдем поймем рысь» Нгэнэһагъ дявагът ноннов̄ отличается общей изрезанностью контура. На долгих гласных в словах «нгэнэһагъ» и «дявагът» происходит инклинация до максимального значения 199 Гц. На конечном слове предложения «ноннов̄» основной тон падает на 10 полутонов, достигая минимальной отметки в 11 Гц.

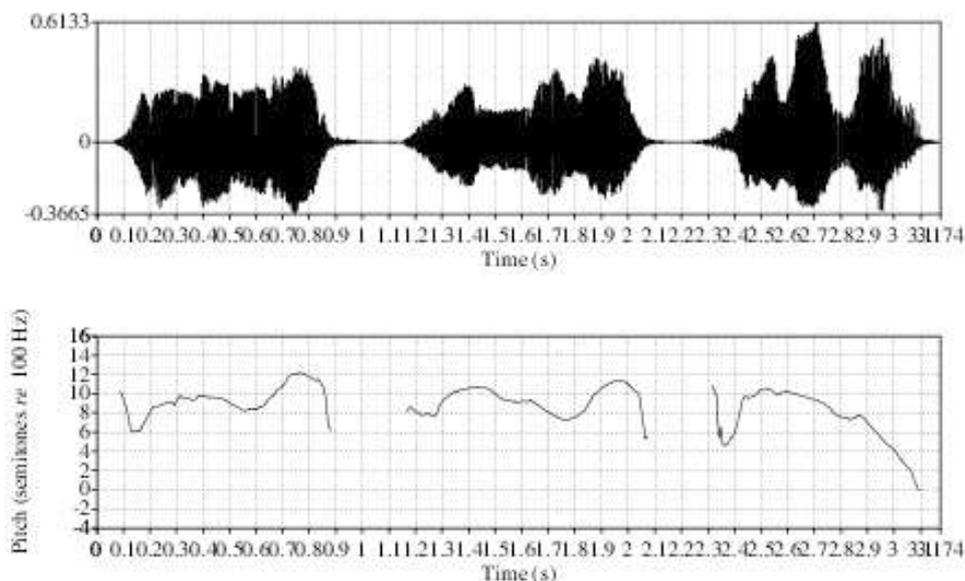
Р и с у н о к 7. Осциллограмма и интонограмма фразы «Пойдём поймем рысь» Нгэнэһат дявагāt нонновō

Начало мелодической шкалы предложения «Рысь пойдем поймем» Нонновō нгэнэкся дявагāt (рис. 8) представлено инклинацией на 6 полутонов до максимального значения ЧОТ в 202 Гц. На протяжении 227 мс. происходит плавное падение тона до минимального значения ЧОТ в 115 Гц, зафиксированном на конечном гласном синтагмы. Долгие гласные каждого слова в анализируемом предложении характеризуются деклинацией в среднем на 5 полутонов.

Р и с у н о к 8. Осциллограмма и интонограмма фразы «Рысь пойдем поймем» Нонновō нгэнэкся дявагāt

На рисунке 9 в предложении «Пойдём рысь поймаем» Нгэнэмй нонново дяваг̃ат максимальное значение ЧОТ – 202 Гц – зафиксировано на долгом гласном первого слова «нгэнэмй», а минимальное – 100 Гц – на последнем слоге синтагмы. Величина деклинации составляет 12 полутонов. Долгие гласные всех слов в синтагме показывают понижение тона.

Р и с у н о к 9. Осциллограмма и интонограмма фразы «Пойдём рысь поймаем» Нгэнэмй ноннов̃о дяваг̃ат

4. Заключение

Акустический анализ мелодических характеристик рамочных конструкций на материале селемджинского говора эвенкийского языка продемонстрировал следующие особенности реализации мелодического контура.

1. Рамочные конструкции побудительного типа характеризуются общим нисходящим направлением мелодики. Постоянным признаком интонации побуждения является высокое начало с последующим понижением тона до минимального уровня в конце. Мелодический максимум регистрируется, как правило, на долгом гласном первого слова синтагмы. Максимальное падение основного тона происходит на последнем долгом гласном в конечной синтагме предложения.

2. Характерной чертой эвенкийской речи является сравнительно небольшой мелодический диапазон, обусловленный особенностями реализации изменений частоты основного тона, представленных контрастной последовательностью повышения и понижения тона и изменений высоты тона.

3. Акустический анализ продемонстрировал отсутствие в эвенкийском языке музыкального ударения. Анализ мелодических характеристик рамочных конструкций выявил наличие разных типов движения основного тона на одном и том же слове, реализованном на различных участках син-

тагмы. Это свидетельствует о том, что в эвенкийском языке тон не выполняет смысловозначительную функцию, как это происходит в слогоморфемных языках Юго-Восточной Азии, Африки и Америки, а является коррелятом словесного ударения.

4. Изменение направления движения основного тона, зафиксированное в конструкциях побудительного типа, не приводит к изменению значения слов. Перелом мелодики может служить пограничным сигналом синтагматического членения речевого потока.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Словесное ударение в эвенкийском языке (на материалах эвенков Якутии): экспериментально-фонетическое исследование [Текст] / Т. Е. Андреева. – Новосибирск : Наука, 2001. – 150 с.
2. Бабушкина, Т. В. Фонетическая система русского языка [Текст] / Т. В. Бабушкина, Н. Н. Гурьева. – Тверь : Изд-во Тверского гос. ун-та, 1999. – 78 с.
3. Василевич, Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л. : Учпедгиз, 1940. – 133 с.
4. Василевич, Г. М. Эвенкийскорусский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. : ГИИНС, 1958. – 803 с.
5. Виноградов, В. А. Тон [Текст] / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 685 с.
6. Власова, Н. В. Японский язык от А до Н: учеб. пособие для начинающих [Текст] / Н. В. Власова. – Ч. 1. – М. : РГГУ, 2006. – 115 с.
7. Дикушина, О. И. Фонетика английского языка [Текст] / О. И. Дикушина. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1952. – 350 с.
8. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика [Текст] / Л. Р. Зиндер. – Л., 1979. – 312 с.
9. Касевич, В. Б. Морфонология [Текст] / В. Б. Касевич. – Л., 1986. – 169 с.
10. Касевич, В. Б. Ударение и тон в языке и речевой деятельности [Текст] / В. Б. Касевич, Е. М. Шабельникова, В. В. Рыбин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 249 с.
11. Кодзасов, С. В. Общая фонетика [Текст] / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
12. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – Изд-во «Наука», М. – Л., 1964. – 272 с.
13. Лебедева, Е. П. Эвенкийский язык: пособие для педагогических училищ [Текст] / Е. П. Лебедева, О. А. Константинова, И. В. Монахова. – 2-е изд., перераб. – Л. : Просвещение, 1979. – 288 с.
14. Поливанов, Е. Д. Введение в языковедение для востоковедных вузов [Текст] / Е. Д. Поливанов. – Л. : Изд-во Ленингр. Вост. Ин-та, 1928. – 220 с.
15. Цинциус, В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков [Текст] / В. И. Цинциус. – Л. : Учпедгиз, 1949. – 343 с.
16. Castren, M. A. Nordische Reisen und Forschungen. Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre [Text] / M. A. Castren. – St-Petersburg : Buchdruckerei der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1856. – 140 s.

References

1. Andreeva, T. E. (2001). *Slovesnoye udareniye v evenkiyskom yazyke (na materialakh evenkov Yakutii): Eksperimental'no-foneticheskoye issledovaniye* [Word stress in the Evenki language (The materials from the Evenks of Yakutia): Experimental phonetic research]. Novosibirsk : Science Press.
2. Babushkina, T. V., Gur'yeva, N. N. (1999). *Foneticheskaya sistema russkogo yazyka* [Phonetic system of Russian]. Tver : Tver State University Press.
3. Vasilevich, G. M. (1940). *Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essay on grammar of the Evenki (Tungus) language]. Leningrad : Uchpedgiz Press.
4. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Moscow : GIINS Press.
5. Vinogradov, V. A. (1990). Ton [Tone]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow.
6. Vlasova, N. V. (2006). *Yaponskiy yazyk ot A do N: Ucheb. posobiye dlya nachinayushchikh* [Japanese from A to N: A handbook for beginners]. Moscow : RSUH Press.
7. Dikushina, O. I. (1952). *Fonetika angliyskogo yazyka* [English Phonetics]. Moscow : Literature in Foreign Languages Press.
8. Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Leningrad.
9. Kasevich, V. B. (1986). *Morfonologiya* [Morphology]. Leningrad.
10. Kasevich, V. B., Shabelnikova, E. M., Rybin, V. V. (1990). *Udareniye i ton v yazyke i rechevoy deyatel'nosti* [Word stress and tone in language and speech]. Leningrad : Leningrad State University Press.
11. Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow : Russian State University for the Humanities Press.
12. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka press.
13. Lebedeva, E. P., Konstantinova, O. A., Monakhova, I. V. (1979). *Evenkiyskiy yazyk: posobiye dlya pedagogicheskikh uchilishch* [Evenki language: A handbook for pedagogical schools]. Leningrad : Prosveshchenie Press.
14. Polivanov, E. D. (1928). *Vvedeniye v yazykoznananiye dlya vostokovednykh vuzov* [Introduction to linguistics for oriental universities]. Leningrad : Leningrad Oriental Institute Press.
15. Zinciush, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of the Manchu-Tungus languages]. Leningrad : Uchpedgiz Press.
16. Castren, M. A. (1856). *Nordische Reisen und Forschungen. Grundzüge einer Tungusischen Sprachlehre*. St-Petersburg : Buchdruckerei der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften.

УДК 81'42
UDC 81'42

Путина Ольга Николаевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Olga N. Putina
Perm State University
Perm, Russian Federation
onputina@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ВОПРОСА: ТРАДИЦИОННЫЙ ПОДХОД **TYOLOGY OF QUESTIONS: TRADITIONAL APPROACH**

Аннотация

В настоящей статье рассматривается типология вопроса на примере русского, английского и французского языков. Несмотря на то, что исследование вопроса получило своё распространение в работах отечественных и зарубежных учёных, не существует единого мнения относительно его определения, а также принципов и критериев классификации. В задачи настоящего исследования входило обобщение возможных подходов и классификаций вопроса на примере диалогов, взятых из работ известных писателей. Принятый подход от формы к значению позволил произвести на глобальном уровне деление на прямые и косвенные вопросы и обобщить их важнейшие функции и разновидности. Было также выявлено, что частотность прямых вопросов заметно превышает данный показатель для косвенных вопросов. Перспективу исследования составит уточнение смысловых оттенков посредством расширения вербального контекста.

Abstract

The current papers presents an attempt of considering the typology of questions in the Russian, English and French. Despite expansive research of interrogative sentences by many linguists at home and abroad, there is still no common opinion about their definition, neither there are uniform principles and criteria for their classification. This study aimed at making an overview of existing approaches and classifications of questions exemplified by dialogues taken from famous fiction. The approach from form to meaning adopted in this study enabled to make a global division of questions into direct and indirect and to summarize their essential functions and variations. It was found that direct questions frequency of occurrence was higher than indirect ones. In the future, it is planned to concentrate on details of meaning by studying questions in larger verbal context.

Ключевые слова: прямой вопрос, косвенный вопрос, классификация, выяснение, выпытывание, коммуникативная функция.

Keywords: direct question, indirect question, classification, clarification, ascertainment, communicative function.

doi: 10.22250/2410 7190_2018_4_4_127_143

1. Введение

Одним из основных положений лингвистики является положение о единстве мышления и языка, так как любой язык предназначен, прежде всего, для порождения и выражения мысли. «Связь языка с мышлением такова, что в целом не всегда легко провести грань между языком, на базе которого осуществляются процессы мышления, и процессами мышления, протекающими в языковых формах» [Кацнельсон, 2001, с. 404–405]. В середине XIX в. психологическое направление в лингвистике переносит акцент на языковую уникальность, находя «в каждом языке своё особое «содержание», порождённое формами данного языка» [Кацнельсон, 2001, с. 24]. В связи с этим при изучении конкретного языка стало важно принимать во внимание не только его языковую форму, но и условия коммуникации, включая её участников. «Одни и те же языковые средства, в зависимости от условий, могут фиксировать разные мыслимые значения. Одна и та же мысль может быть высказана на разных языках. Это общее положение заставляет искать те конкретные языковые условия, при которых возникает полная определённости мыслимых значений, обеспечивающая взаимное понимание людей в процессе общения» [Жинкин, 1955, с. 23]. Данные положения по-прежнему актуальны, поскольку вопрос как объект лингвистического исследования может приобретать различные значения и интерпретации в зависимости от параметров коммуникации. В нашем исследовании важную роль играет классификация вопросов на основании реализации ими иллокутивных функций. В качестве материала для исследования используются диалогические тексты художественной литературы современных англоязычных авторов, а также тексты интервью газет и журналов на русском, английском и французском языках.

2. Классификации вопросительных предложений

Существует множество подходов к изучению вопроса в лингвистике, а также множество классификаций вопроса. Общепринятой точкой зрения на классификацию вопросительных предложений является их деление на два основных типа: *о б щ и й* и *с п е ц и а л ь н ы й*. В основу данной классификации положены как формальный, так и семантический признаки. Общий вопрос характеризуется отсутствием вопросительных слов и содержит запрос о связи между носителем признака и признаком. Специальный вопрос, напротив, включает в свою структуру местоименное вопросительное слово или несколько таких слов и содержит запрос, направленный на получение информации конкретного, предметного свойства.

По наличию или отсутствию в структуре вопросительных местоименных вопросы подразделяются на два вида: *м е с т о и м е н н ы е* и *н е м е с т о и м е н н ы е*. Автор данной классификации рассматривает местоименные вопросы как исследовательские, так как они «... требуют такого ответа, который расширяет знание вопрошающего, сообщает о том, чего не содержится в вопросе» [Петерсон, 1940, с. 38]. Местоименные во-

просы иначе называются «подсказывающими», поскольку их функция заключается в том, чтобы проверить то, что известно. Ответы на эти вопросы не расширяют знания собеседника, они служат для дальнейшего утверждения или отрицания.

Представляет интерес следующая классификация вопросительных предложений в английском и французском языках, широко применяемая в преподавании этих языков как иностранных. В её основу положен структурно-грамматический принцип.

1. Общий: *D'you know Constance Culmington?* [Christie, 1989 a]; *Tu viens donc d'une autre planète?* [Saint-Exupéry, 2015].

2. Альтернативный: *You ain't sick or anything?* [Candler, 1983]; *Si j'ordonnais à un général de voler une fleur à l'autre à la façon d'un papillon, ou d'écrire une tragédie, ou de se changer en oiseau de mer, et si le général n'exécutait pas l'ordre reçu, qui, de lui ou de moi, serait dans son tort?* [Saint-Exupéry, 2015].

3. Утвердительно-вопросительный: *Don't you think any of these lines will lead to anything?* [Christie, 1989 b]; *N'est-ce pas, que les moutons mangent les arbustes?* [Saint-Exupéry, 2015].

4. Разделительный вопрос: *She is an angel, is she not? From Eden, by way of Sweden...* [Christie, 1989 b]; *Et si je connais, moi, une fleur unique au monde, qui n'existe nulle part, sauf dans ma planète, et qu'un petit mouton peut anéantir d'un seul coup, comme ça, un matin, sans se rendre compte de ce qu'il fait, ce n'est pas important ça?* [Saint-Exupéry, 2015].

5. Специальный вопрос: *How long since you saw Taylor?* [Hammett, 1985 a]; *Pourquoi un chapeau ferait-il peur?* [Saint-Exupéry, 2015].

6. Специальный вопрос к подлежащему: *What makes you act like that?* [Hammett, 1985 a]; *Sinon qui me rendra visite?* [Saint-Exupéry, 2015].

Если взять за основу только синтаксическую структуру, то вопросы можно разделить на три группы: 1) общие; 2) альтернативные; 3) специальные. [Падучева, 1985, с. 236] По семантическому признаку Я. Хинтиikka [Хинтиikka, 1974, с. 310] подразделяет вопросительные предложения на две группы: 1) вопросительные предложения со стандартной семантикой (выражающие вопрос); 2) вопросительные предложения с нестандартной семантикой (идиоматические предложения). Примерами предложений второй группы являются следующие виды вопросов:

- 1) риторический вопрос;
- 2) вопрос-просьба;
- 3) вопрос-предложение;
- 4) вопрос-осуждение;
- 5) вопрос-переспрос.

Исследователь У. Леннерт также предлагает классифицировать вопросы по их семантическому содержанию.

1. Квантификационные вопросы: *Сколько это стоит? Как часто это происходит?*

2. Вопросы-возможности: *Как Вы смогли достать это? Как у Вас на всё это хватает времени?*

3. Инструментальные вопросы: *Как Вы сюда добрались? Как Вы дали ему знать об этом?*

4. Каузально-антецедентные вопросы: *Как это произошло? Как разбился этот стакан?*

5. Процедурные вопросы: *Как мне добраться до Вашего дома? Как Вы это сделали?* [Леннерт, 1988, с. 270].

Список классов в семантических классификациях вопросов, на наш взгляд, может быть весьма многочисленным и неоднородным, так как «все семантические наблюдения могут быть только субъективными» [Щерба, 1957, с. 7–8].

Н. Ю. Шведова выделяет два вида вопросов на основании их семантической и прагматической связи с ответом:

- 1) переспрос-реакция на предшествующую реплику в диалоге;
- 2) цитатный вопрос-реплика-повтор;
- 3) стимулирующие вопросы.

К обширной категории переспросов относятся реплики *что-, как-, почему-, откуда-, зачем-*. Н. Ю. Шведова отмечает, что реальный диалог редко строится путём чередования прямых вопросов и ответов. Между ними обычно появляются так называемые «рессорные реплики», которые часто оказываются избыточными. Обилие избыточных реплик объясняется тем, что они выражают по преимуществу эмоциональную реакцию собеседника, в то время как следующее за ней высказывание наделено собственно информативным содержанием.

Цитатный вопрос является разновидностью переспроса и всегда представляет собой реакцию на предшествующее высказывание, из которого и происходит заимствование так называемых чужих слов. Наиболее простой тип цитатного вопроса – *что-вопрос* – обращённое к собеседнику требование продолжить, дополнить, уточнить, разъяснить, интерпретировать, довести до логического конца предыдущую реплику. Что-вопрос возникает в ситуации действительного непонимания или недопонимания, а также в ситуации недомолвки, намёка. Он не может быть оставлен без ответа. Цитатный вопрос составляет эмоциональную прослойку между вопросом и собственно ответом [Шведова, 1956, с. 67–68].

Стимулирующие вопросы типичны для неофициального разговора, в котором выражаются мнения и предположения. Говорящий хочет получить на своё сообщение вполне определённый отклик, поэтому он сопровождает его стимулирующим вопросом, например: *Мой сын увлекается детективами, а твой?* О подобных репликах, завершающих сообщение, пишут Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, называя их «контролирующими» [Булыгина, Шмелев, 1982, с. 314–320]. Переспрос и стимулирующий вопрос могут быть использованы в речи для регуляции хода общения. Они побуждают собеседника к ответной реакции, тем самым продвигая разговор.

Особого внимания заслуживают риторические вопросы. Они часто рассматриваются в лингвистической литературе как разновидности вопросительных предложений. По словам Н. И. Жинкина, риторические вопросы

«обладают всеми признаками вопросительных предложений, но совершенно не содержат побуждения собеседника к ответу ... Риторические вопросительные предложения не требуют ответа, потому что они сами в себе содержат этот ответ в виде утверждающего или отрицающего сообщения» [Жинкин, 1955, с. 23]. Т. А. Сергеева считает, что такие вопросы не побуждают к ответу, а призваны «...заострить внимание собеседника на передаваемой информации. Функция риторического вопроса – привлечь внимание, усилить впечатление, вовлечь в рассуждение» [Сергеева, 1991, с. 58]. Риторический вопрос можно отнести к утверждению, содержащему суждение о предыдущем высказывании. И, если он по своей сути не является вопросом, не содержит запроса информации о неизвестном и не требует ответа, то, следовательно, должен использоваться в каких-то иных целях. Коммуникативное задание риторического вопроса состоит «в эмоциональном воздействии на партнёра по коммуникации с целью получения положительной или отрицательной оценки высказывания, предшествующего риторическому вопросу» [Сергеева, 1991, с. 62]. В. А. Григорьев полагает, что такой вопрос семантически важен: «Риторические вопросы употребляются, в первую очередь, для передачи какого-либо сообщения, суждения-констатации, лишь подкрепляя его эмоциональным отношением говорящего» [Григорьев, 1987, с. 36]. В качестве иллюстрации подобной функции риторического вопроса можно привести следующий пример: *Poirot laughed heartily. «Ah, you remember that? Alas! No – science has not yet induced the hens to conform to modern tastes; they still lay eggs of different sizes and colours!»* [Christie, 1989 b].

Т. Д. Чхетиани относит риторический вопрос к языковым универсалиям и называет его «псевдо и лжевопросом, мнимым вопросом, предназначенным для получения очевидного ответа, нарочитым вопросом, намеренно поставленным о заранее известном факте, избыточным вопросом, вопросом с подсказанным ответом и т. д.» [Чхетиани, 1987, с. 28]. Риторический вопрос – это «специализированный метакоммуникативный сигнал поддержания речевого контакта» и явно отличается от коммуникативных вопросов (или информационно-поисковых вопросов). «Не вызывает сомнения десемантизация или переосмысление логического содержания, заключённого в риторическом вопросе. Побудительная семантика таких вопросов заключается в побуждении слушающего не к ответному, а респонсивному действию, то есть, к получению не информации, а метаинформации (информации об информации)» [Чхетиани, 1987, с. 28].

Риторические вопросы широко применяются в монологической научной речи, в частности, в публичных выступлениях, с целью поддержания контакта с аудиторией. Но они присущи и диалогу: «В большой по объёму речи говорящего риторический вопрос расчленяет содержание на смысловые отрезки, удобные для восприятия, подчёркивает нужную мысль и вызывает у слушающего нужную автору оценку

сообщаемого» [Чхетиани, 1987, с. 30]. Проиллюстрировать употребление риторического вопроса в диалогической речи можно следующим примером: *You remember, Hastings? Andover. The shop. We go upstairs. The bed room. On a chair. A pair of new silk stockings... You see? It is the same motif three times repeated. That can not be coincidence* [Christie, 1989 b].

Г. В. Шевченко, исследуя природу риторического вопроса, утверждает, что «формально-синтаксическое и интонационное оформление риторического вопроса никоим образом не соответствует его коммуникативной и прагматической направленности. Это ... вопрос по форме, а не по содержанию. Он не предполагает ответа, так как ответ заключён в нём самом в виде скрытого эмфатического утверждения или отрицания, вызывающего необходимое эмоционально-психическое состояние партнёра по коммуникации» [Шевченко, 1990, с. 16]. Риторический вопрос используется в диалогической речи как стилистическое средство для достижения большей выразительности и привлечения внимания собеседника, и «прагматическая направленность риторического вопроса основывается на авторской интенции повлиять на поведение другого участника диалогической интеракции, заставить его выслушать свою речь или даже изменить отношение к сказанному» [Шевченко, 1990, с. 19].

Особого интереса в сфере классификации вопросов заслуживают работы О. Г. Почепцова и С. Ф. Гедз. О. Г. Почепцов, исследуя семантику и прагматику вопросительных предложений, предлагает их классификацию по типу интенции. Он сводит вопросы к двум классам:

1) локутивные – вопросы, конечная цель которых состоит в совершении акта языкового характера, или локутивного акта;

2) нелокутивные – вопросы, конечная интенция которых состоит в совершении акта неязыкового характера, или нелокутивного акта [Почепцов, 1979, с. 19].

С. Ф. Гедз при изучении коммуникативно-прагматических особенностей высказываний с интеррогативным значением следует от их значения к форме и выделяет два способа выражения речевого акта «вопрос»: 1) прямой (с помощью использования вопросительных конструкций); 2) не прямой (использование невопросительных конструкций в функции вопросительных) [Гедз, 1998, с. 3–5].

Мы считаем целесообразным рассматривать вопросы по направлению от их формы к значению (с учётом их функционального назначения), что сразу позволит нам отбросить различного рода «невопросительные конструкции», но в то же время даст возможность рассмотреть как прямые вопросы, то есть вопросы по форме и содержанию, так и косвенные – вопросы по форме, но не по содержанию.

2.1. Прямой вопрос

К прямому вопросу мы относим такое высказывание, в котором его языковая структура совпадает с коммуникативным назначением. Вопросительное предложение в прямом высказывании сохраняет сему

запроса информации и проявляет иллокутивную силу вопроса. Иначе говоря, базисная иллокуция прямого высказывания, под которой подразумевается языковая структура, доминирует и совпадает с действительной иллокуцией, под которой подразумевается иллокутивная сила или прагматическое значение высказывания [Шишкина, 1983, с. 83–88]. Вопрос, выполняющий свою основную, первичную функцию – осуществление запроса информации, мы и называем собственно прямым вопросом:

– **Who are you and what do you want?**

– *I'm a private detective and want to talk to a man named Moose Malloy* [Candler, 1983].

Однако, в зависимости от ситуации общения, собеседник, обладающий информацией, может раскрыть её полностью, может частично, а может уклониться от ответа или же вовсе промолчать. Степень раскрытия информации одним из собеседников зависит от его коммуникативной установки, которая является определяющей для прямого вопроса. Благодаря ей общение разворачивается по двум возможным типам – выяснению и попытке вынуждения.

В основу выяснения и выпытывания положен информационный поиск. Это означает, что собеседники стремятся получить определённую информацию в процессе общения. Информационным поиском и определяется конечная их цель – заполнение той или иной информационной лакуны. Инициатива поиска информации принадлежит одному из собеседников, который чаще всего первым начинает процесс общения. При этом он исходит из пресуппозиции о наличии у своего партнёра необходимой ему информации и его желания принять участие в процессе общения. Ответные речевые действия второго собеседника не менее важны, так как именно они определяют в дальнейшем развертывание речевого акта по типу выяснение или выпытывание [Чахоян, Паронян, 1989, с. 67–72].

В выяснении процесс общения начинается с того, что инициатор общения делает запрос. Его партнёр, идентифицируя запрос, совершает конкретное речевое действие – информирование, то есть попросту отвечает на вопрос. При этом коммуникативные установки обоих собеседников совпадают: первый стремится получить информацию по интересующему его вопросу, а второй настроен на удовлетворение информационного поиска первого, например:

– *What's the time by your watch?*

– *Quarter to eight* [Christie, 1976 b].

Тем не менее, ответ может не удовлетворить инициатора запроса с точки зрения полноты информации. В таком случае он повторяет свой запрос, который, как правило, уже не является повтором первоначального вопроса, например:

– *What did this man look like?*

– *An ordinary sort of man. Nothing special.*

– *A gentleman – or a tradesman?*

– *Not a tradesman. A shabby sort of person. I can't remember* [Christie, 1989 b].

Повтор запроса, таким образом, направлен на заполнение пробелов в информации, упущенных или не учтенных в ходе информирования. В том случае, если некоторые моменты по-прежнему остаются неясными, собеседник – инициатор общения вправе вновь и вновь осуществлять запросы.

В ы п ы т ы в а н и е, как и выяснение, начинается запросом. Но здесь у одного из собеседников по какой-либо причине (как правило, экстралингвистического характера) отсутствует желание сотрудничать, и поэтому он уклоняется от ответа. При этом он может эксплицитно выразить своё нежелание отвечать на вопрос, используя в качестве ответа фразы типа: *I don't know, I don't want to talk about it, I haven't the least idea*. Иногда говорящий выбирает имплицитный приём отказа, предлагая своему собеседнику ответ, заведомо не содержащий запрашиваемой информации, или же просто переводя разговор на другую тему, например:

– *What's the matter with the woman?*

– *Let us start our breakfast. The eggs will be cold. Afterwards there are several matters I want to discuss with you all* [Christie, 1989 a].

Нежелание отвечать на поставленный вопрос может выражаться молчанием, то есть, своего рода отказом от вербального общения [Богданов, 1986, с. 13]. В других случаях встречается ответ вопросом на вопрос, что также может демонстрировать нежелание раскрывать информацию. Так или иначе, цель инициатора общения остаётся нереализованной. Поэтому часто в выпытывании весь процесс общения не приносит никаких плодов, например:

– *Harlington, how long has your uncle had that jar?*

– *How long? I really don't know.*

– *Think. Did he buy it lately?*

– *I don't know. I believe he did, now I come to think of it* [Christie, 1976 b].

В выяснении, напротив, запрашивающий информацию, как правило, удовлетворён результатом общения, и его коммуникативное намерение реализуется:

– *What was he doing?*

– *He was sitting in his car.*

– *What kind of car?*

– *A small red car.*

– *How long did he sit in the car?*

– *Not long.*

– *How long? Five minutes? Ten? A half an hour?*

– *Maybe half an hour* [Chase, 2003].

К исследованию выпытывания обращается К. Э. Кочарян, подчёркивая, что последний малоизучен. Он сравнивает выпытывание с квеситивом и говорит, что «коммуникативным заданием речевого акта выпытывание является получение речевой информации, от которой адресат уклоняется» [Кочарян, 1986, с. 92]. Поэтому представляется необходимым рассматривать вопросы именно относительно их иллокутивной функции, а также по направлению от формы к значению.

Исходя из вышеизложенного, мы придерживаемся той позиции, что прямые вопросы – это вопросы как по форме, так и по содержанию. Они осуществляют свою первичную функцию – запрашивают имеющуюся у собеседника информацию – и, соответственно, встречаются значительно чаще, чем косвенные вопросы. Коммуникативная установка собеседника, обладающего информацией, определяет тип общения, который мы относим к разновидностям прямого вопроса – выяснению и выпытыванию. Рассмотренные нами примеры демонстрируют, что выяснение более распространено, чем выпытывание, что может быть вполне объяснено позитивным настроением собеседников на вербальное общение и желанием получить ожидаемый коммуникативный результат.

2.2. Косвенный вопрос

Прямой вопрос целесообразно изучать по сравнению с аналогичным косвенным, поскольку такой анализ помогает выяснить, что такое косвенность и в чём она проявляется. Косвенность в высказывании проявляется в том, что оно, кроме своего собственного значения (базисной иллокуции), вытекающего из содержания самого высказывания, приобретает некий дополнительный смысл (действительную иллокуцию), который зависит от многих как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. В косвенном вопросе языковая структура высказывания – базисная иллокуция – не совпадает с коммуникативной функцией – действительной иллокуцией. Механизм порождения косвенного вопроса состоит в том, что базисная иллокуция подавляется действительной. Основная сема (запрос информации) нейтрализуется реальной, прагматической семой (просьбой, приглашением и т. д.) Это может достигаться при помощи различных индикаторов – интонации, модальных слов, модальных частиц и т. д., которые поддерживают действительную иллокуцию и дают ей возможность проявить ту или иную прагматическую сему [Шишкина, 1983, с. 83–88]. Прагматическая сема косвенного высказывания – это его прагматическое значение или его способность производить эффект, не вытекающий непосредственно из семантики высказывания.

Интеррогативное значение вопроса твёрдо и навсегда закреплено за ним – на это указывает определённый структурный тип вопросительного предложения: его формально-грамматические элементы, вопросительные местоимения, особые частицы. Косвенные вопросы по своей сути являются нестандартными, и поэтому не должны быть включены в область описания грамматики и семантики. Следовательно, они входят в сферу исследования прагматики. «Научный аппарат, необходимый для объяснения косвенного аспекта в косвенных речевых актах, включает теорию речевых актов, некоторые общие принципы кооперативного речевого общения и общие фоновые знания говорящего и слушающего, а также способность слушающего к выводу умозаключений» [Серль, 1986, с. 197].

В отличие от прямого вопроса, осуществляющего непосредственно запрос информации и тем самым выполняющего свою основную, первичную

функцию, косвенный вопрос обладает иными коммуникативными функциями. Он передаёт иное содержание, чем то, о котором он реально сообщает. Говорящий передаёт это иное содержание, опираясь на общие фоновые знания слушающего, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности к рассуждению. Косвенный вопрос может выполнять такие коммуникативные функции, как, например, угроза, просьба, побуждение к действию и т. д.: *Ты меня понял?* (уточнение и угроза); *Тебе не надоел этот беспорядок?* (критика и побуждение к действию). Следующие примеры также иллюстрируют коммуникативные функции косвенного вопроса.

– *Won't you come back with us and have a quiet cup of tea, Mr Evans?* [Christie, 1976 a] – приглашение.

– *Won't you help me Nick? We used to be friends* [Hammett, 1985 b] – просьба.

– *I hope you didn't wait for me. Am I late?* [Christie, 1989 a] – извинение.

– *I think Mrs Owen has been very lucky indeed.*

– *Owen? Did you say Owen?* [Christie, 1989 a] – переспрос, удивление.

– *How is Lady Clarke?* [Christie, 1989 b] – сочувствие.

– *There was something that I think I would like to tell you, M. Poirot.*

– *Certainly, m-lle. Sit down, will you not?* [Christie, 1989 b] – предложение.

Э. Ф. Телень также утверждает, что вопрос многофункционален. Например, вопрос «Как Вы готовили эту рыбу?» может означать «Я хотел бы узнать рецепт», то есть, говорящий запрашивает конкретную информацию. С другой стороны, этот же вопрос можно интерпретировать как комплимент повару: «*Как вкусно!*». Однако у данного вопроса может быть и ещё одно значение, если говорящий критикует или жалуется: «*Просто отвратительно*». Как правило, ситуация общения и то, каким образом были произнесены слова, подсказывают слушающему правильное значение, и ответ будет зависеть от того, как именно слушающий интерпретировал вопрос. Ниже предлагаются возможные ответы на вопрос, заданный выше:

– *Во-первых, я делаю X, а затем Y* (Повар даёт рецепт);

– *О, это очень просто!* (Повар признаёт комплимент);

– *Как? Вам не понравилось?* (Повар признаёт критику в свой адрес) [Телень, 1991, с. 123].

Э. Ф. Телень предлагает следующую классификацию косвенных вопросов на основании их иллокутивной функции.

1. Жалоба или критика: *Где же Вы достали такую шляпу?* (Она ужасна).

2. Знакомство, представление людей: *Вы знаете друг друга?*

3. Приглашение: *Что Вы делаете завтра вечером?*

4. Предложение: *Ещё немного кофе для Вас?*

5. Приказ или инструкция: *Не могли бы Вы закатать рукав?* (доктор – пациенту).

6. Разрешение: *Не возражаете, если я закурю?*

7. Просьба: *У Вас минутки не найдётся?* (=Я хотел бы поговорить с вами).

8. Предложение: *А Вы пробовали сделать это по-другому?*

9. Выражение сочувствия: *Как Вы себя чувствуете сегодня?* (После перенесённой болезни).

10. Угроза: *А ремня не хочешь?* (Родитель провинившемуся ребёнку) [Телень, 1991, с. 123].

Однако здесь Э. Ф. Телень отмечает, что «если даже вопрос применяется в не прямой своей функции, он всё же остаётся вопросом и поэтому обычно требует ответа» [Телень, 1991, с. 125].

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев выделяют иные типы косвенных речевых актов. По их мнению, вопросы могут употребляться в самых различных диалогических ситуациях, преследуя разные цели:

1. Контактустанавливающая функция – для возбуждения и поддержания внимания слушателя: *Знаешь, что я тебе скажу? Он просто глуп.*

2. Контролирующая функция – важна в так называемых «завершающих» сообщениях:

– *Прошу стучать, если открываете дверь ночью, понятно?*

– *В общих чертах – да.*

3. Метакоммуникативная функция – сигнализирует о внимании слушателя к принимаемому сообщению:

– *Что Вы говорите? – Неужели? – Правда?*

4. Уточняющая функция – реплики типа *Правда? Неужели? Да что Вы?* не перестают быть вопросами и требуют ответной реакции собеседника:

– *Да что Вы?*

– *Уверю Вас* [Булыгина, Шмелев, 1982, с. 314–320].

Следует отметить, что самая высокая степень косвенности проявляется в высказываниях, содержащих иронию, метафору, а также во фразеологических структурах [Герасимова, 1985, с. 155]. Однако Дж. Серль утверждает, что косвенные речевые высказывания, метафора и ирония – абсолютно разные случаи расхождения между буквальным значением предложения и косвенным значением высказывания. Дело в том, что, употребляя косвенный речевой акт, говорящий хочет сказать нечто большее, чем он реально говорит. В результате в косвенном высказывании два значения – прямое и косвенное – сосуществуют. Употребляя в речи метафору, говорящий подразумевает некоторое иное значение высказывания – переносное. Метафора не может быть перефразирована, так как при любой замене часть её семантического содержания будет потеряна. И, наконец, в ироническом высказывании говорящий подразумевает противоположное тому, что он говорит. Следовательно, в иронии также проявляется некое переносное значение [Серль, 1986, с. 195–222]. В связи с этим Г. Г. Почепцов утверждает, что в косвенных предложениях исходное, прямое значение не устраняется. Оба прагматических значения сосуществуют. Переносное, добавочное значение наслаивается на прямое, основное:

– *Can you open the door?*

Данный пример сочетает в себе значения и просьбы и вопроса [Почепцов, 1986, с. 46].

В целом косвенный вопрос способствует созданию приятной, вежливой атмосферы общения. Он широко употребляется в повседневной разговорной речи. «Причина распространённости и употребительности косвенных высказываний, по-видимому, объясняется их исключительной ёмкостью и экономностью» [Гак, 1982, с. 17]. Косвенные вопросы осуществляют самые различные коммуникативные функции, а также могут запрашивать информацию. Косвенные вопросы дают возможность не только обозначить, но и выразить то дополнительное содержание, которое вытекает не из собственного значения, а из ситуации разговора и знания собеседниками экстралингвистической действительности.

3. Заключение

Проведённое исследование вопросительных предложений на материале трёх языков – русского, французского и английского – позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, обращение к исследованию вопроса от его формы к значению позволяет рассматривать как прямые вопросы – вопросы по форме и содержанию, так и косвенные – вопросы по форме, но не по содержанию.

Во-вторых, удалось обобщить важнейшие функции и разновидности вопросов. Первичная функция прямых вопросов – запрос имеющейся у собеседника информации. К разновидностям данного вопроса относятся выяснение при позитивном настрое собеседника (более частотное) и выпытывание при негативном настрое собеседника (менее частотное). Специфика косвенного вопроса состоит в том, что базисная иллокуция не совпадает с коммуникативной функцией – действительной иллокуцией, иными словами, базисная иллокуция подавляется действительной. Косвенный вопрос выполняет разные коммуникативные функции: контакто-устанавливающую, контролирующую, метакоммуникативную и уточняющую и, в целом, служит для создания приятной и вежливой атмосферы общения.

В-третьих, была показана разница в частотности двух видов вопросов: прямые вопросы встречаются значительно чаще, чем косвенные.

В перспективе для более полного описания особенностей функционирования вопросительных предложений необходимо учитывать вербальное окружение, в частности, ответ собеседника, чтобы иметь возможность учитывать более тонкие смысловые оттенки, понять которые можно только привлекая более широкий контекст.

Список литературы

1. Богданов, В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации [Текст] / В. В. Богданов // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1986. – С. 12–18.

2. Булыгина, Т. В. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Известия АН ССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 314–326.
3. Гак, В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи [Текст] / В. Г. Гак // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 5. – С. 12–19.
4. Гедз, С. Ф. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний с интеррогативным значением в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Гедз Светлана Федоровна; Киевский гос. лингв. ун-т. – Киев, 1998. – 22 с.
5. Герасимова, О. И. О типах значений косвенных высказываний [Текст] / О. И. Герасимова // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: сб. науч. тр. Калинин: Изд-во Калин. гос. ун-та, 1985. – С. 150–158.
6. Григорьев, В. А. К толкованию понятия «риторический вопрос» [Текст] / В. А. Григорьев // Прагматико-функциональное исследование языков: межвуз сб. – Кишинёв: Штиинца, 1987. – С. 33–41.
7. Жинкин, Н. И. Вопрос и вопросительное предложение [Текст] / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 22–34.
8. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка [Текст] / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
9. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
10. Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты [Текст] / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 349–383.
11. Кочарян, К. Э. Коммуникативное задание речевого акта выпитывание [Текст] / К. Э. Кочарян // Речевые акты в лингвистике и методике: межвуз. сб. науч. тр. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. пед. ин-та иностр. яз., 1986. – С. 92–95.
12. Ленерт, У. Проблемы вопросно-ответного диалога [Текст] / У. Ленерт // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 258–280.
13. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) [Текст] / Е. В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
14. Петерсон, М. Н. О вопросах [Текст] / М. Н. Петерсон // Русский язык в школе. – 1940. – № 2. – С. 38–40.
15. Почепцов, Г. Г. Молчание как знак [Текст] / Г. Г. Почепцов // Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки: тез. докл. IX Всесоюз. Совещ. – Киев: Наук. думка, 1986. С. 90–98.
16. Почепцов, О. Г. Семантика и прагматика вопросительного предложения (на материале английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Почепцов Олег Георгиевич; Киевский гос. ун-т. – Киев, 1979. – 24 с.
17. Сергеева, Т. А. Коммуникативные особенности риторических вопросов [Текст] / Т. А. Сергеева // Диалог о диалоге: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1991. – С. 57–62.

18. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты [Текст] / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. С. 195–222.
19. Телень, Э. Ф. Газета в современном мире [Текст] / Э. Ф. Телень. – М. : Высшая школа, 1991. – 158 с.
20. Хинтиikka, И. Вопрос о вопросах [Текст] / И. Хинтиikka // Философия в современном мире. Философия и логика. – М. : Наука, 1974. – С. 303–362.
21. Чахоян, Л. П. Взаимодействие интенций как фактор, определяющий типы межличностного общения [Текст] / Л. П. Чахоян, Ш. А. Паронян // Личностные аспекты языкового общения : межвуз. сб. науч. тр. – Калинин : Изд-во Калининск. ун-та, 1989. – С. 67–74.
22. Чхетиани, Т. Д. Специализированные метакоммуникативные сигналы поддержания речевого контакта [Текст] / Т. Д. Чхетиани // Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц : сб. науч. тр. – Краснодар : Изд-во Куб. гос. ун-та, 1987. – С. 27–33.
23. Шведова, Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1956. – № 2. – С. 67–82.
24. Шевченко, Г. В. Риторический вопрос – реакция на местоименный и неместоименный вопросы [Текст] / Г. В. Шевченко // Структура синтаксиса словосочетания и предложения в германских языках : сб. науч. тр. – Пятигорск : Изд-во Пятигорского госуд. пед. ин-та иностр. яз., 1990. – С. 15–24.
25. Шишкина, Т. А. Косвенное высказывание в теории речевой деятельности [Текст] / Т. А. Шишкина // Прагматика и структура текста : сб. науч. тр. – Вып. 209. – М. : Изд-во Моск. гос. пед. ин-т. иностр. яз. им. Мориса Тореза, 1983. – С. 83–92.
26. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л. В. Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 7–8.

Источники иллюстративного материала

27. Candler, R. Farewell, My Lovely [Text] / R. Candler // Farewell, My Lovely. Stories. – Moscow : Raduga Publishers, 1983. – 368 p.
28. Chase, J. H. A Lotus For Miss Quon [Text] / J. H. Chase. – Moscow : Manager, 2003. – 224 p.
29. Christie, A. Accident [Text] / A. Christie // Selected Stories. – Moscow : Raduga Publishers, 1976 a. 334 p.
30. Christie, A. Ten Little Niggers [Text] / A. Christie // Selected Detective Prose. – Moscow : Raduga Publishers, 1989 a. – 400 p.
31. Christie, A. The ABC Murders [Text] / A. Christie // Selected Detective Prose. – Moscow : Raduga Publishers, 1989 b. – 400 p.
32. Christie, A. The Mystery of the Blue Jar [Text] / A. Christie // Selected Stories. – Moscow : Raduga Publishers, 1976 b. – 334 p.
33. Hammett, D. The Glass Key [Text] / D. Hammett // Selected Detective Prose. – Moscow : Raduga Publishers, 1985 a. – 485 p.
34. Hammett, D. The Thin Man [Text] / D. Hammett // Selected Detective Prose. – Moscow : Raduga Publishers, 1985 b. – 485 p.

35. Saint-Exupéry, A. M. J.-B. R. *Le petit prince* [Text] / A. M. J.-B. R. Saint-Exupéry. – Word Press, 2015. – 107 p.

References

1. Bogdanov, V. V. (1986). Molchanie kak nulevoy rechevoy akt i ego rol' v verbal'noy kommunikatsii [Silence as a null speech act and its role in verbal communication]. *Yazykovo obshchenie i ego edinitsy* [Language communication and its units]. A collection of scientific papers (pp. 12–18). Kalinin : Kalinin State University Press.
2. Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1982). Dialogicheskie funktsii nekotorykh tipov voprositel'nykh predlozheniy [Functions of some types of interrogative sentences in the dialogue]. *Izvestiya AN SSR. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Soviet Academy of Sciences: Studies in literature and Language], 41 (4), 314–326.
3. Gak, V. G. (1982). Pragmatika, uzus i grammatika rechi [Pragmatics, usage and grammar of speech]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign Languages for Schools], 5, 12–19.
4. Gedz, S. F. (1998). *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti vyskazyvaniy s interrogativnym znacheniem v sovremennom angliyskom yazyke* [Communicative and pragmatic features of utterances with interrogative meaning in modern English]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kiev State Linguistic University.
5. Gerasimova, O. I. (1985). O tipakh znacheniy kosvennykh vyskazyvaniy [Types of meaning of indirect utterances]. *Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty sintaksisa* [Pragmatic and semantic aspects of syntax]. A collection of scientific papers (pp. 150–158). Kalinin : Kalinin State University Press.
6. Grigor'ev, V. A. (1987). K tolkovaniyu ponyatiya « ritoricheskiy vopros » [Explaining the notion of a rhetorical question]. *Pragmatiko-funktional'noe issledovanie yazykov* [Pragmatic and functional studies of languages]. A collection of papers (pp. 33–41). Kishinev : Shtiintsa Press.
7. Zhinkin, N. I. (1955). Vopros i voprositel'noe predlozhenie [A question and an interrogative sentence]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 3, 22–34.
8. Ivanova, I. P., Burlakova, V. V., Pocheptsov, G. G. (1981). *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Theoretical grammar of modern English]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
9. Katsnel'son, S. D. (2001). *Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya* [Categories of language and thought: From scientific heritage]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
10. Konrad, R. (1985). Voprositel'nye predlozheniya kak kosvennye rechevye akty [Interrogative sentences as indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New Issues in Foreign Linguistics] (Vol. 16: Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics], pp. 349–383). Moscow : Progress Press.
11. Kocharyan, K. E. (1986). Kommunikativnoe zadanie rechevogo akta vypytyvanie [Communicative task of eliciting]. *Rechevye akty v lingvistike i metodike* [Speech acts in linguistics and teaching methods]. A collection of scientific papers (pp. 92–95). Pyatigorsk : Pyatigorsk State Pedagogical University of Foreign Languages Press.

12. Lenert, U. (1988). Problemy voprosno-otvetnogo dialoga [Challenging aspects of question-answer dialogue]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New Issues in Foreign Linguistics] (Vol. 23 : Kognitivnye aspekty yazyka [Cognitive aspects of language], pp. 258–280). Moscow : Progress Press.
13. Paducheva, E. V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeny)* [Utterance in its relation to reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow : Nauka Press.
14. Peterson, M. N. (1940). O voprosakh [Concerning questions]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], 2, 38–40.
15. Pocheptsov, G. G. (1986). Molchanie kak znak [Silence as a symbol]. *Analiz znakovykh sistem. Istoriya logiki i metodologii nauki* [Analyzing language systems. The history of logic and science methodology]. Author abstracts of reports at All-Union Conference (pp. 90–98). Kiev : Nauk. dumka Press.
16. Pocheptsov, O. G. (1979). *Semantika i pragmatika voprositel'nogo predlozheniya (na materiale angliyskogo yazyka)* [Semantics and pragmatics of an interrogative sentence (Based on English)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kiev State University.
17. Sergeeva, T. A. (1991). Kommunikativnye osobennosti ritoricheskikh voprosov [Communicative features of rhetorical questions]. *Dialog o dialoge* [Dialog about dialog]. A collection of scientific papers (pp. 57–62) Saransk : Mordovia University Press.
18. Searle, J. R. (1986). Kosvennyye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New Issues in Foreign Linguistics] (Vol. 17 : Teoriya rechevykh aktov [The theory of speech acts], pp. 195–222). Moscow : Progress Press.
19. Telen', E. F. (1991). *Gazeta v sovremennom mire* [Newspaper in modern world]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
20. Khintikka, I. (1974). Vopros o voprosakh [A question about questions]. *Filosofiya v sovremennom mire. Filosofiya i logika* [Philosophy in modern world. Philosophy and logic] (pp. 303–362). Moscow : Nauka Press.
21. Chakhoyan, L. P., Paronyan, Sh. A. (1989). Vzaimodeystvie intentsiy kak faktor, opredelyayushchiy tipy mezhlichnostnogo obshcheniya [Interaction of intentions as a factor determining communication types]. *Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya* [Personality aspects of language communication]: A collection of scientific papers (pp. 67–74). Kalinin : Kalinin University Press.
22. Chkhetiani, T. D. (1987). Spetsializirovannyye metakommunikativnyye signaly podderzhivaniya rechevogo kontakta [Specialized meta-communicative signals of supporting speech contact]. *Pragmaticheskie i tekstovyye kharakteristiki predikativnykh i kommunikativnykh edinits* [Pragmatic and text features of predicative and communicative units]: A collection of scientific papers (pp. 27–33). Krasnodar : Kuban State University Press.
23. Shvedova, N. Yu. (1956). K izucheniyu russkoy dialogicheskoy rechi. Repliki-povtory [Studying dialogues in Russian. Response repetitions]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], 2, 67–82.
24. Shevchenko, G. V. (1990). Ritoricheskiy vopros – reaktsiya na mestoimenny i nemestoimenny voprosy [Rhetorical questions – a reaction to pronoun and non-

- pronoun questions]. *Struktura sintaksisa slovosochetaniya i predlozheniya v germanskikh yazykakh* [The structure of word-group and sentence syntax in Germanic languages] : A collection of scientific papers (pp. 15–24). Pyatigorsk : Pyatigorsk State Pedagogical University of Foreign Languages Press.
25. Shishkina, T. A. (1983). Kosvennoe vyskazyvanie v teorii rechevoy deyatel'nosti [Indirect utterance in the theory of speech activity]. *Pragmatika i struktura teksta* [Text pragmatics and structure] : A collection of scientific papers (Vol. 209, pp. 83–92). Moscow : Moscow Pedagogical State University Press.
26. Shcherba, L. V. (1957). *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected papers on the Russian language]. Moscow : Uchpedgiz Press.

Illustration material sources

27. Candler, R. (1983). *Farewell, My Lovely. Farewell, My Lovely. Stories*. Moscow : Raduga Publishers.
28. Chase, J. H. (2003). *A Lotus For Miss Quon*. Moscow : Manager Press.
29. Christie, A. (1976 a). Accident. *Selected Stories*. Moscow : Raduga Publishers, 1976. 334 p.
30. Christie, A. (1989 a). Ten Little Niggers. *Selected Detective Prose*. Moscow : Raduga Publishers.
31. Christie, A. (1989 b). The ABC Murders. *Selected Detective Prose*. Moscow : Raduga Publishers.
32. Christie, A. (1976 b). The Mystery of the Blue Jar. *Selected Stories*. Moscow : Raduga Publishers.
33. Hammett, D. (1985 a). The Glass Key. *Selected Detective Prose*. Moscow : Raduga Publishers.
34. Hammett, D. (1985 b). The Thin Man. *Selected Detective Prose*. Moscow : Raduga Publishers.
35. Saint-Exupéry, A. M. J.-B. R. (2015). *Le petit prince*. Word Press.

УДК 811.512
UDC 811.512

Чертыкова Мария Дмитриевна
Институт гуманитарных исследований
и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
Maria D. Chertykova
Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies
Katanov State University of Khakassia
Abakan, Russian Federation
chertikova@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКА «НАПРАВЛЕНИЕ ВЗГЛЯДА»
В СЕМАНТИКЕ ХАКАССКОГО ГЛАГОЛА
КÖP- «СМОТРЕТЬ, ВИДЕТЬ»
MANIFESTATION OF «DIRECTION OF VIEW» MEANING
IN THE SEMANTICS OF KHAKAS VERB
KÖP- «LOOK, SEE»

Аннотация

Статья посвящена описанию семантической структуры общетюркского глагола *kör*-«смотреть, видеть» и выявлению дифференциальных признаков в его семантике. В частности, анализируется реализация признака «направление взгляда» в сочетании с именем в винительном и направительном падежах, с придаточными предложениями, описывающими конкретные ситуации, а также с соответствующими по значению наречиями. Будучи многозначной лексемой, помимо прямого значения, данный глагол обладает ещё восемью переносными, общими для других тюркских языков, относимыми к трём сферам: социальной, эмоциональной и ментальной. Помимо этого, на хакасском материале выделено ещё четыре лексико-семантических варианта, в которых сохраняется сема перцептивности, хотя она и перестаёт быть доминирующей. Всё это демонстрирует огромные словообразовательные и структурно-аналитические возможности данного глагола в хакасском языке.

Abstract

The current paper aims at describing the semantic structure of the common Türkic verb *kör*-«look, see» and identifying the relevant features in its semantics. Particularly, the meaning of «direction of view» is analyzed when the verb is joined by a noun in the accusative and directional cases, a subordinate clause describing specific situations as well as adverbs with the corresponding meaning. Being polysemantic, the verb, beside its direct meaning, is characterized by 8 indirect ones that are common for other Turkic languages; they are related to 3 spheres: social, emotional, and mental. In addition to those, 4 other lexical-semantic variants were found that preserve the seme of perceptiveness, although it is not dominant in them. All these findings demonstrate huge word-building, high structural and analytic potential of this verb in the Khakas language.

Ключевые слова: хакасский язык, глагол, восприятие, семантика, признак, объект, субъект.

Keywords: Khakas language, verb, perception, semantics, attribute, object, subject.

doi: 10.22250/2410_7190_2018_4_4_144_154

1. Введение

Особенности восприятия человеком мира и окружающей действительности как самые значимые виды его жизнедеятельности вызывают несомненный интерес исследователей в таких сферах науки, как психология, философия, языкознание, литературоведение и других. В процессе исследования восприятия в рамках отдельных дисциплин выработано множество определений данного понятия. На основе имеющихся многочисленных определений можно сделать вывод о том, что процесс восприятия в значительной степени носит субъективный характер: хотя человек и не может влиять на ход событий, которые он воспринимает, он извлекает из него то, что хочет видеть, слышать, осязать. При наличии объективной составляющей данного процесса, обработка и интерпретация полученной информации всё же происходит в индивидуальном порядке.

Лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) глаголов восприятия является одной из важных и основных групп в лексической системе, включающей наиболее частотные, стилистически не ограниченные глаголы любого языка. В хакасском языке способность человека воспринимать мир посредством органов чувств обозначается в основном непереходными глаголами общетюркского происхождения. Эти глаголы образуют семантическое поле на основании общности категориально-лексической семы «воспринимать окружающий мир посредством функционирования определённых органов (зрением, слухом, обонянием, осязанием)», например, *кӧр-* «смотреть, видеть», *ис-* «слышать», *чыста-* «нюхать», *тең-* «притрагиваться» и другие. В употреблении они также могут быть безобъектными и, тем самым, выражать способность человека воспринимать окружающую действительность. Так, в лексико-семантическом варианте (далее – ЛСВ) «иметь зрение (способность видеть)» глагол *кӧр-* легко сочетается с наречиями качества типа *чахсы* «хорошо», *хомай* «плохо», *чадап ла* «еле-еле, кое-как». Это можно продемонстрировать на нижеследующем примере. *Конаң харындас пу чазына ам даа чохсы кӧрче* – Брат Конан в своём пожилом возрасте ещё хорошо видит.

Полное отсутствие зрения обозначается глаголом *кӧр-* в отрицательной форме: *кӧрбинче* «не видит» или же сочетанием *харах чох* «слепой; букв. без глаз». В хакасском языке, как и в других языках, наиболее обширными по семантике и частотными по употребительности являются общетюркские глаголы *кӧр-* «смотреть, видеть» и *ис-* «слышать».

Цель статьи – выявление и описание дифференциальных признаков в семантической структуре многозначного и одного из базовых перцептивных глаголов *kör-* в аспекте осмысления феномена человека.

2. Семантическая структура общетюркского глагола *kör-* «смотреть, видеть»

Данный глагол в различных фонетических вариантах (*kör-*, *gör-*) представлен во всех тюркских языках и его первоначальное значение «смотреть, видеть» получило семантическое развитие в вариантах: «испытывать», «ухаживать», «считать», «оценивать» почти во всех тюркских языках. Однако в Древнетюркском словаре его семантика представлена несколько иначе: 1) видеть, смотреть [...]; 2) повиноваться, подчиняться [...]; 3) испытывать, иметь [...]; 4) слушать, воспринимать [...]; 5) загадывать [...]; 6) в знач. служ. глаг. [...] [ДТС, 1969, с. 317]. Этимология этого слова и его связь со словом *köz* «глаз» вызывает активный интерес лингвистов. А. А. Юлдашев пишет, что глагол *kör-* обнаруживает несомненную этимологическую связь с общетюркским словом *köz* «глаз», сопоставление с которым делает возможным усмотреть в нём корень *kə* и формант *-p*, представленный также и в татарском *үкер-* «мычать», «выть» (ср. *үгез* «бык») и других образованиях. При таком предположении и соответствующий фонетический вариант *-z* в словах *köz* и *үгез* приходится рассматривать как формант [Юлдашев, 1961, с. 300]. По мнению Б. И. Татаринцева, «тюрк. глаг. *kör-* «смотреть» может быть интерпретирован так и как форма побуд. залога от указ. основы **kə-*, образованная с помощью форманта *-p*. Эта форма конкурирующая по отношению к **köz*, которая и была затем вытеснена *kör-* из активного употребления» [Татаринцев, 2004, с. 248].

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, глагол *kör-* «смотреть, видеть», в силу своей частотности, выражает как прямые, так и переносные (неперцептивные) значения: «1) видеть; обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением что-л.; 3) присматривать, ухаживать за кем-л.; 4) испытывать, переносить, претерпевать, переживать что-л.; 5) сознавать, понимать что-л.; 6) находить, считать кем-л., чем-л., принимать за кого-л.; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово (выражает иронию); *körіңердек се аны* «посмотрите-ка на него»; 9) вводное слово (обозначает источник высказываемой мысли; *мин көргенде* «на мой взгляд» [ХРС, 2006, с. 205–206]. По данным других тюркско-русских словарей, рассматриваемый глагол имеет идентичные с хакасскими ЛСВ глагола *kör-*, например, тувинский глагол *kөөр-* /*kөр-* [ТРС, 1968, с. 183–184], якутский *kөр-* [ЯРС, 1972, с. 180] и кыргызский *kөр-* [КРС, 1985, с. 427–428] и другие. Семантическое содержание алтайского варианта глагола *kör-* также имеет те же самые ЛСВ, но, в отличие от названных, он может выражать просьбу: *угуп көр-* «пожалуйста, послушай»; *куучындажып көр-* «попробуй поговорить» [АРС, 2018, с. 381].

В целом, значение глагола *көр-*, помимо основного значения «смотреть, видеть», связано с различными сферами жизнедеятельности.

I. В с о ц и а л ь н о й сфере выделяются два ЛСВ:

1) присматривать за маленькими детьми:

Паланы көр – Присмотри за ребёнком;

2) ухаживать за пожилыми людьми, домашним скотом, хозяйством:

(1) *Ооллары кирі ічелерін чахсы көрчелер* – Сыновья хорошо ухаживают за старой матерью;

(2) *Мин парыбыссам, малны, огородты көрерзер* – Когда я уеду, ухаживайте (букв. «смотрите») за скотом и огородом.

Реализация данных ЛСВ глагола *көр-* подразумевает физические и поведенческие действия субъекта, направленные на конкретный объект, который находится в центре его поля зрения.

II. В э м о ц и о н а л ь н о й сфере глагол *көр-*, реализуясь в ЛСВ «испытывать, переносить, претерпевать, переживать что-л.», обычно управляет абстрактными именами, обозначающими какие-либо негативные переживания и состояния человека.

(1) *Че хайдаг даа хыйал көрзе, ол ибіркізіне чахсы ла идерге сагынчаң* [СкТ, с. 25] – Какие бы *страдания* она ни *испытывала* (букв. «ни видела»), она всегда старалась делать добро окружающим (здесь и далее перевод наш – М. Ч.).

(2) *Ол чолда көп ирее көрген* [Чкч, с. 22] – Он много *мучений* *пережил* (букв. «видел») в пути.

Если же в объектной роли выступают имена с положительным содержанием, то глагол *көр-*, как правило, принимает аффикс отрицательной формы *-бе*.

(1) *Чылыг сузны ол азып, чахсы даа ниме көрбеен* [Чкч, с. 23] – Перейдя тёплую воду, он не видел ничего хорошего.

(2) *Пу позым полгали, хамның тузазын көрбедім* [Хл, с. 26] – Прожив на свете столько лет, я не видел пользу от шамана.

III. В м е н т а л ь н о й сфере, выступая в роли ментального глагола, *көр-* выражает логическое умозаключение субъекта о сущности конкретных ситуаций, явлений и так далее и может управлять придаточным предложением. Ниже приведены два иллюстрирующих примера.

(1) *Хайди син көрчезің, ол мында кирек пе?* – Как ты *считаешь*, он нужен здесь?

(2) *Постары көрзіннер, олох минің чоозымны олар истинчелер* – Пусть сами *решают*, все равно они меня не слушают.

Помимо общетюркского глагола *көр-*, ментальное значение отмечается и у русского глагола видеть [Апресян, 2008, с. 297–306; Омельченко, 2004 и др.], актуализирующего данное значение «при помощи смысловой модели предложения, которая представляет собой энтимему, состоящую из «посылки» [...] и вывода [...]» [Омельченко, 2004, с. 224].

Как видим, во всех приведённых случаях глагол *көр-* имеет переносное значение. По свидетельству А. А. Юлдашева, эмоциональное и мен-

тальное значения глагола *көр-* распространены во многих тюркских языках, что объясняется тем, что его «исходное значение охватывает весьма широкое понятие, связанное со множеством других, более частотных, но родственных с ним понятий» [Юлдашев 1961, с. 303–304].

Кроме того, наш фактический материал позволяет выделять следующие ЛСВ в семантике данного глагола:

1) «быть зрителем на культурных, спортивных и других мероприятиях»: концерт (*ойын, айтыс, кўрес, атчарызын* и т. д.) *көрерге* – смотреть концерт (спектакль, состязания тахпахчы, борьбу, скачки и т. д.);

2) «проводить медосмотр пациента»: *Имчи чылдың сай аалдагы палаларның тістерін көрче* – Врач каждый год *обследует* зубы сельских детей;

3) «встретиться с кем-л.»: *Мин кичее Лизаны көргем* – Я вчера *встречала* Лизу;

4) проверять что-либо: *Хыра көрерге чөр килдім* [П, с. 5] – Я сходил, чтоб *посмотреть* за пашней (т. е. проверить, всё ли в порядке с пашнями).

Во всех этих ЛСВ глагола *көр-* сохраняется сема перцептивности, хотя и перестаёт быть доминирующей.

В качестве вспомогательного глагола *көр-* обозначает, что действие совершается для пробы («пробовать делать что-либо»). Приведём примеры.

(1) *Син адыңны пазох чіке турғыс көрдек* [Чкч, с. 195] – Ты *попробуй-ка* опять поставить на дыбы свою лошадь.

(2) *Пуўн фашисттер ікі танк пользыинаң сыын көргеннерөк* [Чкч, с. 199] – Сегодня фашисты с двумя танками тоже *пробовали* сунуться [к нам].

(3) *Тогын көрзін. Уезд ыстыр нооза – нымзах сизіндірче Петр Иванович – Пусть поработает* (попробует поработать). [Его] уезд же направил к нам, оказывается – мягко замечает Петр Иванович.

Размытость границ перцептивного акта порождается особенностями психологического восприятия субъектом окружающей действительности, о чём свидетельствует наличие различных номинаций зрительного процесса во всех языках. В русском языке «перцептивный компонент входит в значения многих глаголов (*любоваться, созерцать, наблюдать, искать, внимать, мелькать, промелькнуть, маячить, торчать, белеть, заглохнуть, заглушить, блестеть* и т. д.), семантика которых предполагает Наблюдателя» [Авдевина, 2012, с. 10].

3. Объектное распределение признака «направление взгляда» в семантике глагола *көр-* «смотреть, видеть»

При реализации глагола *көр-* в вышеперечисленных ЛСВ объект также предсказуем, специализирован, например, при реализации ЛСВ «испытывать, переносить, претерпевать, переживать что-л.» глагол *көр-* управляет объектом, выражающим отрицательные эмоции и состояния.

Андаг даа полза, ниме чахсызын көрчелер [П, с. 6] – Если даже и так, что хорошего они *видят*.

Нередко объектные описания показывают полярные качества состояний жизнедеятельности человека, как в следующем примере.

Мин өрiнiстi дее, чобагны даа, чахсыны даа, хомайны даа көргем – Я видел и радость, и горе, и хорошее, и плохое.

При помощи аффикса *-че* глагол *көр-* также может участвовать в сложной сравнительной конструкции, где первая часть представляет собой отрицательную оценку происходящей ситуации, а вторая часть – эталон решения вопроса.

(1) *Мындаг чуртасты көргенче, тайгада аңнар аразында чуртирчыхпын* [П, с. 18] – **Чем видеть** такую жизнь, я бы лучше жила в тайге, среди зверей.

(2) *Ой, хыстар, хайди поларбыстар? Мин, андаг чуртас көргенче, ол парарбын* [П, с. 11] – Ой, девушки, что с нами будет? **Чем видеть** такую жизнь, я лучше умру.

Один из основных признаков семантики глагола *көр-* – это «направление взгляда», которая может быть конкретизирована дифференциальными семами «вверх», «вниз», «назад», «в какую-либо сторону», «на все объекты». Данный признак чаще реализуется именем в винительном падеже, выражающим предмет или лицо.

(1) *Тазны көргелекке, идегің көдірбе, сузны көргелекке, маймааң суурба* [П, с. 22] – Пока не увидел *гору*, не поднимай [свой] подол, пока не увидел реку, не снимай [свою] обувь.

(2) *Андаг телефоннар полар: чоохтасчатхан кiзiнi телефонда көрeрзiң* [П, с. 54] – Будут такие телефоны: в телефоне будешь видеть **человека**, с которым разговариваешь.

Однако в случаях, когда объект не конкретизируется, как правило, аффикс винительного падежа выпадает.

(1) *Харол чи ниме көрче, ам чалчы тутчаң үлгү чоғыл* [П, с. 13] – А Харол куда (букв. «что») смотрит, сейчас нет такого закона, чтоб держать батраков.

(2) *Сагам маңзырир даа ниме көрбинчем* [П, с. 35] – Пока не вижу **повода** торопиться.

Глагол *көр-* в роли деепричастия управляет именем с символическим содержанием, находящимся на пересечении ментального и материального восприятия ситуации, т.е. объектное слово с конкретным значением становится знаковым, репрезентирующим ядро концептуально-языкового понимания субъектом определённых ситуаций и явлений действительности.

(1) *Эх, Хароол..., Хароол, пай поларга сагынгазың, Кужаковтың пайын көрiп, пазың айланыбысхан* [П, с. 33] – Эх, Хароол..., Хароол, [ты] хотел быть богатым, у тебя голова закружилась, **при виде** (букв. «видя») **богатства Кужакова**.

(2) *Синi көрiп, iстiм көйедiр, Айдолай. Ир кiзi андаг поларга кирек, пiр нимее хомзынмас* [П, с. 6] – **При виде** (букв. «видя») **тебя**, я завидую, Айдолай. Мужчина таким и должен быть, не надо ничему огорчаться.

Главная часть таких сложноподчинённых предложений передаёт процесс, происходящий вследствие знаковых явлений и ситуаций. Однако

зафиксированы также примеры, где глагол *көр-* в роли деепричастия управляет именем с предметным конкретным значением.

(1) *Хара хан тасхар, сині көрiп, турчадыр* [Хл, с. 17] – Хара хан стоит на улице, **смотря на тебя**.

(2) *Аал аразында түлгүні көр салып, адайлар, хайдар-хайдар үрiзiп, сүр сыхтылар, кiзiлер, тiзең, азас – тастыг сүрiсчелер* [Хл, с. 37] – В деревне собаки, **увидев лисицу**, стали сильно лаять и пустились в погоню, а люди стали гоняться за ней с камнями и палками.

В качестве объекта смотрения нередко выступают описания ситуаций или явлений, оформленные в виде зависимых конструкций с главным словом с аффиксом винительного падежа.

Сойанны ат саларга кирек, паза минің Хызиркемзер чагын чөрбезiн. Кичее хада ырласханнарын көргем [П, с. 23] – Надо пристрелить Сойана, чтоб больше близко не подходил к моей Хызирке. Вчера [я] видел, **как они пели вместе**.

Также в качестве объекта у глагола *көр-* «смотреть, видеть», может выступать придаточное предложение, вводимое такими союзными словами, как *хайди* «как», *ниме* «что».

(1) *Че кем көрче, хайди аның күстiг паза ник чүреенде пүүн хатап төрiпче кiзi* [Ат, с. 159] – Но кто видит, **как** в его сильном и мужественном сердце сегодня перерождается новый человек.

(2) *Мин көрчөм, ниме сiрер итчезер күн тооза, сагынчазар, көрбинчөм* – Я вижу, **чем** вы занимаетесь целыми днями (букв. «что вы делаете целыми днями»), вы думаете, я не вижу.

Обычно придаточные предложения в таких конструкциях описывают конкретные ситуации, находящиеся в зоне внимания субъекта.

В контексте признак «направление взгляда» семантики глагола *көр-* нередко уточняется существительным, местоимением в форме направительного падежа, например, *тагзар* «на гору», *минзер* «на меня», *чолзар* «на дорогу», *тигзер* «туда», *столзар* «на стол», *туразар* «на дом» и так далее.

(1) *Угаа ачыныстыг сырай минзер сөрөн көрче* [Тч, с. 19] – Очень милое лицо холодно смотрит **на меня**.

(2) *Айып хараам, синзер көргем, ай-күннең чарых хынызым* [Тч, с. 14] – Ослепляя [мои] глаза, смотрела **на тебя**, [моя] любовь, которая светлее луны и солнца.

В отличие от объектного выражения в винительном падеже, данный способ выражения направления взгляда шире, поскольку помимо основной цели взглядом охватываются и окружающие и близлежащие с объектом предметы и явления.

Признак «направление взгляда» семантики глагола *көр-* наиболее ярко проявляется в сочетании с наречиями типа *хыйа* «в сторону», *көнi* «прямо», *өөр* «вверх», *алтынзар* «вниз», *ибiре, ибiре-сибiре* «вокруг», *тигзер* «туда» и так далее.

(1) *Хадарчы, хыйа көрiбiскенде, үстүнзер атыгыбысхам* [Чкч, с. 165] – Когда сторож посмотрел **в сторону**, [я] прыгнул на него.

(2) *Хара Хоосха сыга сал парган, ханның ізиин тырбахтабысхан, ибіре-сибіре көрібіскен* [Хл, с. 41] – Чёрная Кошка вышла, поцарапала дверь царя, посмотрела **вокруг**.

Реализация признака «направление взгляда» требует обязательного объектного присутствия, что составляет основу описательного характера предложения. При этом признак «направление взгляда» неотделим от идеи внимания субъекта, позицию которого занимает имя антропоцентрической направленности. Сема «внимание» может эксплицироваться сочетанием глагола с деепричастием *ситкіп* «внимательно».

Тігі ікі аңчыны ситкіп көр, чагдап одырзаларох, тизерзің – Внимательно смотри на тех двух охотников, если они начнут приближаться, убегай.

Таким образом, «интерпретация экспериента (в данном случае – субъекта – М. Ч.) соотносится не только с его восприятием окружающего мира, но и с психологическим и физиологическим аспектами его деятельности. Тем самым экспериент (субъект – М. Ч.), обладающий способностью воспринимать, противопоставляется объекту, который наделён силой воздействия на него [Чертыкова, 2017, с. 176].

4. Заключение

Итак, глагол *көр-* «смотреть, видеть» (в соответствующих фонетических вариантах) представленный во всех тюркских и в древнетюркском языках, является многозначной лексемой. В современных тюркских языках семантическая структура данного глагола демонстрирует сходства в количественном и качественном отношении, однако анализ собранного нами материала позволил выделить в семантике хакасского глагола *көр-* ещё четыре лексико-семантических варианта. В силу высокой частотности, помимо своего первоначального значения, глагол *көр-* допускает переносные и образные употребления, не характерные для его синонимов, имеющих более специализированные значения, выраженные в таких основных признаках, как целенаправленность действия (харахсын- «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг»; хара- «1) пристально смотреть; всматриваться; 2) обозревать что-л.»), «через что-то» (пахла- «выглядывать») и так далее.

В объектном отношении у глагола *көр-* «смотреть, видеть» развиты разнообразные дифференциации. В данной статье мы рассмотрели один из его основных семантических признаков «направление взгляда», реализация которого требует сочетания с именем в винительном и направительном падежах, с придаточными предложениями, описывающими конкретные ситуации, а также с соответствующими по значению наречиями. Имплицитно сопутствующим данному признаку является признак «внимание».

В лингвистике обычно глаголы восприятия принято рассматривать с точки зрения активности/пассивности субъекта и целенаправленности/нецеленаправленности процесса. В русском языке имеются два базовых глагола зрительного восприятия *смотреть* и *видеть*, актуализирующих эти

полярные критерии: глагол смотреть выражает целенаправленный процесс, соответственно, субъект процесса активен, а глагол видеть в этом отношении состоит в бинарной оппозиции к смотреть. Однако в тюркских языках глагол *kör-* имеет обширную семантику и может выполнять функции обоих глаголов, чему, помимо обширности семантики, способствуют также его словообразовательные и структурно-аналитические возможности.

Список литературы

1. Авдеевна, О. Ю. Семантика 'состояние v. действие' в содержании перцептивных глаголов [Текст] / О. Ю. Авдеевна // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т. 12. Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 2. – С. 10–18.
2. Апресян, Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I : Парадигматика [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
3. Омельченко, С. Р. Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов [Текст] / С. Р. Омельченко // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 31. – С. 217–229.
4. Чертыкова, М. Д. Языковая концептуализация экспериентального статуса восприятия (на материале хакасского языка) [Текст] / М. Д. Чертыкова // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы Четвёртой Международной научно-практической конференции, посвященной 155-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова (27–29 сентября 2017 г.). – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2017. – С. 173–176.
5. Юлдашев, А. А. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках [Текст] / А. А. Юлдашев // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М. : АН СССР, 1961. – С. 294–461.

Список лексикографических источников

6. АРС – Алтайско-русский словарь [Текст] / отв. ред. А. Э. Чумакаев ; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
7. ДТС – Древнетюркский словарь [Текст] / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л. : Изд-во «Наука», Ленинг. Отделение, 1969. – 676 с.
8. КРС – Киргизско-русский словарь. В 2 книгах. Около 40000 слов [Текст] / сост. К. К. Юдахин. Книга 1 : А-К. – Фрунзе, 1985. – 504 с.
9. ТРС – Тувинско-русский словарь: около 22000 слов [Текст] / под ред. Э. Р. Тенишева. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 648 с.
10. ХРС – Хакасско-русский словарь [Текст] / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
11. ЭСТЯ – Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка [Текст] Б. И. Татаринцев. – Т. III : К, Л. – 2-е изд., доп. – Новосибирск : Наука. 2004. – 440 с.
12. ЯРС – Якутско-русский словарь. 25300 слов [Текст] / под ред. П. А. Слепцова. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. – 568 с.

Список текстовых источников

13. Ат – Татарова, В. Аат табызы : повесть [Текст] / В. Татарова. – Абакан : Хак. кн. Изд-во, 1991. – 176 с.
14. П – Пьесалар : сборник пьес [Текст] / М. Е. Кильчичаков, В. Г. Шульбаева, Митхас Туран, Г. Г. Котожеков. – Абакан : Хак. издат., 1991. – 264 с.
15. Тч – Казачинова, Г. Г. Төлібіс чулазы (Древо жизни) : стихи и переводы [Текст] / Г. Г. Казачинова. – Абакан : ДиалогСибирь-Абакан, 2010. – 140 с.
16. Хл – Кирбижекова, У. Н., Коков, И. Ф. Хакас литературазы : 4 класс [Текст] / У. Н. Кирбижекова, И. Ф. Коков. – Абакан, 1977. – 140 с.
17. Чкч – Чарых күнниг чирім. Солнечный мой край : сб. художественных произведений хакасских авторов [Текст] / сост. : А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. – Абакан : Хак. кн. Изд-во, 2007. – 348 с.

References

1. Avdevnina, O. Yu. (2012). Semantika 'sostoyanie v. dejstvie' v sodержanii perceptivnyh glagolov [Semantics of 'State vs. Action' in the content of perception verbs]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Series : Philology. Journalism], 12 (2), 10–18.
2. Apresyan, Yu. D. (2009). *Issledovaniya po semantike i leksikografii* [Research in semantics and lexicology]. Vol. I: Paradigmatika [Paradigmatics]. Moscow : Yazyki slavyanskih kul'tur Press.
3. Omel'chenko, S. R. (2004). Funkcional'no-semanticheskaya harakteristika russkih mental'nyh glagolov [Functional and semantic features of Russian verbs of mental activity]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia. Ural State University Journal], 31, 217–229.
4. Chertykova, M. D. (2017). Yazykovaya kontseptualizatsiya ehksperiental'nogo statusa vospriyatiya (na materiale hakasskogo yazyka) [Language conceptualization of the experiential status of perception (Based on the Khakas language)]. *Narody i kul'tury Yuzhnoj Sibiri i sopredel'nyh territoriy. Proc. of the Fourth International Scientific-Practical Conference to the 155th anniversary of N. F. Katanov* (September 27–29, 2017) (pp. 173–176). Abakan : Khakassiya Press.
5. Yuldashev, A. A. (1961). Glagoly chuvstvennogo vospriyatiya (verba sentiendi) v tyurkskih yazykah [Verbs of sense perception]. *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskih yazykov* [Historical development of lexical systems in Turkic languages] (pp. 294–461). Moscow : Academy of Sciences of the USSR Press.

Dictionaries

6. ARS – Chumakaev, A. E. (ed.) (2018). *Altaysko-russkiy slovar'* [Altaic-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk : S. S. Surazakov Institute for Altaic Studies.
7. DTS – Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbak, A. M. (eds). (1969). *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad : Nauka Press.
8. KRS – Yudakhin, K. K. (ed.). (1985). *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kirgiz-Russian Dictionary]. In 2 volumes. Around 40000 words. Vol. 1 : A-K. Frunze.

9. TRS – Tenishev, E. R. (ed). (1968). *Tuvinsko-russkiy slovar': okolo 22000 slov* [Tuvan-Russian Dictionary: Around 22000 words]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.
10. KhRS – Anzhiganova, O. P., Baskakov, N. A., Borgoyakov, M. I., Inkizhekova-Grekul, A. I., Patachakova D. F., Subrakova, O. V., Beloglazov, P. E., Kaskarakova, Z. E., Kyzlasov, A. S., Sunchugashev, R. D., Chertykova, M. D. (2006). *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian Dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.
11. ESTYa – Tatarintsev, B. I. (2004). *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. III : K, L. 2nd ed., with additions. Novosibirsk : Nauka Press.
12. YaRS – Sleptsova, P. A. (ed.). (1972). *Yakutsko-russkiy slovar'. 25300 slov* [Yakut-Russian dictionary. 25300 words]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.

Texts for analysis

13. At – Tatarova, V. (1991). *Aat tabyzy* [Scoter cry]: novel. Abakan : Khakassia Press.
14. P – Kil'chichakov, M. E., Shulbaeva, V. G., Turan, Mitkhas, Kotozhekov, G. G. (1991). *P'esalar* [Plays] : A collection of plays. Abakan : Khakassia Press.
15. Tch – Kazachinova, G. G. (2010). *Tölibis chulazy* [The Tree of Life] : Poems and translations. Abakan : DialogSibir-Abakan Press.
16. Khl – Kirbizhekova, U. N., Kokov, I. F. (1977). *Khakas literaturazy* [The literature of Khakassia] : For the 4th grade. Abakan.
17. Chkch – Sultrekov, A. E., Cheltygmasheva, L. V., Maynagasheva, N. S. (2007). *Charykh kynnig chirim* [My land of sunshine] : A collection of fiction by Khakas authors. Abakan : Khakassia Press.

Наши авторы

Андросова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru

Анисенкова Екатерина Владимировна, студент Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: la-fleur1997@mail.ru

Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии Наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: albury@mail.ru

Зубарева Екатерина Олеговна, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация, email: fialka21-85@mail.ru

Иванашко Юлия Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru

Ильин Андрей Валерьевич, кандидат медицинских наук, заведующий отделением лучевой диагностики Дальневосточного научного центра физиологии и патологии дыхания, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: ALERO82@yandex.ru

Кожина Наталья Витальевна, студент Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: natalyakozhinamailru@mail.ru

Кравец Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: t_kravetc@mail.ru

Лейфа Ирина Ильинична, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: iilblg@mail.ru

Морозова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru

Процукович Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru

Путина Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: onputina@mail.ru

Чертыкова Мария Дмитриевна, доктор филологический наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: chertikova@yandex.ru

Our authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru

Ekaterina V. Anisenkova, student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: la-fleur1997@mail.ru

Alexis A. Burykin, Doctor of Philology, senior researcher, Department of Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, email: albury@mail.ru

Ekaterina O. Zubareva, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: fialka2185@mail.ru

Yulia P. Ivanashko, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, email: polia-80@mail.ru

Andrey V. Ilyin, PhD in Medicine, Head of Department of Radiation Diagnosis, Far Eastern Scientific Center of Physiology and Pathology of Respiration, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: ALERO82@yandex.ru

Natalya V. Kozhina, student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: natyakozhinamailru@mail.ru

Tatyana V. Kravets, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: t_kravetc@mail.ru

Irina I. Leyfa, PhD in Pedagogy, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: iilblg@mail.ru

Olga N. Morozova, PhD in Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru

Elena A. Protsukovich, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru

Olga N. Putina, senior teacher, English for Specific Purposes Department, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: onputina@mail.ru

Maria D. Chertykova, Doctor of Philology, senior researcher, Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation, email: chertykova@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Бурькин А. А.</i>	Тюрко-монгольские и тюрко-тунгусо-маньчжурские лексические связи в новой перспективе: возможности алтайской теории для выявления древних языковых контактов	5
<i>Зубарева Е. О.</i>	Оценочный компонент концепта «мигрант»	27
<i>Иванашко Ю. П., Морозова О. Н., Андросова С. В., Ильин А. В.</i>	Артикуляционное описание гласных и согласных звуков орончонского языка (по результатам МРТ)	36
<i>Кожина Н. В., Андросова С. В.</i>	Моделирование конкорданса (на материале труда В. Б. Касевича «Фонологические проблемы общего и восточного языкознания»)	59
<i>Кравец Т. В., Процукович Е. А., Морозова О. Н., Максимова Л. Н.</i>	Социолингвистическая экспедиция в село Усть-Уркима Амурской области	78
<i>Лейфа И. И., Анисенкова Е. В.</i>	Особенности цветообозначения в немецкой поэзии (на примере поэзии Й. фон Эйхендорфа)	91
<i>Морозова О. Н.</i>	К вопросу о ритме в эвенкийском языке	101
<i>Процукович Е. А., Морозова О. Н.</i>	Мелодический контур рамочных конструкций побудительного типа в эвенкийском языке	115
<i>Путина О. Н.</i>	Типология вопроса: традиционный подход	127
<i>Чертыкова М. Д.</i>	Реализация признака «направление взгляда» в семантике хакасского глагола <i>көр-</i> «смотреть, видеть»	144
<i>Информация об авторах</i>		155

CONTENTS

Original Papers

<i>Burykin A. A.,</i>	New perspective of Turkic-Mongolian and Turkic-Tungus-Manchu lexical links: The Altaic theory possibilities for revealing ancient language contacts	5
<i>Zubareva E. O.</i>	The evaluation component of the «migrant» concept	27
<i>Ivanashko Yu. P., Morozova O. N., Androsova S. V., Ilyin A. V.</i>	Articulatory description of the Orochon vowels and consonants (Based on MRI)	36
<i>Kozhina N. V., Androsova S. V.</i>	Concordance modeling (Based on V. B. Kasevich «Phonological issues of general and Asian studies of language»)	59
<i>Kravets T. V., Protsukovich E. A., Morozova O.N.</i>	Sociolinguistic expedition to the village of Ust-Urkima, Amur Region	78
<i>Leifa I. I., Anisenkova E. V.</i>	Peculiarities of color terms in German poetry (Based on J. von Eichendorff's poetry)	91
<i>Morozova O.N.</i>	Concerning the rhythm in the Evenki language	101
<i>Protsukovich E. A., Morozova O.N.</i>	Pitch contour in frame structures with imperative meaning in the Evenki language	115
<i>Putina O. N.</i>	Typology of questions: Traditional approach	127
<i>Chertykova M. D.</i>	Manifestation of «direction of view» meaning in the semantics of Khakas verb <i>köp-</i> «look, see»	144
<i>Our authors</i>		155

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 4, No 4, 2018.

Сдано в набор 23.11.2018. Подписано к печати 22.12.18. Дата выхода в свет 29.12.2018.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 18,6. Тираж 1000. Заказ 94. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.